

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Алтайский государственный университет
Институт истории и международных отношений
Кафедра востоковедения
Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ
ИМПЕРСКОГО И СОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ**

МОНОГРАФИЯ

Издательство Азбука
Барнаул 2021

УДК

ББК 63.3(2)-2

Г 726

Подготовка и издание монографии осуществлены при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центрально-азиатском регионе России имперского и советского периодов».

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор **Ю.А. Лысенко**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Л.И. Шерстова**

кандидат исторических наук, доцент **И.Б. Бочкарева**

Г 726

Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-93958-001-4

В последние десятилетия неизменно высоким остается интерес исследователей к истории отношений России и государств Центральной Азии. С распадом СССР в России и бывших советских республиках – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – глубокому переосмыслению было подвергнуто общее историческое прошлое, совершенно новыми оказались темы этноконфессиональной политики России в национальных регионах. В представленной монографии впервые в историографии комплексно анализируют социальные аспекты политики Российской империи и Советского государства в центральноазиатском регионе. При этом своей задачей коллектив авторов считал необходимым преодолеть однобокую трактовку данной политики и отказаться только от негативных либо исключительно позитивных ее оценочных коннотаций.

Монография предназначена для научных работников, преподаватели и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также всех интересующихся историей России и современных Республик Центральной Азии.

УДК

ББК 63.3(2)-2

ISBN 978-5-93958-001-4

© Коллектив авторов, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Социальные процессы в Центральноазиатском регионе России и их государственно-правовое регулирование в имперский период (XVIII – начало XX в.).....	11
1.1. Представления о традиционных институтах казахского общества в политике Российской империи в Казахской степи (XVIII – середина XIX в.) <i>О.Е. Гундова</i>	11
1.2. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты <i>И.В. Анисимова</i>	33
1.3. Этапы и особенности формирования православного населения центральноазиатских окраин Российской империи (XVIII – начало XX в.) <i>Ю.А. Лысенко</i>	52
1.4. Церковно-приходское строительство Омской епархии <i>Н.В. Дикова</i>	76
1.5. Особенности этнокультурного и этноконфессионального развития Степного края на рубеже XIX–XX вв. по материалам «Омских епархиальных ведомостей» <i>Е.Н. Егоренкова</i>	90
1.6. Становление и развитие медико-санитарной службы в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. <i>А.И. Власова</i>	102
2. Социальная политика СССР в республиках советской Центральной Азии.....	119
2.1. Проекты национального самоопределения Туркестана в период революций 1917 г. и Гражданской войны <i>И.Б. Бочкарева</i>	119
2.2. Роль башкирских красноармейцев и политработников в укреплении советской власти в центральноазиатском регионе России <i>Т.М. Аюпов</i>	137
2.3. Раскрепощение мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) <i>С.А. Шерстюков</i>	153
2.4. Союзы творческой интеллигенции в системе государственного патернализма (на примере центральноазиатских республик СССР в 30-е гг. XX в.) <i>Е.Ю. Рахматулина</i>	165
Источники.....	181

Введение

Представленная коллективная монография является результатом реализации проекта «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов» коллективом научной школы под руководством профессора Ю.А. Лысенко. Проект направлен на анализ концептуально-правовых аспектов и практик реализации социальной политики России в центральноазиатском регионе во второй половине XIX – первой половине XX в.

По мере включения обширных территорий Центральной Азии в состав Российской империи ее руководству приходилось решать проблемы адаптации местного традиционного общества к институтам и нормам метрополии, интеграции региона в общеимперское пространство для реализации интересов империи в регионе. Вместе с тем в изучаемый период эффективное империостроительство было неразрывно связано с модернизацией традиционных обществ колониальных окраин, в частности, Степного и Туркестанского краев. Государство выступало основным актором модернизационного процесса в регионе, определяя баланс между «традицией» и «современностью» в отдельных сферах жизни общества.

С распадом Российской империи и революциями 1917 г. задача модернизации центральноазиатского региона осталась в наследство советской власти. Вместе с тем при преемственности целей развития и отчасти государственных интересов большевики изменили акценты в социальной политике и модернизации. Прежде всего в 1920–1930-е гг. они ушли от цели русификации населения региона и колониальных принципов политики, сделав ставку на развитие «угнетенных народов» региона в форме создания национальных территорий, поддержки национальных языков, культуры, элит. Советская стратегия модернизации по своим целям и, главное, последствиям для традиционного общества имела более амбициозный и масштабный характер, но была подчинена интересам строительства социализма. Авторы монографии рассматривают широкий спектр направлений социальной политики государства в Центральной Азии (ЦА): складывание нормативно-правовой базы регулирования общественных процессов, реформирование судебно-правовой системы местного традиционного общества, вопросы реализации религиозной политики России в Центральной Азии, складывание системы медико-санитарной службы, регулирование межэтнических отношений, процесс эмансипации женщин и др.

Одним из факторов, оказавших влияние на характер и инструментарий социальной политики Российской империи в Центральной Азии, являлся образ, устойчивые стереотипы восприятия казахского и других коренных народов региона, их традиционных общественных, политических, социально-экономических институтов, сложившийся в сознании российских

ученых, чиновников, путешественников в период инкорпорации территории Киргизской степи и Туркестана в состав Российской империи. Восприятие российской интеллектуальной и политической элитой казахского общества происходило с позиций философии Просвещения и «цивилизационной миссии белого человека». Оно было не лишено налета высокомерия просвещенного европейца по отношению к нецивилизованному кочевнику и изобиловало негативными национальными стереотипами.

В процессе исследования Ольга Гундова, одна из авторов, приходит к выводу, что образ традиционных казахских общественных институтов, сложившийся в сознании российской элиты, не был статичен, его содержание эволюционировало по мере сбора информации об общественном укладе казахского общества. В то же время расширение представлений о социальных и политических институтах казахского общества позволило российским властям провести в интересах империи серию успешных мероприятий по трансформации традиционной системы управления казахскими родами, включая упразднение института ханской власти.

В XIX в. Россия приступила к интеграции в политико-правовое и экономическое имперское пространство центральноазиатских национальных окраин. Одним из векторов социальной политики Российской империи в центральноазиатских окраинах в этой связи выступает реформирование судебно-правовых институтов традиционного общества. Этот процесс анализирует в монографии Инна Анисимова. В результате серии реформ XIX в. в Степной край были импортированы общеимперские судебные институты и правовые нормы. При этом сохраняла свое значение и традиционная судебная инстанция, представленная судом биев, который имел исключительное значение в казахском обществе. Мотивом сохранения бийского суда в системе судопроизводства были политические интересы Российской империи. Региональные чиновники подчеркивали, что сохранение в судебной системе региона суда биев «успокоит и значительно ослабит» противостояние казахского населения проводимым в Степи административным и социальным реформам.

Во второй половине XIX в. в судебно-правовой системе Степного края отчетливо проявились две тенденции. Первая свидетельствовала о неготовности имперских властей к коренному слоому традиционных социально-правовых норм в казахском обществе. Вторая тенденция была обусловлена общей модернизационной направленностью социальной политики Российской империи и выражалась в проведении реформ судебной системы степных областей и внедрении в правовое пространство общеимперских судебных институтов: института опеки, выборности судей, прокурорского надзора и т.д. Однако уже в конце столетия стали отчетливо проявляться недостатки преобразований традиционной судебной системы Степного края, все чаще звучали мнения о необходимости ликвидации народного

суда как судебного института и переходе казахского населения в компетенцию общеимперских судебных инстанций. При этом, признавая важность преобразований, к воплощению идеи реформы судебно-правовой системы Степного края в первые десятилетия XX в. имперские власти так и не приступили. Задача унификации судебной системы центральноазиатского региона была решена уже советской властью.

Хотя руководство Российской империи много внимания уделяло вопросам адаптации традиционных социальных и административных институтов местного общества к общеимперским, стратегической целью империи в отношении центральноазиатского региона была его колонизация русским населением и по возможности русификация коренного населения. Анализу политики государства по переселению в Степной край русского, православного населения, решения вопросов землепользования в регионе и удовлетворении духовных потребностей русских переселенцев посвящены разделы, подготовленные профессором Юлией Лысенко, Ниной Диковой и Еленой Егоренковой. Особенности государственной стратегии переселения, учитывающей природно-климатические характеристики региона, потенциал земельных ресурсов привели к тому, что наиболее активно осваивались Акмолинская, Тургайская и Семиреченская области. Они и составили территориальные рамки исследования государственной политики по регулированию переселенческого процесса в регион. С 1889 г. Степной край был открыт для русских крестьян, и переселение приобретает массовый характер, в особенности в период Столыпинской аграрной реформы, следовательно, ускорятся разработка комплекса мер для успешной адаптации русских переселенцев.

Ключевая роль в достижении цели колонизации центральноазиатского региона отводилась Русской православной церкви (РПЦ), являвшейся одним из основных политических институтов государства. Во второй половине XIX в. шел процесс институционального оформления православных епархий в регионе: Оренбургской, Туркестанской и Омской, была сформирована сеть благочиннических округов, церковно-приходская и церковно-школьная система. Анализ церковно-приходского строительства на примере Омской епархии показал, что в Западной Сибири к концу XIX в. была оформлена система епархиального устройства. Образование новой епархиальной единицы – Омской епархии – позволило существенно ускорить темпы интеграции региона в общеимперское социальное и правовое пространство. К 1908 г. были окончательно сформированы и укомплектованы все органы епархии, такие как Консистория, Епархиальное женское училище, Епархиальный училищный совет, Миссионерский совет, Церковно-строительный комитет, Епархиальное братство. Было открыто два викариатства, причем вторая викариатская кафедра в Акмолинске была открыта с целью борьбы с распространением сектантства, чужой веры и раскольничества.

ства. Вместе с тем государственная поддержка епархии была явно недостаточной, учитывая возложенные на РПЦ задачи. Если государство старалось поддерживать постройку храмовых сооружений, то остальное финансирование оставалось крайне скудным. Обустройство храмов, строительство причтовых домов, организация быта церковнослужителей – все это ложилось на плечи крестьян, которые были не в состоянии в полной мере нести финансовые обязательства в этом отношении.

Одним из векторов социальной политики имперской России являлось создание и развитие здравоохранения на территории всего государства. Становление системы здравоохранения в регионах проходило долгий путь, встречая много проблем и трудностей. В ходе исследования было выявлено, что завершившееся присоединение Степного края к Российской империи в 60-е гг. XIX в. повлекло трансформацию социального пространства в регионе и создание в том числе медико-санитарной службы. По мнению Анны Власовой, данный процесс сопровождался анализом эпидемиологической ситуации, причин появления новых болезней, к числу которых были отнесены неблагоприятная окружающая обстановка, территориальное и климатическое положение региона, крестьянская миграция, а также недоверие коренного казахского населения к квалифицированной медицинской помощи. Формирование органов медико-санитарной помощи осуществлялось под контролем Степного генерал-губернатора и военного губернатора Акмолинской области. Длительный переезд и сложные условия адаптации крестьян-переселенцев на территории Степного края нередко провоцировали эпидемии. Местных врачей не хватало, поэтому помощь приходилось искать у персонала Российского отделения Красного креста. Степной генерал-губернатор не раз выступал с просьбой к Красному кресту откомандировать врачей, сестер милосердия и оказать продовольственную помощь наиболее нуждающимся районам Степного края.

Революции 1917 г., распад Российской империи и формирование нового советского государства поставило уже перед советской властью задачу решения системной проблемы – модернизации центральноазиатского региона. Социальные модернизационные преобразования рассматривались руководством РКП(б) как составляющая национального вопроса и условие укрепления советской власти в регионе. В сталинской формулировке, выдвинутой на X съезде РКП(б), суть национального вопроса в РСФСР состояла в том, «чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать отсталым народам догнать центральную Россию»¹. Как и в имперский период, государство по-прежнему выступало основным актором модернизации.

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 39.

Вместе с тем модернизационные процессы, запущенные с момента вхождения Степного края и Туркестана в состав Российской империи привели к тому, что в период революций 1917 г. и утверждения советской власти большевикам пришлось выстраивать свою политику с учетом новых социальных феноменов. В частности, речь идет о зарождающейся идеологии национализма в среде местной политической элиты и чрезвычайно актуализировавшемся национальном вопросе по сравнению с имперским временем. Ответом РКП(б) стало формирование новых подходов к решению национального вопроса, отличающихся от того, что предлагала царская администрация. Процесс национального самоопределения народов региона как результат столкновения и взаимодействия подходов местных элит и центрального советского руководства рассматривается в разделе, подготовленном Ириной Бочкаревой. С подачи Ленина руководство РКП(б) сделало ставку на деколонизационную составляющую решения национального вопроса в регионе с целью формирования отношений доверия к советской власти со стороны местного населения. К концу Гражданской войны создание национальных территорий, поддержка национальных языков, культуры, элит окончательно сложились как целевые установки национальной политики партии. В то же время, по выражению Т. Мартина, партийное руководство выстраивало национальную политику в контексте противопоставления политики «жесткой линии» и политики «мягкой линии»¹. Вопрос о власти и связанный с ним политический статус национальных советских автономных республик, провозглашенные большевиками в Центральной Азии, решались в русле политики «жесткой линии», подчинения всех проявлений национального задачам строительства социализма. Закономерно, что инициатива в 1920 г. председателя Туркцика Турара Рыскулова переименовать ТуркАССР в Тюркскую советскую республику и начать комплектовать национальные части Красной армии была расценена Политбюро и лично Лениным как проявление пантюркизма и подвергнута осуждению. Действительно, идеи тюркского единства как один из вариантов национального самоопределения присутствовали в тот период среди национальных элит мусульманских тюркоязычных регионов России. Большевики воспринимали их как угрозу своим планам построения советского государства. Вместе с тем, продолжая практику Российской империи, они привлекали идеологически выдержанных работников из числа башкир и татар для социалистического строительства в Центральной Азии. Роль башкирских политработников и красноармейцев в продвижении советской власти в Центральной Азии рассматривается Тимуром Аюповым.

Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г. было продиктовано политическими мотивами, в первую очередь

³³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 37.

стремлением большевиков решить задачу ухода общетюркских мотивов из национального дискурса. Положив в основу создания национальных территорий и социальной иерархии национальность, большевики ускорили рост этнического самосознания и оформления в перспективе новых вариаций местных национализмов.

Одной из самых амбициозных и вместе с тем одной из самых сложных задач в рамках модернизационных преобразований большевиков в Центральной Азии была политика, направленная на «раскрепощение» мусульманских женщин. Изменения в этой сфере начались раньше — в предшествующий период имперские власти в Туркестане и джаиды пытались (с разной степенью успеха) осуществить меры, которые изменили бы положение женщин. Усилия большевиков следует рассматривать в свете этого опыта. Как отмечает автор раздела Сергей Шерстюков, кампания по «раскрепощению» женщин, которую начали большевики, являлась беспрецедентной, если оценивать ее с точки зрения поставленных целей, способов их воплощения и мобилизованных для этого ресурсов. Большевики попытались в сжатые сроки реализовать собственный проект «эмансипации». Для осуществления этого проекта были использованы значительные ресурсы (административные, финансовые, человеческие). Широко применялись методы принуждения, проводились массовые агитационные кампании, публичные акции по сбрасыванию (и часто сожжению) паранджи. В то же время были и попытки проведения политики «мягкой линии». Кампания встретила мощное сопротивление не только в социальных группах, которые с самого начала рассматривались как враждебные новой власти, но неоднозначную и часто негативную реакцию тех сил, которые являлись (или, по крайней мере, могли считаться) ее сторонниками. Столкнувшись с невозможностью остаться в стороне от масштабного социального эксперимента, одни люди стремились выработать практики адаптации к осуществляемой политике, другие — искали способы сопротивления ей, причем, между сопротивлением и адаптацией не было непроходимой границы. Между двумя полюсами — активным сопротивлением и активной поддержкой — было множество промежуточных форм, которые часто ускользали от исследовательского внимания.

Как известно, задачи поддержки собственной культуры и языков народов региона оформились в политику коренизации. Политика коренизации, запущенная большевиками на государственном уровне, предполагала не только привлечение национальных кадров в управленческую и производственную сферы, она была нацелена на формирование собственной культурной базы и творческой интеллигенции коренных народов. Евгения Рахматулина анализирует принципы советской культурной политики в 1930-е гг. в советских республиках Центральной Азии и отмечает, что создание новой системы социальных координат в этнорегионе осуществлялось поэтапно, как в ходе процесса коренизации, так и путем внедрения практики

государственного патернализма. Основными чертами государственного патернализма как практики управления в сфере культуры являлось сочетание программы помощи творческой интеллигенции, создания и поддержания инфраструктуры с параллельным использованием командно-административных ресурсов управления¹.

Объектами патерналистской системы выступили профессиональные Союзы творческой интеллигенции, созданные в центральноазиатских республиках после выхода Постановления Центрального Комитета ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». В связи с тем, что деятельность профессиональных творческих объединений базировалась на мощном использовании государственных ресурсов, проработанной нормативно-правовой базе, фискальной поддержке и развитой внутренней структуре, данные обстоятельства в совокупности создали предпосылки для формирования нового социального слоя – профессиональной творческой интеллигенции из числа коренных народов Центральной Азии. Актуальность практике патернализма в этнорегионе также придавали низкие исходные позиции развития местной художественной инфраструктуры, выраженные слабостью и малочисленностью профессиональных творческих коллективов дореволюционного периода, так и открывшиеся новые возможности развития и консолидации творческих сил.

¹ Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4 С. 150.

Раздел 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ И ИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (XVIII – НАЧАЛО XX в.)

1.1. Представления о традиционных институтах казахского общества в политике Российской империи в Казахской степи (XVIII – середина XIX в.)¹

О.Е. Гундова

Начавшийся в 1730-х гг. процесс инкорпорации Младшего и Среднего казахских жузов в состав России поставил перед российскими правящими кругами задачу интеграции новых территорий в социально-правовое пространство империи. Эффективное управление окраинным регионом с иноэтничным населением было бы невозможно при отсутствии информации о природно-климатических условиях степи, социальных и политических институтах казахского общества, а потому систематическое историко-географическое и этнографическое изучение Казахской степи началось уже с принятия в 1731 г. Младшего жуза в российское подданство. Процесс аккумуляции знаний о казахском народе в XVIII–XIX вв. подробно освещен как в советской², так и современной³ историографии. В данной главе мы предла-

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Абилов А.К. Русская историография истории Казахстана XIII – начала XX вв. Караганда, 1988; Бижанов М.К. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968; Ерофеева И.В. Европейское просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 50–86; Ерофеева И.В. Казахстан второй половины XVIII – первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979; Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966.

³ Бегалиева А.К., Косанбаев К. История изучения этнографии народов Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей (в XVIII – начале XX вв.). Алматы, 2019; Еркембай Ж.А. Из истории изучения казахского края в Российской империи в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 81–88; Ыылдырым С., Эгамбердиев М.Ш. Этнографические исследования Царской России в Казахстане // Вестник КазНУ: Серия историческая. 2018.

гаем рассмотреть, как на основе получаемых сведений у российской правящей элиты формировались представления о некоторых традиционных политических и социально-экономических институтах казахского общества (экономический уклад, ханская власть), а также на то, какое влияние эти представления оказали на преобразования, проводимые имперскими властями в казахском этнорегионе.

В условиях географической удаленности Казахской степи от научных центров империи и ее недостаточной изученности в течение длительного времени источниками для формирования представлений о казахском народе у имперских правящих кругов стали, во-первых, опубликованные труды ученых, чиновников и военных (их дневники, отчеты, статьи в научных журналах), во-вторых, делопроизводственные документы местной администрации (донесения, обзоры, отношения, записки, отчеты, журналы) по широкому кругу проблем.

На процесс формирования у имперской политической элиты представлений о казахском народе оказывали влияние устойчивые ментальные конструкции, выполнявшие роль «посредника» между наблюдателем и наблюдаемой им реальностью. В рассматриваемый период в сознании образованной части российского общества доминировала просветительская картина мира. Восприятие имперскими интеллектуалами представителей иных культур определялось выработанной в рамках философии Просвещения концепцией развития исторического процесса. В ее основе лежала идея об историческом развитии человеческого общества как последовательной цепи смены эпох, содержание которых определялось формами хозяйственной деятельности, а критерием изменения и выделения стадий служили прогрессивные изменения в развитии разума. Прогресс человеческого разума, согласно представлениям просветителей, знаменовал собой переход совокупности индивидов от состояния первобытной «дикости» через эпохи «варварства» к гражданскому обществу – «цивилизации». Просветительские идеи о поступательном развитии общества глубоко проникли в познавательную культуру России и сформировали у образованной части общества представление о себе как части «цивилизированной» Европы и азиатских

Т. 89. №2. С. 29–37; Косанбаев С.К. История становления и развития этнографии Казахстана (XVIII–XX вв.). Алматы, 2005; Рахимов Е.К. Этнография казахов России в трудах отечественных и зарубежных исследователей (XVIII – начала XXI вв.): дис. ... д-ра философии (PhD). Алматы, 2017; Сдыков М.Н. Казахи в русской историографии XIX века // Вестник ЗКГУ. 2020. № 4(80). С. 243–258; Shayakhmetov N.U., Mominova G.T., Omirbekova J.M., Maibalaeva A.A. Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century // Bylye Gody. 2019. Vol. 54. Is. 4. P. 1439-1450. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1575588440.pdf.

подданных империи как народов, занимающих низшее звено на шкале «дикость–цивилизация»¹. Распространение в среде российских интеллектуалов идеи принадлежности к «цивилизированному миру» способствовало формированию дискурса «цивилизаторской миссии» по отношению к нерусским народам империи, заключавшейся в том, что «культурную отсталость» можно преодолеть при помощи государственного вмешательства².

Несмотря на ограниченность источников информации и низкий в целом уровень знаний о казахском обществе до второй трети XVIII в., определенные представления об экономическом укладе населения степи начали формироваться у правящих верхов Русского государства еще в петровскую эпоху. Сибирские чиновники и служилые люди доносили в Москву, что главным видом хозяйственной деятельности казахского народа являлось кочевое скотоводство – скот обеспечивал кочевников пищей и служил главным предметом в торговле с соседними оседлыми народами: бухарцами, хивинцами, каракалпаками. Земледелие и другие промыслы играли незначительную роль в экономике. Огромное распространение, по оценкам наблюдателей, получила торговля невольниками, которыми нередко становились российские подданные³. Включение Казахского степи в состав России и начавшийся в империи процесс систематического изучения данного региона поначалу не повлияли на представления о хозяйственном укладе казахского общества. Так, А.И. Тевкелев утверждал, что «онье орды кочевья, хлеба не пашут, а довольствуютца скотом»⁴. Именно скот, по оценкам наблюдателей, выступал в качестве главной статьи ввоза из степи и являлся

¹ Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 127–128; Ерофеева И.В. Европейское просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 60–62.

² Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы, 2015. С. 130–131.

³ Гундова О.Е. Экономическая деятельность казахов глазами российских чиновников и служилых людей (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона : материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги. Барнаул, 29 октября 2020 г. Барнаул, 2020. С. 124–127.

⁴ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы, 2005. С. 91.

самым востребованным казахским товаром на российском рынке. Сама торговля казахов с соседними народами носила меновой характер¹. Огромный размах имели набеги казахов-кочевников на российское приграничье с целью грабежа и захвата пленных для их последующей продажи, о чем свидетельствовали донесения региональных администраций в Военную коллегию².

Данные представления об экономическом укладе казахского общества легли в основу проекта И.К. Кирилова по развитию этого этнорегиона, который был предложен императрице Анне Иоанновне в 1734 г. и впоследствии стал программой хозяйственного освоения Казахской степи.

Представленный автором образ включал в себя несколько характеристик. Во-первых, это территории, расположенные на пути караванной торговли с государствами Средней Азии, «окно» в эти земли, а через них и в Индию. Новый толчок как внешней, так и внутренней торговле, по мысли И.К. Кириллова, должно было придать строительство нового города у устья р. Орь, удобное географическое расположение которого привлекло бы среднеазиатских купцов, обычно покупавших российские товары у бухарских посредников. Во-вторых, это регион с развитым скотоводством. По оценке чиновника, скот выступал в качестве главной статьи ввоза из степи и мог быть приобретен по низкой стоимости в обмен на российскую промышленную продукцию, степь представлялась ему как перспективный рынок сбыта отечественных товаров путем их неравного обмена в пользу России³.

Более точные представления об экономическом укладе казахского общества начали меняться во второй половине XVIII в., когда в Российской империи начался процесс научного изучения Казахской степи. С этого времени и до середины XIX в. выделяют два направления историографии казахского этнорегиона: академическое и практическое. Представителями первого направления являлись, как правило, известные исследователи об-

¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы, 2005. С. 388; Кирилов И.К. Изъяснение о Киргис-Кайсакской и Каракалпакской ордах. Проект от 1 мая 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. IX. № 6571. С. 314.

² Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1: 1734. Оренбург, 1900. С. 124, 297–303; Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 2: 1735–1736. Оренбург, 1900. С. 43–44.

³ Кирилов И.К. Изъяснение о Киргис-Кайсакской и Каракалпакской ордах. Проект от 1 мая 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. IX. № 6571. С. 312, 314–315.

щеевропейского масштаба, такие как В.Н. Татищев, П.С. Паллас, И.Г. Георги, Х. Барданес, Я.П. Гавердовский, А.И. Левшин и др. Их научно-исследовательская деятельность получила развитие в научных центрах империи: Академии наук, Азиатском музее, Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском университетах, Русском географическом обществе. Практическое направление историографии региона было представлено военными и чиновниками пограничной администрации, на которых сбор историко-этнографической информации о казахском народе возлагался в дополнение к их основным обязанностям. Представителями практического направления были П.И. Рычков, И.Г. Андреев, С.Б. Броневский и др.¹

С 30-х гг. XVIII в. и вплоть до середины XIX в. основой экономической политики Российской империи в Казахской степи выступали торговые интересы империи. Торгово-экономические контакты империи с казахским населением были сосредоточены в крепостях Уральской, Оренбургской и Иртышской линий, как правило, при посредничестве татарских купцов. До 20–30-х гг. XIX в. кочевой способ производства казахов не выступал объектом экономической политики российских правящих кругов. В рамках концепции цивилизаторской миссии России в отношении азиатских народов дело ограничилось лишь общими рассуждениями о необходимости приведения кочевников к состоянию оседлости. Все эти нюансы, а также аграрный характер российской экономики, отсутствие прочных межрегиональных контактов и рынка труда привели к тому, что казахское общество на протяжении XVIII – первой половины XIX в. продолжало вести традиционное хозяйство².

Прежде всего наблюдатели отмечали, что в основе хозяйственной деятельности казахов лежало кочевое скотоводство, которое составляло «богатство» казахского народа, важнейшую отрасль его экономики и основывалось на разведении лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота³. Преобладание скотоводства в хозяйственной деятельности казахского народа, по мнению очевидцев, было результатом природно-климатических условий степной местности. Так, И.Г. Георги считал, что казахский народ «о землепашестве <...> которое и без того в большей части сухих и

¹ Ерофеева И.В. Европейское просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 62–63.

² Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 103–105.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Часть первая. СПб., 1773. С. 581; Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 326.

солончаками и изобильных степей было бы неприбыльно <...> и не думает»¹. Имперские исследователи скрупулезно собирали сведения о местах летних и зимних кочевков казахов, времени и маршрутах перекочевок, порядке выпаса скота, его количестве. Кочевой образ жизни казахского общества воспринимался наблюдателями не просто спорадическим перемещением по степи, а выработанной в течение веков четкой схемой движения, привязанной к климату и ландшафту местности.

В качестве побочных отраслей скотоводческого хозяйства казахов наблюдатели выделяли охоту, домашние промыслы (изготовление продуктов питания и предметов обихода, обработку скотоводческого сырья – выделку кож, изготовление армячины, войлока, ковров, веревок и подобного, слабо развитое кузнечное ремесло)².

Если повсеместное распространение скотоводства в Казахской степи и его доминирование в местной экономике не вызывало сомнений у очевидцев, то оценки развития в этом регионе земледелия российских очевидцев были противоречивы. Одни авторы считали, что занятию хлебопашеством в степи препятствуют, с одной стороны, засоленность почв и недостаток водных и лесных ресурсов, и особенности национального характера казахов – с другой. Например, П.И. Рычков отрицал существование земледелия в Казахской степи, полагая, что «далеко еще киргиз-кайсацкий народ от сего, чтобы быть в нем земледельцам» вследствие цивилизационных особенностей казахского общества и отсутствия у него экономической потребности в хлебопашестве³. Г.Ф. Герман также отмечал, что «степь сия ни для кого иного неудобна кроме Киргизов, или подобных им номадов. <...> ни к земледелию, ни к промыслам Киргизец не способен, да и земля и климат его к тому неудобны»⁴. Другая группа авторов, напротив, указывала на существование земледельческого хозяйства у степного населения. Так, в 1765 г. один из командиров Сибирской линии генерал-поручик И. Шпрингер докладывал Коллегии иностранных дел, что подданные султана Среднего жуза Абулфеиза «пленников принимают и селят ради производства хлебопашества в прежней зенгорской землице»⁵. В конце XVIII в. И.Г. Андреев отмечал у населения Среднего жуза существование земледельческого хозяйства:

¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 234.

² История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 58–61; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 384–388.

³ Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1767. Ч. 7. С. 8.

⁴ Герман Ф.И. О киргизцах // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 22. С. 131.

⁵ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 680.

«киргисцы начинают пахать землю, и сеют хлеб, пшеницу, ячмень и просу»¹. Полярность мнений имперских наблюдателей, на наш взгляд, объясняется тем, что пашенное земледелие не являлось распространенным видом хозяйственной деятельности кочевого населения степи, его развитие со второй половины XVIII в. (происходившее преимущественно в Северо-Восточном Казахстане) было инициировано казахской знатью и имело очень ограниченные масштабы².

Отечественные исследователи предпринимали попытки выявить факторы, влияющие на развитие земледелия в степи. Внимание акцентировалось на внутренних причинах: природные катаклизмы, массовые падежи скота, а также барымта приводили к обеднению части казахского населения, которая была вынуждена искать новые источники существования и обращалась к занятию земледелием. Я.П. Гавердовский, Е.К. Мейендорф и другие наблюдатели подчеркивали, что занятие земледелием и некоторыми другими промыслами в казахском обществе являлось признаком нищеты, и ни один казах не станет заниматься земледелием, если у него есть возможность иметь скот и кочевать³. Помимо этого, К.А. Мейер отмечал благотворное влияние русских поселенцев на развитие хозяйства казахов: последние начали заниматься земледелием, оценили целесообразность заготовки сена, изъявили желание построить деревянные дома для постоянного проживания в зимнее время⁴. Об успешном опыте усвоения казахами навыков земледелия сообщали и другие очевидцы⁵.

Однако на практике обусловленные «цивилизаторской миссией» императивы о примитивности кочевого образа жизни и необходимости приведения кочевников к состоянию оседлости зачастую сменялись доводами об обоснованности занятия казахского населения скотоводством, нежели земледелием. Можно согласиться с Ж.М. Джампеисовой в том, что у имперских

¹ Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 77.

² Прохоров И.Р. Историческая география казахского земледелия (1758–1822) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. Право. 2006. № 2 (42). С. 155–161. URL: <https://articlekz.com/article/5349>

³ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 484; Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 38; Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб, 1848. С. 101.

⁴ Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 318.

⁵ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 484–488; Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. Павлодар, 2005. С. 38–39.

правлящих кругов отсутствовало четкое представление о цивилизаторской миссии империи на ее восточных окраинах, оно корректировалось или вообще ставилось под сомнение при столкновении с практической жизнью кочевников¹. На протяжении всего рассматриваемого периода в среде политической элиты Российской империи не сложилось единого мнения по проблеме оседания казахов-кочевников. Западно-Сибирская и Оренбургская администрации по данному вопросу заняли противоположные позиции. Первая считала необходимостью и поощряла постепенный переход номадов к оседлости и земледелию, вторая полагала, что казахский этнорегион может быть полезен лишь как потребитель российской хлебной продукции и производитель животноводческого сырья, а развитие в степи хлебопашества может стать причиной обособления казахов от России². При этом руководители оренбургского ведомства занимали подчас противоположные позиции по вопросу седентаризации кочевников, политика местных властей, подобно маятнику, колебалась то в сторону поощрения оседания казахов, то в сторону его запрета. Военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс оценивал ситуацию следующим образом: «Во времена бывшего Оренбургского военного губернатора, графа Сухтелена, установилась странная точка зрения, будто интересы России требуют удержания киргизов во что бы то ни стало в их кочевом состоянии. Генерал Перовский держался того же мнения. Его преемник, генерал Обручев, пришел к другому крайнему убеждению, а именно, будто полезно и возможно сделать киргизов оседлыми, хотя бы и форсированными мерами. Вновь занявший место Обручева граф Перовский сделал ряд прямо противоположных распоряжений и свою мысль о необходимости киргизов оставаться кочевыми довел до такого предела, что запретил им строить прочные землянки. Генерал Катенин склонился опять к идеям Обручева. Все эти эксперименты, построенные на незнании степи и априористических, а потому неверных, воззрениях оканчиваются назначением генерала Безака, с которого в Оренбурге устанавливается покойная государственная точка зрения на киргизские степи». При этом А.К. Гейнс отмечал, что даже после принятия Временного положения 1867–1868 гг. «представители мнений, оставленных Сухтеленом и Обручевым, стараются вести дело не так, как требуется «Временным Положением» или нуждами киргизов, а так, как, по их мнению, это кажется наилучшим»³.

¹ Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII – XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы, 2015. С. 131–132.

² Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII – XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М., 2005. С. 228–229.

³ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. 2. СПб., 1898. С. 540–541.

Обеспечение торговых интересов России в среднеазиатском направлении обусловило пристальное внимание имперских наблюдателей к вопросам торговли (русско-казахской, транзитной через Казахскую степь с ханствами Средней Азии, внутри степи) и изучению казахского рынка. По мнению некоторых исследователей (Е.К. Мейендорф, Я.П. Гавердовский), именно экономические выгоды от приобретения азиатских рынков явились основной причиной продвижения империи в Казахскую степь¹. Очевидцы скрупулезно описывали места и виды торговли (стационарную, ярмарочную и развозную), а также номенклатуру местной и ввозимой в степь продукции.

По их оценкам, главными статьями вывоза из степи были скот и продукты животноводства (невыделанные кожи, верблюжья шерсть, войлок), пушнина, а также невольники. Из России в степь ввозились пользовавшиеся широким спросом у казахского населения русские ткани – шерстяные и хлопчатобумажные, металлические изделия (кухонная утварь, швейная фурнитура, украшения и другое), продукты питания (мука, крупы, сахар и другое). Из среднеазиатских ханств казахи покупали текстильную продукцию и оружие².

По мнению наблюдателей, торговля в казахском этнорегионе находилась в состоянии «младенчества», т.е. неразвитости, отмечался ее меновой характер – мерилom стоимости товара выступал трехлетний баран. Внутреннюю торговлю в степи российские авторы оценивали как слаборазвитую, преобладал обмен скота и пленных на ввозные товары. Торговля носила разъездной характер и осуществлялась купцами и их приказчиками. Мелкая торговля в степи проходила в меновых дворах и лавках в российских фортах. Там русские купцы обменивали сахар, муку, алкоголь, ткани, изделия из металла на казахский скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские торговцы привозили в форты преимущественно ткани, одежду, обувь, чай, орехи, сухофрукты и другую продукцию. В целом, отмечалась неизученность внутренней торговли в степи³.

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 122; История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 395.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 243–244; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 233.

³ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 492; 494; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 389; Мейер Л.Л. Материалы для географии и

С началом включения территорий Младшего и Среднего жузов в состав Российской империи правительство взяло курс на расширение азиатской торговли. В XVIII в. была сформирована сеть таможенных застав в Оренбурге, Троицке, Усть-Каменогорске и Семипалатинске. Разгром Джунгарского ханства Цинской империей привел к расширению внешней торговли с Китаем, Монголией, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Для торгующих в крепостях Урало-Иртышской укрепленной линии российских и иностранных купцов создавался режим налогового благоприятствования. Российско-азиатская караванная торговля через Казахскую степь проходила по двум крупным направлениям. Первое начиналось от Оренбурга, шло через кочевья казахов Младшего жуза в хивинские и бухарские владения. Из Ташкента и Коканда караваны имели возможность следовать в города Восточного Туркестана. Второе осуществлялось через кочевья казахов Среднего жуза: из Семипалатинска по долине Верхнего Иртыша и Тарбагатай в Чугучак и оттуда по китайским пограничным пикетам в Кульджу. Казахские родоприводители выполняли посреднические функции, сопровождая караваны по пути следования, предоставляя им безопасность, за что взимали с владельцев караванов пошлину. Таким образом, Казахская степь приобрела важное транзитное значение для расширения торговли России в Азии¹. Тем не менее торговые отношения России с Казахской степью и транзитом через нее с ханствами Средней Азии даже на протяжении XVIII – первой половины XIX в. носили маргинальный характер. На долю этого региона приходилась только треть всего вывоза в Азию, который, в свою очередь, составлял на протяжении первой половины XIX в. от 5% (в 1802 г.) до 11% (в 1850 г.) общего заграничного экспорта российских товаров. При этом доля вывоза в Центральную Азию не увеличивалась. Российский импорт из Центральной Азии в первой половине XIX столетия превышал экспорт в этот регион из России².

статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 172–177.

¹ Lysenko Yu.A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. P. 138–139. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1551352035.pdf.

² Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 105.

Важное место в казахской экономике в начале XIX в., по мнению наблюдателей, стало занимать рыболовство, к которому, как и к земледелию, прибегала наиболее бедная часть степного населения¹. По свидетельству Н.И. Красовского, этим промыслом занимались «почти исключительно джатаки». Вместе с тем автор упомянул о существовании рыбопромышленников из числа состоятельных казахов, однако их количество было невелико – подавляющая часть улова приходилась на долю казаков и русских крестьян². Рассматривая экономическую деятельность отходников-джатаков, очевидцы отмечали, что данная социальная категория казахов зарабатывала преимущественно выпасом скота в крестьянских и казачьих хозяйствах, а также «воровством, ибо особенно известны как конокрады». Также жители степи нередко предлагали свои услуги по сопровождению и охране караванов российских и среднеазиатских торговцев³.

Имперские власти стремились регулировать миграции казахов вблизи укрепленных линий. Для этой цели в августе 1820 г. был издан указ, определявший правила их найма на работу в населенных пунктах Оренбургской линии. Согласно документу, казахи получали право устройства на работу только после выдачи официального разрешения – билета, с которого взимался денежный сбор соразмерно сроку найма: на один год он составлял 6 рублей, на 4 месяца – 2 рубля, на один месяц – 50 копеек⁴. В том же году, по данным Оренбургской пограничной комиссии, билеты получил 11761 человек⁵.

Значимую роль в экономике казахского общества, по мнению очевидцев, составляли набеги на соседние со степью территории с целью захвата имущества и пленных, грабежи караванов, а также барымта. По оценкам И.Г. Георги, в эти занятия были вовлечены не только отдельные «шайки»,

¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 479–480; Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. С. 327–328.

² Красовский Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. II. С. 131.

³ Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 36; Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Заруральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб, 1848. С. 103–104.

⁴ Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771–1867). Алма-Ата, 1964. С. 185.

⁵ Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771–1867). Алма-Ата, 1964. С. 189–196.

но и целые аулы («улусы»)¹. В 1803 г. Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский представил в МИД «Записку о численности, местах кочевок и торговле отдельных родов Большой, Средней и Малой орд, составленную старшиною Кобек Шукур-Али улы и казанским татаринном Галием Шахмутаровым», в которой сообщал, что из 41 рода Младшего жуза, торгующего или занимающегося обменом товаров в Оренбурге, Троицке и на рынках Бухары и Хивы, 10 родов параллельно участвовали в грабеже караванов². Большой размах имела торговля невольниками, национальный состав которых был широким – среди них встречались российские подданные, каракалпаки, калмыки, персы, китайцы. Торговля велась в двух направлениях: среднеазиатском (Хива, Бухара, Ташкент) и российском (приграничные меновые дворы)³. Помимо набегов на своих соседей, источником пополнения рабов для казахов в первой половине XIX в. служило пиратство на Каспийском море. Так, Г.С. Карелин сообщал о захвате в плен только в 1830–1831 гг. более 200 российских моряков⁴. К набегам на пограничные линии имперские наблюдатели приравняли и традиционный казахский институт барымты (насильственный угон скота членами одного родового коллектива у другого с целью возмещения убытка или в качестве возмездия за убийство, грабеж и прочие преступления). Они «отмечали, что “настоящая” барымта – в том виде, как она описана в Жете-Жаргы и нормах обычного права, уже не встречалась. Практически любая новая барымта сразу же превращалась в череду взаимных нападений, и через несколько лет выявить первопричину нападений уже не представлялось возможным»⁵. Оценивая влияние барымты на экономическую деятельность казахов, авторы подчеркивали деградацию ее как правового института и превращение ее в предлог для грабежа, приобретшего огромные масштабы. Так, А.К. Гейнс отмечал, что обедневшие кочевники «составляли особенные общества грабителей, которые соединялись вместе и под предлогом баранты они угоняли скот у всех богатых киргиз, а нередко производили набеги на соседние земли и на купеческие караваны под предлогом взимания пошлин за пропуск через

¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 237.

² Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. С. 513–516.

³ Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 45; История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 495.

⁴ Карелин Г.С. Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю. СПб., 1883. С. 153–157.

⁵ Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование (80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. С. 57.

свои кочевья. Таким образом в степи начало развиваться хищничество во всех его видах и дошло до того, что грабежи начались уже без всяких поводов, и такая добыча служила для многих киргизов долгое время единственным источником существования»¹.

Реакцией российских властей на набеги, барымту и грабеж торговых караванов казахами Младшего и Среднего жузов стало появление проектов, направленных на их «усмирение» репрессивными мерами. Так, в апреле 1804 г. Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский представил императору Александру I «Мнение», в котором предлагал комплекс мер по прекращению барымты и грабежей торговых караванов. В целях прекращения набегов казахов на пограничную линию автор считал необходимым следующие средства: «пограничным жителям дать одно право ловить их и преследовать прокрававшихся, поколь их схватят или потеряют из виду»; из аулов, укрывающих преступников, «в страх другим забирать по несколько человек из лучших людей, <...> держать в крепостях по толь, пока не возвращено будет украденное и не выданы будут самые воры»; казахов, пойманных во время набегов или тайно переехавших границу без разрешения пограничного начальства, «отсылать без всякаго дальнаго следствия: простых годных – в службу, неспособных к оной – в работу, старшин же – на поселение в Иркутскую губ[ернию]».

Справедливости ради следует отметить, что Г.С. Волконский предлагал применять репрессивные меры не только по отношению к казахскому населению, но и к пограничному начальству, ненадлежащим образом выполняющему свои обязанности по недопущению барымты, а также к другим российским подданным, отправляющимся в Казахскую степь с целью грабежа. Для предотвращения грабежей торговых караванов Оренбургский военный губернатор предлагал посылать в степь военные отряды, а участвовавших в грабежах старшин вместе с членами их семей «развести в города Сибири или иные внутри государства, как заблагоразсудится, на вечное житье»². Однако на этом Г.С. Волконский не остановился и, следуя принципу «насилие останавливается и прекращается одною силою»³, в том же 1804 г. представил императору проект «Меры к усмирению казахов, отучению их от хищничества и приучению к оседлой жизни для большей безопасности русских торговых караванов». В документе губернатор предлагал организовать массовое и насильственное переселение казахов «с настоящего их гнезда» «во внутренние степи России – Астраханскую, Саратовскую и Сибирскую губернии». Для реализации этого замысла он считал возможным

¹ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т.1. СПб., 1897. С. 69–71.

² Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. С. 217–223.

³ Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. С. 221.

отправить в Казахскую степь войска – «высылать ежегодно экспедиции для пленения киргиз со скотом». На освободившиеся территории автор считал рациональным организовать переселение крестьян. Получив данный проект, Александр I отдал приказ военному министру сухопутных сил С.К. Вязмитинову и министру иностранных дел князю Чарторыжскому обсудить его, однако дальше обсуждения дело не продвинулось¹.

Если воззрения Г.С. Волконского представляли собой крайний взгляд на обеспечение стабильности на юго-восточных рубежах империи, то проекты поручика Я.П. Гавердовского выражали более умеренную позицию. В 1803–1804 гг. он представил правительству следующие записки: «Система к преобразованию и устройению киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды и всей Оренбургской линии»; «О средствах для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах», заметки «О мероприятиях для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа». В них Я.П. Гавердовский, констатируя факт политической нестабильности на караванных путях и многочисленные случаи грабежей казаками торговых караванов, предлагал российскому правительству наказывать карательными мерами только правящую верхушку казахских родов, участвующих в них, но не рядовых кочевников-скотоводов. Центральное правительство ответило на все эти рапорты и записки молчанием².

Для решения указанных проблем имперские правящие круги использовали целый комплекс как репрессивных, так и дипломатических средств. По инициативе российской стороны с 30-х гг. XVIII в. был налажен регулярный обмен дипломатическими миссиями с казахской правящей элитой. Основная часть дипломатических миссий от казахских правителей принималась Оренбургской пограничной администрацией, однако известны случаи их отправки в Петербург (посольство султана Среднего жуза Барака в 1747 г., хана Среднего жуза Вали в 1781 г. и другие). В числе прочего в ходе дипломатических миссий решались задачи расширения азиатской торговли и обеспечения безопасности русских торговых караванов, следовавших транзитом через казахскую степь, обмена пленными, пресечения набегов казахов на русские приграничные территории. В первой половине XIX в. решение этих задач в рамках российско-казахских дипломатических контактов осу-

¹ Lysenko Yu.A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. P. 142–143. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1551352035.pdf.

² История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 10–11.

ществлялось посредством «депутатских миссий» ханов, султанов и родо-правителей к императорскому двору. Всего таких визитов состоялось не менее 20¹.

К решению проблемы «умиротворения» степи на региональном уровне российские правящие круги привлекали представителей казахской этно-элиты, кооптированных в имперские органы власти. После ликвидации в 20-е гг. XIX в. института ханской власти в структуре среднего звена местного управления были созданы должности старшего султана в Среднем жузе и султана-правителя в Младшем жузе. Последним, согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., было предписано «употреблять все средства к немедленному искоренению обычных киргизам беспорядков, а именно: грабежей, баранты и неповиновения власти»². Положение об управлении оренбургскими казахами 1844 г. вменяло в обязанности султанов-правителей «влиятием своим и имеющимися в их распоряжении средствами всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства»³. В качестве одного из средств «успокоения» Казахской степи российские власти практиковали привлечение на свою сторону авторитетных барымтачей и вождей антироссийских восстаний, однако данная мера зачастую оказывалась неэффективной и не приносила желаемых результатов⁴.

Одновременно с дипломатическими средствами для борьбы с грабежами торговых караванов, набегами казахов на русские приграничные территории и барымтой имперские правящие круги использовали и силовые меры. Так, по «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. нападение на торговые караваны было отнесено к разряду преступлений против государственной власти с соответствующим наказанием. В 1837 г. указом Николая I казахи Оренбургского ведомства, виновные в барымте, измене, убийствах, разбоях, грабежах караванов, захвате русских для продажи в рабство, также были переданы в ведение военных судов. Данный указ был подтвержден «Положением об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. Важными мерами по предотвращению барымты, набегов и нападений на торговые караваны стало возведение в степи новой сети укреплений и редутов⁵, а также

¹ Лысенко Ю.А. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // История : электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. № 8(82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006066-1-1>.

² Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. С. 96.

³ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. С. 221.

⁴ Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов ... С. 116–120.

⁵ Lysenko Yu.A. Lysenko Yu.A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // Bylye Gody. 2019. Vol. 51. Is. 1. P. 144. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1551352035.pdf.

практиковавшаяся с 40-х гг. XVIII в. вплоть до середины XIX в. посылка в степь казачьих отрядов, получившая название «воинских поисков», «репрессалий» или «барымты» (поскольку, как упомянуто выше, наблюдатели вкладывали в это понятие значение нападения с целью грабежа или возвращения украденного)¹.

Что касается представлений российских правящих кругов о главном политическом институте казахского общества – ханской власти, то до 1730-х гг., когда началось включение Казахской степи в состав империи, они также были весьма туманными. Точные сведения об общественном устройстве и внутривластной жизни казахов появились у имперской правящей элиты лишь после известной поездки А.И. Тевкелева в ставку хана Абулхаира в 1731 г.²

Согласно свидетельствам очевидцев, казахский народ подразделялся на три политических объединения – жуза: Старший, Средний и Младший (Большая, Средняя и Малая, или Меньшая, орды). Во главе каждого из них стоял хан, избираемый из числа султанов-чингизидов. Звание хана не являлось наследственным, а могло быть приобретено лишь в результате официального акта избрания³. Г.И. Спасский описывал обряд избрания хана следующим образом: «Обряд, бывший при выборе киргизами Аблая в ханы, <...> происходил в присутствии созванных из разных волостей султанов и старшин и при великом стечении простого народа. Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда по старшинству и достоинству; и когда посредине сего собрания занял свое место на подложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали об одержанных им победах над киргизами других орд и калмыками, утесняемыми китайцами. <...> По объявлении Аблаю приговора о выборе его в ханы четверо из знатнейших старшин встали с мест своих и, подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие в собрании; наконец, сняв с него верхнее богатое платье, изорвали на маленькие лоскутки и разделили оные между собою. Всякой доволен был сею доставшеюся ему безделкою и провозглашал достоинства избранного хана. В заключение всего подали на больших оловянных блюдах вареное мелко из-

¹ Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование (80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. С. 42–47, 123–142.

² История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы, 2005. С. 5–6, 11.

³ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы, 2005. С. 58.

рубленное мясо, коего по горсти клал сам Аблай каждому в рот; потом почивали всех кумызом. Точно такой же обряд наблюдается киргиз-кайсаками при выборе прочих ханов и султанов»¹.

Именно процедура избрания хана подтверждала его легитимность в глазах казахского общества. По этой причине, когда после смерти хана Абулхаира в 1748 г. встал вопрос о преемнике, оренбургский губернатор И.И. Неплюев настоятельно рекомендовал центральным властям учитывать традицию выборов хана: «ханы бывают у них не по наследству, но по народному избранию. И тако, ежели со стороны е.и.в. в то, чтоб ханы их были наследственные вступиться, а их киргиз-кайсацкие старшины и народ того не похотят и не примут, то принуждать их к тому неудобно, а начав оное, иногда и без предосуждения быть может»².

Рекомендации Неплюева были учтены имперскими властями, и институт выборов хана был сохранен, однако в измененном виде. Теперь кандидатура хана согласовывалась с российской стороной, число участников выборов сократилось до нескольких наиболее лояльных старшин³, утверждение подкреплялось специальным документом – патентом на ханское достоинство со стороны российского монарха⁴. В последующие годы процедуры избрания и утверждения ханов упрощались, теряли сакральный смысл и превратились в церемонию назначения на должность. Сенатским указом от 9 ноября 1792 г. № 17080 «О обрядах выбора и утверждения Киргиз-Кайсацких Ханов в их достоинстве» регламентировались процедуры избрания и утверждения в ханском достоинстве, которые теперь исключали традиционные казахские элементы (поднятие хана на кошме) и включали новые имперские: зачитывание патента на ханствование, подписание присяги на верность, сопровождение пальбой из пушек и через два дня переговоры и бал в доме главного начальника края⁵. В связи с увольнением хана Айчувака и назначением на его место его сына, султана Жанторе в 1805 г. российскими властями были внесены дальнейшие изменения в процедуру выбора в ханы:

¹ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 34.

² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 394–395.

³ Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. Алма-Ата, 1948. Т. II. Ч. 2. С. 269–270.

⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 409–410, 444–447.

⁵ О обрядах выбора и утверждения Киргиз-Кайсацких Ханов в их достоинстве от 9 ноября 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17080. С. 369–374.

две процедуры избрания и утверждения в ханском достоинстве теперь вовсе совмещались в одно собрание¹.

У имперских наблюдателей не сложилось единого и отчетливого представления относительно полномочий казахского хана, а следовательно, природы казахской государственности. Например, П.И. Рычков сводил компетенции хана к функции военного полководца и регулированию отношений с внешними силами, судебному арбитражу. Относительно государственного устройства казахов он писал следующее: «Что надлежит до народного правления в обоих тех ордах, то оное между известными ныне формами правления ни с какою точно сравнить не можно. Может оно названо быть родовым или семейным (и так похожим несколько на демократию)»². Е.К. Мейендорф также отмечал демократические черты в общественном устройстве казахов: «власть хана покоится на общем признании: если уж он его приобрел, то может править деспотически, однако лишь тогда, когда он действует в интересах народа. Таким образом, это общественное мнение ограничивает его власть». Полномочия хана автор обозначил весьма расплывчато – он «фактически распоряжается жизнью и смертью киргизов»³. По мнению Я.П. Гаввердовского, «собственное правление в киргизских ордах можно было бы причислить к феодальному, если бы не затмевалось оно ныне правом сильного»⁴. А.И. Левшин, сравнивая политическое устройство современных ему европейских обществ с казахским, пришел к выводу, что «непрочность властей, у киргизов существующих, неопределительность оных, слабость, свобода переходить из-под одной к другой, отсутствие законов, ненаказанность преступлений очень близки к тому понятию, которое обыкновенно разумеется под словом «анархия». И по сей-то причине народ киргиз-казачий не имеет ныне самостоятельного политического бытия»⁵.

Если знания отечественных наблюдателей о функциях и природе института ханской власти в казахском обществе носили дискретный характер, то практически все очевидцы отмечали, что власть казахского хана основывалась на его личном авторитете, харизме. По мнению П.И. Рычкова, хан, «которой хитр, смел и храбр в военных их делах, у того они (казахи. – *О.Г.*)

¹ Далаева Т.Т. Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2011. № 2. С. 20–22.

² История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. IV: Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. Алматы, 2007. С. 198–199, 202.

³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 41–42.

⁴ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 430.

⁵ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 360–361.

больше держатся, почитают и уважают его, и куда б он ни похотел, многих последователей себе находит <...> А буде такой же народом избранной и произведенной хан и салтан случится быть нраву скромного и тихо, и ни с какой стороны не имеет себе подкрепления, покидает его народ и пристает к другим салтанам»¹. Распространению подобных представлений о ханской власти, на наш взгляд, способствовала политическая ситуация, сложившаяся в казахских жузах в XVIII – начале XIX в. Так, представитель младшей, не самой знатной ветви потомков хана Джанибека Абулхаир (1710–1748) был избран ханом Младшего жуза исключительно благодаря своим выдающимся личным качествам. В условиях быстро нарастающей военной конфронтации казахов с джунгарами, волжскими калмыками, башкирами и яицкими казаками решающим фактором при выборе хана стал полководческий талант. Младший современник Абулхаир-хана, хан Среднего жуза Аблай (1771–1781) также пришел к власти благодаря проявленным в борьбе с Джунгарией воинской доблести и организаторским талантам². Потомки этих выдающихся лидеров, оказавшись на ханском престоле при поддержке российского правительства, не обладали способностями и авторитетом своих предшественников и не имели влияния в казахском обществе. Так, в 1785 г. казахские депутаты представили начальнику Оренбургского края О.А. Игельstromу письмо, в котором просили устранить от ханства детей хана Абулхаира. Под письмом подписались 53 старшины из 21 рода Младшего жуза³. В 1795 г. два казахских султана и 19 старшин Среднего жуза подали императрице Екатерине II прошение об устранении с ханского престола наследника Аблая хана Вали⁴.

Наблюдатели фиксировали ограниченный характер ханской власти, ее слабость, незначительную роль правителя по сравнению с родоначальниками родов и отделений. Так, по мнению И.Г. Георги, «хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которые бывают отчасти его братья, салтаны, дядья или их друзья»⁵. А.И. Левшин считал, что ханам, утвержденным российским правительством, повинуются «только роды, участвовавшие в избрании их и кочующие близ границ наших, и то не все. Прочие, не признавая ни владычества России, ни властей, ею поставляемых,

¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. IV: Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. Алматы, 2007. С. 199.

² История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2000. С. 160–168.

³ Вяткин М.П. Батыр Срым : учебное пособие. Алматы, 1998. С. 185.

⁴ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 84.

⁵ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 233.

управляются самопроизвольно избранными старейшинами (аксакалами), биями, батырами и султанами»¹.

Складывание у российских властей образа ханской власти как слабой, лишенной авторитета у народа, приводило чиновников к мысли о пересмотре роли хана в имперской системе управления казахским этнорегионом. Начиная с 80-х гг. XVIII в. стали появляться проекты, предусматривавшие создание новой системы управления в казахских жузах. В 1788 г. полковник Д.А. Гранкин представил президенту Военной коллегии Г.А. Потемкину проект нового административного устройства в Младшем жузе. Он предусматривал ликвидацию института ханской власти и создание четырех территориальных единиц, управление которыми должны осуществлять султаны при поддержке родовой знати. Возможность исключения хана из новой системы управления автор проекта аргументировал следующим образом: «Хан (Нуралы. – *О.Г.*), ныне находящейся в Уфе, весьма древен в старости, так что он не желает и сам быть ханом. И ежели ему только предположить, что дан будет пенсион и отпустят его в свое жилище, то он неотменно склонится послать от себя к народу письмо со увещанием таковым, дабы у них уже его, хана, не было и они бы о том не думали, а повиновались бы законом е.и.в.»². По-видимому, Д.А. Гранкин предполагал, что авторитет института ханской власти ослаб настолько, что казахское общество может от него отказаться. Более взвешенной представляется позиция оренбургского генерал-губернатора О.А. Игельстрома, предлагавшего не ликвидировать ханскую власть совсем, а лишь ограничить ее: «отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают быть совсем без хана, но клонится их желание более к тому, чтобы не иметь только нынешнего, а впредь выбирать такого, который бы в Орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей. ... Имеют (казахи. – *О.Г.*) желание учредить при нем (хане. – *О.Г.*) из лучших старшин трех начальников родов совет»³. Представленный императрице Екатерине II в 1795 г. проект генерал-майора Я.В. Боувера также не предусматривал упразднение ханской власти, а лишь расширение представительства казахской родовой знати в управлении Средним жузом путем создания при хане Вали совета старшин. Необходимость привлечения к управлению представителей кара-суек (часть казахского общества, основное сословие, включающее представителей тюркских племен и не являющихся потомками Чингисхана) автор объяснял тем, что воля уважаемых

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 364.

² Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964. С. 129–130.

³ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 57.

старшин «на протчий народ часто более имеет влияния, нежели самого владельца (хана. – *О.Г.*) намерения»¹. Лейтмотивом вышеназванных проектов, безусловно, была интеграция казахских жузов в имперскую систему административно-территориального управления. Однако все авторы отмечали слабость авторитета хана в казахском обществе, ограниченность его власти и влияния в сравнении с родовой знатью. Именно в период 80-х гг. XVIII в. произошла первая попытка российских властей ликвидировать ханскую власть. В 1820-х гг. на основе уже имеющегося опыта Россия совершила серию успешных мероприятий, в результате которых институт ханской власти был упразднен².

Включение Младшего и Среднего казахских жузов в состав России потребовало системного изучения новых территорий в целях их успешной интеграции в пространство империи. Сбор сведений о традиционных институтах казахского общества осуществлялся отечественными учеными, чиновниками, путешественниками и военными как в научных, так и в практических целях. Восприятие и интерпретация наблюдателями полученной информации происходила с позиций просветительской идеологии и сформированной в ее рамках «цивилизаторской миссии» империи в отношении ее азиатских подданных.

Представления о хозяйственной деятельности казахского народа начали формироваться у имперских правящих кругов еще в Петровскую эпоху, однако низкий уровень знаний о казахском народе в российской интеллектуальной среде обусловил расплывчатость этих суждений. Собранные в течение второй половины XVIII – середины XIX в. сведения о традиционном хозяйстве казахского общества значительно трансформировали существующие представления. Если в начале XVIII столетия экономика казахского народа виделась наблюдателям только как скотоводство и мена товаров, то в середине XIX в. она оценивалась очевидцами как совокупность скотоводства, земледелия, рыболовства, отходничества, торговли. Все авторы отмечали, что основным видом хозяйственной деятельности казахского народа является кочевое скотоводство. Исходя из идей просветительской философии, наблюдатели придерживались мнения об исторической обусловленности номадизма у казахов природно-климатическими условиями степи. Земледелие, рыболовство и другие виды экономической деятельности, по оценкам очевидцев, играли в экономике казахов второстепенную роль, являлось вынужденной мерой, следствием обнищания. Экономические реалии нередко ставили под сомнение у имперских правящих кругов

¹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964. С. 143–146.

² Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 57–60.

продиктованный просветительской философией и «цивилизаторской миссией» курс на приведение кочевников к состоянию оседлости. В среде политической элиты Российской империи не сложилось единого мнения по проблеме оседания казахов-кочевников. Дискуссии по вопросу седентаризации кочевников приводили к экономическим экспериментам местных властей, дававшим неоднозначные результаты. По оценкам наблюдателей, значительную роль в экономике казахов играла торговля, преимущественно внешняя. Казахская степь занимала важное место в транзитной торговле, по ее территории проходили караванные пути из России в Китай и Среднюю Азию. Российское правительство уделяло значительное внимание расширению азиатской торговли, однако, несмотря на предпринимаемые усилия, российско-азиатская торговля в рассматриваемый период носила маргинальный характер. Этому способствовали, в том числе, набеги казахов на приграничные российские территории, грабежи торговых караванов и барымта, служившие источниками обогащения для части казахского общества. Совокупность дипломатических и силовых средств позволила имперским властям решить названные проблемы к середине XIX в.

При оценке института ханской власти у казахов имперские наблюдатели концентрировались на трех моментах: выборности ханов, их личном авторитете и авторитете ханской власти в обществе. Выборы степных правителей рассматривались наблюдателями как неотъемлемая составляющая института ханской власти, которая легитимизовала власть хана в казахском обществе. Объем власти казахского хана, по мнению очевидцев, был обусловлен личным авторитетом правителя. Именно харизма и полководческий талант гарантировали хану народную поддержку, не обладающий ими правитель не пользовался авторитетом в обществе, даже будучи избранным и утвержденным в ханском достоинстве. Сам институт ханской власти очевидцы единодушно считали слабым и ограниченным, отказывая казахскому народу в государственности. Оценки современников о политических институтах казахского общества в XVIII – начале XIX в. были не всегда адекватными, собранные сведения часто характеризовались утилитарностью и дискретностью. Тем не менее, большое количество накопленной информации позволило российским властям совершить серию успешных мероприятий по трансформации, а затем и упразднению ханской власти.

1.2. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты¹

И.В. Анисимова

Одним из важных направлений модернизации центральноазиатских окраин Российской империи выступало формирование судебной системы региона, основанное на принципах общеимперской юстиции. Реформа была неразрывно связана с инкорпорацией в традиционное общество новых судебных институтов, норм и правоотношений. Процесс реформирования судоустройства центральноазиатских окраин охватывал прежде всего вторую половину XIX в. и шел неразрывно с модернизацией системы управления и социально-экономической сферы Степного края и Туркестана. При этом, как отмечает Ю.А. Лысенко, главным актором модернизации центральноазиатских окраин Российской империи выступало государство², а преобразования шли в русле государственной политики.

Началом реформ судебной системы Российской империи стало принятие Судебных уставов 1864 г.³, важность и уникальность которых определялась не только статусом судоустройственного и процессуального закона, но и их идейным и политическим содержанием, их «конституционным потенциалом». По мнению К.А. Краковского, Уставы «внесли радикальные изменения не только в судебный строй, но и в целом в государственную си-

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² *Лысенко Ю.А.* Акторы социально-экономической модернизации центральноазиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сборник научных трудов Международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М., 2019. С. 40–57.

³ Судебные уставы 1864 г. – законодательные положения, принятые в Российской империи 20 ноября 1864 г. Александр II подписал Указ Правительствующему Сенату, утвердивший четыре законодательных акта: Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В последующем эти акты стали именоваться судебными уставами, которые составили основу судебной реформы 1864 г. См. подробнее: Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судебных уставов). 1864 – 20 ноября 1914. М., 1914; Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994; Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984.

стему, придав ей отчасти <...> вид «государства, стремящегося к правовому»¹. Действительно, реформа 1864 г. закрепила феномен прогрессивного суда и обусловила переход российского общества на новый уровень правовой культуры². В зарубежной историографии также встречаются оценки судебной реформы как «радикальной, новаторской и технически успешной». По мнению Т. Тарановского, новая институциональная и процессуальная структура системы судопроизводства представляла собой явный разрыв с предшествующей правовой традицией, а также пример творческой адаптации всех лучших достижений юриспруденции и судебной практики западноевропейских стран³.

Не останавливаясь подробно на содержании реформы 1864 г.⁴, необходимо отметить, что в результате ее реализации в России были введены основы буржуазного судопроизводства: учреждены суд присяжных, выборный мировой суд, адвокатура, реорганизована прокуратура. В ходе реформ были провозглашены: равенство всех перед судом, независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность, состязательность, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, оценка доказательств по внутреннему убеждению судьи. Были созданы две судебные системы: местные и общие суды. К местным относились: волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей. К общим – окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов; судебные палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей, и кассационные департаменты Сената.

Однако, признавая прогрессивный характер реформы, подчеркнем, что ее распространение в Российской империи было крайне неравномерным⁵. Преобразования системы юстиции отличались региональной вариативностью, а проведение реформы растянулось на несколько десятилетий. Так, если в центральных областях России процесс реализации судебной системы начался в 1866 г., то в центральноазиатских окраинах империи судебная система была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г. лишь в

¹ Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 19.

² Немыгина М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92.

³ Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 305.

⁴ О проведении судебной реформы 1864 г. см. подробнее: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Коротких М.Г. Судебная реформа в России // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 20–34; Краковский К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Ч. 2 (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18–30.

⁵ Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21–28.

1898 г. Позднее министр юстиции Н.В. Муравьев, оценивая результаты реформы, признавал, что «значительно отошли от первоначального типа нового суда постановления о применении его к окраинам, отличавшиеся чрезвычайным и чрезмерным разнообразием. Замедлилось и территориальное расширение судебной реформы, встречавшее различные препятствия и отодвинутое на десятки лет вместо того, чтобы завершиться, как сначала предполагалось, вскоре по издании судебных уставов»¹.

Особенности проведения судебной реформы в Российской империи были обусловлены региональной спецификой, разнородным этнокультурным составом, критериями социально-экономического развития и административного управления территорий. Особый тип судебной системы сложился в центральноазиатских окраинах империи, где начиная с Устава 1822 г. в судебно-правовом пространстве преобладающее значение отводилось народному суду и нормам обычного права, основанным на адате либо шариате. Конечно, традиционные правовые нормы казахского общества отличались от юридических норм, утвержденных законом и распространены в правовом пространстве Российской империи. Данные несоответствия и невозможность их инкорпорации в общеимперское правовое пространство были очевидны с момента присоединения Казахстана к России². Однако в силу особого статуса региона, его обширности, малочисленности восточнославянского населения центральные власти долгое время отказывались от кардинальных преобразований судебно-правовой системы Степного края и Туркестана и пошли по пути включения в имперскую юстицию региона институтов и норм обычного права.

Реализация судебной реформы в Туркестанском крае и Степных областях проходила в несколько этапов, первый из которых охватывал 1867–1868 гг.³ Именно в этот период в регионе произошли серьезные изменения, связанные с образованием в 60-е гг. XIX в. новых административно-территориальных единиц (Степных областей и Туркестанского генерал-губернаторства), что, безусловно, требовало модернизации региональной системы государственного управления. Конечно, сложившаяся к этому времени региональная судебно-правовая система не отвечала потребностям времени и более не соответствовала характеру правовых отношений. Согласимся с мнением исследователей, что разработанные и реализованные на окраинах государства механизмы формирования и функционирования имперской ад-

¹ РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

² Васильев Д.В. Аберрация взаимодействия: ложно понятое смысловые российско-казахских реалий XVIII в. // История : электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. Вып. 1 (75). URL: <https://history.jes.su/s207987840002320-1-1/>.

³ Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 25–26.

министрации, в целом, обеспечили относительно мирное инкорпорирование нерусских регионов в единое общеимперское пространство¹. В результате принятия «Положения об управлении Туркестанским краем» и «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.)»(далее Временное положение)² в судебное устройство региона были трансплантированы некоторые общеимперские институты судебной власти: уездные суды, военно-судные комиссии, областные правления; а также утверждалось ведение судопроизводства по русским законам.

В то же время Положение сохранило и неформальные институты судебной системы в виде народного суда и норм права, основанных на адате. Лишь частично традиционная судебная система казахского общества была реорганизована. Временное положение 1868 г. закрепляло подсудность казахов как общеимперской судебной системе, так и народному суду (§ 92 Временного положения). Важнейшим нововведением стали выборы народных судей – биев и утверждение их в должности губернатором. Бии выбирались на три года, в каждой волости избиралось от 4 до 8 биев. За свою службу биям не предполагалось жалованья, они могли рассчитывать лишь на получение бийлыка, установленного адатом. Закреплялась трехуровневая структура народного суда, рассмотрение дел в которых напрямую зависело от общей суммы иска: единоличный суд биев решал дела ценностью до 300 руб., но окончательные решения, т.е. не подлежащие обжалованию, касались дел стоимостью до 30 руб. Второй уровень – волостные съезды биев, окончательные решения которых касались дел ценностью до 500 руб. На съезде обязательным было присутствие всех биев волости, место и время проведения съезда определялось уездным начальником, проводились съезды в присутствии волостного управителя, но без его вмешательства в судебный процесс. Более крупные дела выносились на решение чрезвычайного съезда, который созывался по решению уездного начальника. И хотя компетенция народного суда была уменьшена, в ведении суда биев остались решения значительного числа тяжб и исков между казахами и семейно-брачные дела, которые согласно Временному положению решались по народным обычаям – адату. Временное положение позволяло в случае несогласия с решением суда биев обращаться с жалобой к уездным властям, а

¹ Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>.

² Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы, 2005. С. 441–463.

при взаимном согласии сторон дело могло быть перенесено в общеимперский суд.

Важно подчеркнуть, что при сохранении в компетенции народного суда семейно-брачных дел в правовую регламентацию одной из важнейших сфер общественных отношений также были внесены определенные изменения. В частности, согласно ст. 162 и 165 Временного положения решения народного суда при рассмотрении семейных дел можно было обжаловать одной из сторон у уездных начальников, более того, в исключительных случаях тяжущимся предоставлялась возможность обратиться для пересмотра дела к губернатору области, решения которого признавались окончательными. Данные нововведения были обоснованы бесправным положением казахской женщины, мириться с которым царское правительство не могло. Традиционное право выступало за сохранение институтов калыма и аменгерства, что шло вразрез с общеимперскими правовым нормам. Как показывают исследования, обычай аменгерства у казахов был достаточно вариативен. Предписания обычного права соблюдались строго, но единая трактовка «технологии» исполнения предписаний часто отсутствовала, и контроль обеспечивался общественным мнением семейно-родственных групп. Иногда декларировалось право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего, но осуществлялось это далеко не всегда. Родня покойного чаще всего назначала его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников¹. Временное положение предоставило казахкам возможность выбирать между принятыми в народе обычаями и обращением к российской власти для защиты своих интересов². При этом, как показывают архивные документы, обращение казахской женщины к российским властям с жалобами на незаконность или несправедливость решения народного суда становилось с течением времени распространенным явлением.

Важным шагом на пути интеграции традиционной судебной системы в общеимперскую стало введение в народный суд понятия фиксированного судебного решения, суть которого заключалась в обязательном заполнении судебных книг и фиксации судебных решений. Это нововведение, по мнению ряда исследователей, имело и негативные последствия. Во-первых, большинство «народных судей» были неграмотны, им был необходим штат судебных чиновников – писарей и пр., которые привлекались из числа представителей мусульманского духовенства и русского населения, новые обязанности дали прекрасную возможность для расцвета взяточничества. Во-

¹ Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб., 2011. С. 80–81.

² Брусина О.И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 151–152.

вторых, суд, основанный на имперской бюрократической традиции, унаследовал и ее недостатки – в первую очередь затянутую процедуру, которая весьма невыгодно отличала новый суд от прежнего суда биев, одной из ярких черт которого была его оперативность в решении дел¹.

В целом, включение во Временное положение раздела о преобразовании судебной системы содержало модернизационный потенциал и должно было способствовать интеграции судопроизводства Степных областей в общеимперское правовое пространство. Предпринятые реформы должны были приблизить систему судопроизводства казахов к тем, которые существовали во внутренних областях России. По мнению исследователей, «реформирование проводилось в русле правовых представлений российских чиновников; их можно было бы охарактеризовать как попытки «прогрессивных преобразований» в духе гуманизма, но едва ли не основной их целью было обеспечить хотя бы частичный, внешний контроль над правовыми институтами кочевого общества»². При этом сохранение народного суда было продиктовано характером имперской власти в регионе, представители которой, по мнению исследователей, во избежание неприятия изменений и подъема антироссийских настроений выражали и в той или иной мере последовательно воплощали идею использования традиционных административных институтов³.

Однако реализованная в Степном крае модель реформы не учла возможные последствия сочетания в рамках одной системы разных по сути и происхождению элементов. Более того, исходя из теории неонституционализма, которая сегодня объективно применяется для проведения историко-правовых исследований⁴, ситуацию, сложившуюся в судебном-правовом пространстве Степного края, можно охарактеризовать как потенциально «конфликтную». Импорт формальных институтов (имперский суд), установленных органами власти и опирающихся на общепризнанные правовые

¹ Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 56.

² Брусина О.И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // Норма, обычай, право: законодательство и практика : материалы круглого стола. М., 2004. URL: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html

³ Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве... С. 71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>

⁴ Захаров В.В. Неонституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf>.

нормы, преднамеренно менял характер судебной системы. Траектория развития формальных и неформальных институтов (суд биев, адат) зачастую не совпадала, что приводило к серьезным проблемам функционирования судебной системы. Введение общеимперских институтов юстиции вступало в противоречие с традиционными представлениями казахского общества о судопроизводстве и судебной власти, что, безусловно, вызывало непонимание, а зачастую и неприятие трансплантированных элементов.

Через несколько лет после введения Положения стало очевидным, что устройство судебной части в регионе имеет существенные недостатки, которые признавались министерством юстиции Российской империи¹. К началу 70-х гг. XIX в. вопрос об устройстве суда и судопроизводства в Степных областях приобрел острый характер. Реалии социально-экономических условий жизни кочевого казахского общества выходили за рамки норм обычного права. Проникновение торгового и промышленного капитала, внедрение новых экономических механизмов, крестьянская колонизация привели к появлению таких юридических проблем, как аренда, наём, заключение торговых сделок, решение земельного вопроса. Определенное значение имела и русская аккультурация кочевого общества, хотя она не носила масштабного характера и проявлялась наиболее отчетливо к контактных зонах русско-казахского взаимодействия². В итоге, регламентация гражданско-правовых вопросов как между казахами и русскими, так и в самом казахском обществе требовала модернизации правовой системы.

Действительно, уже в 1871 г. в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторствах были созданы Комитеты для обсуждения результатов реализации Временного положения 1868 г. Представители местной власти высказали целый ряд замечаний и недоработок данного нормативно-правового акта, особые претензии региональных чиновников относились к организации судебной власти. Подчеркивалось, что судебные установления неясны, расплывчаты, вопросы, связанные с народным судом, совершенно запутаны, а соединение административных и судебных функций в руках одной управленческой структуры делает работу этих органов власти неудовлетворительной. В частности, Акмолинский областной прокурор Кондратович важнейшим недостатком учрежденных в Степных областях общеимперских институтов называл некомпетентность при выполнении судебных обязанностей служащих областных правлений. Кондратович отмечал, что «образовательный ценз советников Областных правлений, рассматривающих и решающих дела, поступающие от судебных следователей и мировых судей – ниже среднего; а при столь низком умственном уровне, его не может

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 46–46об.

² Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

заменить практическое познание на службе, представляющее, как показывает опыт, качество фиктивное. Невольно чувствуется страх при мысли, если судебная власть в Степных областях достанется в руки стоящих ниже дела личностей: тогда высокие начала, лежащие в основе судебной реформы, могли бы если не пропасть, то пошатнуться в ущерб правосудию и интересам частных лиц»¹. О недостатках Временного положения неоднократно высказывался и генерал-губернатор Туркестанского края².

Рассмотрев заключение региональных чиновников, управляющий МВД в переписке с Министерством юстиции подчеркивал, что в отношении судебной части «местные власти предполагают сделать <...> существенные изменения, зависящие от местных условий и требующие при том значительных расходов на усиление судебного персонала»³. В результате, в 1873 г. в Министерстве юстиции была образована специальная Комиссия для рассмотрения деятельности суда и организации судопроизводства в Степном крае. Уже в 1874 г. Комиссия представила проект положения о судебном устройстве в Степных областях на заключение министра внутренних дел и военного министра⁴.

Мнения чиновников о реализации проекта разошлись. Если министр внутренних дел выразил свое согласие с основными положениями проекта, то военный министр Д.А. Милютин предложил отложить реализацию данного проекта в связи с необходимостью в первую очередь решить вопрос о административном устройстве региона. В то же время власти на местах выражали беспокойство по поводу нерешенности вопроса о реорганизации судопроизводства и высказывались о настоятельной необходимости отделения судебной власти от административного управления⁵.

В 1881 г. в Комитете министров был вновь инициирован вопрос о необходимости реорганизации судебной системы в степных областях⁶. Существенной критике со стороны властей подвергалось выполнение областными правлениями возложенных на них судебных функций. В подготовленном в конце XIX в. для МВД докладе Министерства юстиции об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях критическому анализу была подвергнута судебная система Степных областей 1880-х гг. В докладе министерства отмечалась низкая эффективность работы областных правлений, о которых неоднократно сообщал Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский. Глава региона подчеркивал, что «областные правления,

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 3.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 6–8.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 66–133.

⁵ Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. С. 109; РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1877. Л. 1.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 144–149.

отчасти вследствие неудовлетворительности личного состава, отчасти вследствие разнообразия и многочисленности поступающих на их рассмотрение дел, решают судебные дела вопреки прямому смыслу закона и с нарушением существенных форм судопроизводства»¹. В связи с этим Г.А. Колпаковский настаивал на необходимости принятия «скорейших мер» к улучшению судоустройства в Степном крае. Не справлялись со своими обязанностями и военно-судные комиссии по рассмотрению дел общей подсудности². Также серьезных замечаний вызывала работа уездных судей, которые функционально сосредотачивали судебную и следственную власти, что приводило к увеличению времени производства и рассмотрения дела.

Однако, несмотря на очевидные недостатки судебной системы Степного края, о которых неоднократно сообщала региональная администрация, проведение судебной реформы в полном объеме, модернизация существующих судебных институтов в регионе откладывались. Военным министром Д.А. Милютиным были даны подробные доказательства о невозможности введения новых судебных установлений в Туркестанском крае. В частности, глава военного ведомства отмечал, что введение судебной реформы согласно Уставу 1864 г. потребовало бы создание судебных палат и окружных судов, рассчитанных на наличие русского населения, которого в Туркестанском крае на тот момент насчитывалось 59283 человека. При осуществлении судебной реформы, по подсчетам Д.А. Милютина, на наличное население придется создать одну судебную палату и три окружных суда, в то время как в Европейской России на одну судебную палату приходится в среднем 7550000 человек, а на один окружной суд – 97 тысяч человек. По мнению Д.А. Милютина, коренное население Туркестанского края лучше всего оставить в ведении народных судов, в том числе исходя и из политических мотивов³.

Министр юстиции Д.Н. Набоков, соглашаясь с доводами военного министра, отмечал также, что финансовые затруднения не позволяют провести в жизнь до настоящего времени законоположения 1864 г. даже во многих губерниях Европейской России. Сложности заключались не только в принятии оптимального механизма реализации реформы, но и в выработке единого для Степных областей проекта реформ. Области, безусловно, отличались друг от друга по численности населения, этническому составу, уровню экономического развития, что, конечно, формировало представления об особенных условиях организации судоустройства. К середине 80-х гг. XIX в. как возможный вариант модернизации судебной системы региона появились проекты преобразования судоустройства в отдельно взятых областях Степного края, согласованные «с особенностями местного управления и

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1445. Л. 9.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 148.

экономическими условиями»¹. В результате наличия целого комплекса причин проведение судебной реформы в Степных областях согласно Уставу 1864 г. вновь не состоялось.

Неоднократную критику со стороны региональных властей вызывало сохранение в системе судопроизводства Степного края и Туркестана народного суда с широкими компетенциями. Так, Н.С. Черданцев, товарищ прокурора Сырдарьинской области, опираясь на широкую юридическую практику, подчеркивал, что деятельность народного суда и сохранение обычного права как регулятора правовых отношений является бесконтрольным и в ряде случаев «несправедливым» по отношению к русскому населению. В качестве примера Н.С. Черданцев рассматривал компетенции народного суда о заключении сделок с недвижимостью. Согласно закону, казахи освобождены от уплаты налогов и пошлин при совершении сделок с недвижимостью, при этом речь идет не только о недвижимости в сельской местности, но и о городском имуществе. В то же время «русские обыватели уплачивают установленные законом пошлины: крепостные, актовые, публикационные и гербовые, хотя бы имущество переходило к ним от туземцев и в переделах туземного города»². В своих рассуждениях чиновник обращал внимание на то, что такое предоставление казахскому населению существенных льгот и преференций является несправедливым по отношению к русскому населению и не может быть оправдано «никакими политическими, финансовыми или религиозными соображениями». Необходимо подчеркнуть, что «особое» отношение к «туземцам» проявлялось не только в применении норм закона, но и в выполнении местным населением общегосударственных повинностей³.

Многолетняя дискуссия получила логическое завершение в принятом в 1886 г. «Положении об управлении Туркестанского края»⁴, согласно которому в структуру судебной власти региона были внесены очередные изменения. Введение Положения в действие стало началом второго этапа реформы судебно-правовой системы центральноазиатских окраин Российской империи. С 1 января 1887 г. полномочия уездных судей были переданы ми-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 57 об. – 58.

² Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 109.

³ Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №. 4/2. С. 158–162.

⁴ Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.

ровым судьям, а судебные функции судных отделений областных правлений и канцелярии туркестанского генерал-губернатора – областным судам¹. «Положение об управлении Туркестанского края» стало важнейшим этапом трансформации традиционной судебной системы казахского общества. Правила о народном суде получили распространение на все степные области, сам институт традиционного суда был сохранен и институционализирован. Конечно, из компетенции народного суда был изъят комплекс правонарушений, связанных с преступлениями против государственной власти, нанесением вреда государственному имуществу и т.д. Также в ведении общеимперского суда оставались дела, совершенные казахами против русского населения в пределах русских поселений, а также «дела по преступлениям и проступкам между туземцами различных народностей, имеющими отдельные народные суды» (ст. 142 Положения).

При этом значение и правовые возможности народного суда были существенно расширены по сравнению с предшествующими этапами реформы. Ведению народного суда подлежали все дела о преступлениях и проступках, совершенных казахами, а также гражданские дела между казахами, подведомственными одному и тому же народному суду. Согласно Положению народный суд получил право налагать наказания в виде денежных взысканий до 300 руб. и заключение под стражу до полутора лет.

Подтверждался выборный характер народного суда. Народные судьи выбирались на три года и утверждались губернатором (ст. 221, 225). Число народных судей и пределы их участков определялись областными правлениями перед выборами и соотносились с числом аульных обществ в волости. Всего в волости выбирали не менее четырех судей (ст. 222).

«Положение» четко прописывало и критерии выбора на должность судьи, основные из которых можно отнести к субъективным качествам: «В народные судьи может быть избран всякий из жителей волости, пользующийся уважением и доверием народа» (ст. 223), однако претендент должен был удовлетворять и объективным параметрам, таким как возраст и отсутствие судимости. Новый порядок избрания судей подорвал одну из составляющих правовой основы прежнего суда биев – легитимность судей с точки зрения казахского менталитета и собственно в глазах казахского общества, переставшего принимать участие в организации судебной власти: судьи фактически утверждались администрацией и к тому же периодически сменялись².

¹ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. С. 161–163.

² Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). С. 57.

Сохранилась и структура народного суда, он представлял собой три уровня: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей; 3) чрезвычайные съезды судей. Низшей инстанцией для гражданских и уголовных дел являлся единоличный судья. Волостные съезды или съезды судей собирались по мере накопления дел, а дата созыва определялась заранее уездным начальством. В ведении волостных судов находились дела, нерешенные единоличным судьей или опротестованные одной из тяжущихся сторон. Чрезвычайный суд собирался по представлению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей.

Положение закрепляло введение фиксированного решения суда, т.е. запись постановлений в акты в книги. Обязанности надзора за ведением записей и правильностью оформления книг возлагалась на уездное начальство. Судебный процесс объявлялся гласным и публичным, однако право выбора судьи принадлежало истцу. Также Положение ограничило право выбора тяжущихся судебной инстанции, перенесение дела в мировой или областной суд возможно было только при желании обеих сторон, что на практике практически не встречалось.

Закрепление законом широких функциональных компетенций народного суда не могло не вызвать обсуждение со стороны региональных властей, которые подчеркивали, что «совершенное обособление туземцев в области гражданских правоотношений самым неблагоприятным образом отражается на деле сплочения их с русским населением и, без сомнения, надолго замедлит приобщение их к русской гражданственности»¹. Положение 1886 г. не только не способствовало интеграции народного суда региона в общеимперскую систему, но и закрепило его обособленность и неподотчетность русской судебной и административной системе. Так, решения, принятые народным судьей или съездом народных судей, являлись окончательными и могли быть кассированы общеимперским судом только в исключительных случаях при выявлении нарушения пределов ведомства. И чиновники Министерства юстиции, и представители администрации Степного генерал-губернаторства признавали, что установленная «Туркестанским положением» возможность отмены решения народных судов общеимперскими судебными органами слишком ограничена. «Народные суды часто, – подчеркивалось в докладе Министерства юстиции, – не выходя из пределов ведомства и власти, постановляют такие решения, которые противоречат основным понятиям справедливости и нравственности. <...> бывали случаи присуждения за неисполнения обязательств или за личные

¹ Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2. С. 116.

обида в пользу обиженного штрафа в виде лошади и девицы. Едва ли целесообразно придавать особую устойчивость решениям обычного суда народа, стоящего в массе своей на столь низкой степени культуры»¹.

Закреплялось понятие «независимости» народного суда, которая выражалась, в том числе, в системе материального обеспечения института народных судей, которые вместо установленной платы от государства «содержали сами себя по обычаю». В связи с этим привлечь судью за должностное правонарушение или взяточничество было практически невозможно, так как размер вознаграждения не регламентировался законом.

Таким образом, в ходе реализации второго этапа судебной реформы региона судоустройство Туркестанского края и Степных областей по-прежнему сочетало в себе институты традиционного суда, полномочия которых по Положению 1886 г. были расширены и закреплены, а также общеимперскую дореформенную систему судов, что в целом не отвечало политике интеграции региона в общеимперское пространство. Через несколько лет после введения Положения 1886 г. стала отчетливо проявляться неэффективность, а зачастую и не соответствие реалиям, разделов, регламентирующих деятельность народного суда в Туркестанском крае и Степных областях. Этот вопрос вызвал широкое обсуждение в высших правительственных кругах, в результате чего сложилось четкое убеждение о необходимости реформы народного суда по пути его инкорпорации в общеимперскую систему. По мнению министра юстиции Н.В. Муравьева, высказанного в начале 90-х гг. XIX в., «действующее ныне устройство народных судов представляется далеко не удовлетворительным и нуждается в улучшении»². Аналогичной позиции придерживался управляющий Министерством внутренних дел, который отмечал, что к середине 90-х гг. XIX в. недостатки условий деятельности народного суда проявились достаточно отчетливо³.

В 1890 г. Министерство юстиции выработало ряд изменений, направленных на улучшение системы правосудия Туркестана и Степных областей⁴, которые были отправлены на рассмотрение и доработку региональным властям в лице Туркестанского генерал-губернатора. Региональные власти настойчиво высказывались за сокращение полномочий народного суда, ослабление его роли в регламентации общественных отношений. Обязательным, по мнению региональных чиновников, должно стать расширение полномочий окружных судов в процессе отмены решений народного суда. В связи с этим М.А. Таубе предлагал расширить категорию условий,

¹ ЦГА РК Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 97об.–98.

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 52 об.

³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 96 об.

⁴ Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1 (80). С. 102–106.

указанных в ст. 218 «Положения», позволяющих отменить решения народного суда за счет введения понятия «нарушение общечеловеческих понятий справедливости и нравственности». Хотя сама формулировка носила достаточно абстрактный характер, но, по сути, речь шла об уменьшении влияния в судебной системе норм обычного права. Степной генерал-губернатор рассуждал, что «отменяя решения народного суда, постановленные вопреки коренных основ справедливости, окружной суд тем самым вносил бы в сознание инородцев понятия о правде и подготовлял бы почву для их культурного развития. Установление этим путем связи между русскими судебными учреждениями и народным судом и юридического воздействия первых на второй могло бы быть весьма благотворно и облегчило бы введение в народные суды русского права, вместо неопределенного обычая, под прикрытием которого постановляются иногда самые несправедливые решения»¹.

В 1895 г. проект преобразований был возвращен в Министерство юстиции для дальнейшего обсуждения. Недостатки сложившейся в регионе судебной системы, так же, как и необходимость ее модернизации, были очевидны. Однако от кардинальных реформ судебно-правовой системы центральноазиатских окраин в ведомстве отказались. Такое отношение было обусловлено позицией министра юстиции Н.В. Муравьева, который подчеркивал, что «при всей желательности возможно широкого культурного воздействия русских судебных установлений на жизнь туземного населения благотельные в сем отношении могут быть достигнуты лишь путем постепенного и притом осторожного сокращения нынешней обширной подсудности народных судов, подчинение же их означенным установлениям в порядке инстанций было бы мерою едва ли удобною и даже практически осуществимою»². В данной связи Министерство юстиции предложило стратегию постепенного поглощения народного суда русским, отказавшись от прямого вмешательства русского суда в жизнь и деятельность суда народного³.

Обсуждение проблем судебной системы центральноазиатских окраин стало частью долгой дискуссии в правительственных и общественных кругах о необходимости модернизации сложившейся к концу XIX в. судебной системы Российской империи. В 1894 г. была образована особая комиссия, основной задачей которой было обсуждение возможных проектов реформ имперской судебно-правовой системы. Предтечей создания комиссии и пересмотра судебного законодательства стал доклад министра юстиции Н.В. Муравьева, в котором были озвучены выявленные за несколько десятилетий после введения Уставов 1864 г. недостатки судебной системы. Глава Министерства юстиции Н.В. Муравьев в докладе привел детальное обоснование

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98.

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 53.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. № 18-1897. Л. 2–12 об.

необходимости модернизации региональной юстиции. Министр подчеркивал, что требования реорганизации судебной системы тесно связаны с уровнем социально-экономического развития региона. Действительно, с момента введения в действие Временных положений 1867 и 1868 гг., которые легли в основу судебной реформы в регионе, характер правоотношений значительно образом изменился, как изменились и потребности в регламентации экономических отношений. В качестве примера Н.В. Муравьев указывал изменение этнической карты региона (рост численности деревень и селений с почти исключительно русским населением), рост численности городского населения, развитие торговли и промышленности региона: расширение мануфактурного производства, открытие частных и общественных коммерческих предприятий, учреждение отделения и конторы Государственного Банка, строительство Закаспийской и Западно-Сибирской железных дорог. В силу возникновения в центральноазиатских окраинах новых потребностей общественного развития стало необходимым появление новых отраслей права, совершенствование системы права и модернизация региональной юстиции в целом. Учитывая данные обстоятельства, министр юстиции подчеркивал, что «введение судебной реформы в полном объеме является делом неотложной и настоятельной необходимости»¹.

Доклад был представлен на рассмотрение Александру III, который высказал твердую уверенность в «необходимости всестороннего пересмотра наших судебных уставов, чтобы наконец действительное правосудие царило в России»². В результате работы комиссии была выработан проект новой редакции Судебных уставов.

Важность унификации судебно-правовой системы Степного края и Туркестана с общеимперской была очевидной и привела в итоге к разработке и проведению третьего этапа судебной реформы в центральноазиатских окраинах Российской империи. Подготовка реформы и процесс ее реализации растянулся на несколько лет³. В марте 1898 г. состоялось заседание Соединенных департаментов законов, государственной экономии и гражданских и духовных дел, на котором рассматривались вопросы, связанные с незавершенностью судебной реформы в Степных областях и обсуждались проекты преобразования судебной системы региона⁴. На заседании

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

² РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³ Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск, 2011. С. 163–169; Нестеренко Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар, 2012. С. 292–296.

⁴ О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 87.

департаментов отдельно был рассмотрен вопрос о статусе и компетенциях народного суда и его месте в судебно-правовой системе региона. Подчеркивалось, что реформы народного суда «желательны как в интересах самого правосудия, так и в целях проведения в азиатскую народную массу более здоровых культурных понятий», однако поспешность в их проведении «могла бы породить смуту в их умах и в сложившемся из стари строю их жизни»¹. В связи с этим на заседании было принято решение вновь отказаться от радикальных преобразований, а идти по пути «постепенного улучшения народного суда». В качестве меры, направленной на функциональное изменение народного суда в системе судопроизводства, предлагалось подчинить рассмотрение исков, возникающих между казахским и русским населением ведению общеимперского суда при условии проживания ответчика в русском селении, а также унифицировать действующие в Степном крае правила о подсудности должностных лиц.

В результате, законом от 2 июля 1898 г. «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» судебная система региона была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г. Принятый закон способствовал распространению пореформенных судебных институтов и норм права в регионе и включению Степного края в общеимперское судебное пространство. В 1899 г. были открыты Омская и Ташкентская судебные палаты, в подчинение которых вошли имперские суды Степного края и Туркестана. В том же году были открыты Уральский, Омский, Семипалатинский, Ташкентский, Ново-Маргеланский, Верненский и Асхабадский окружные суды, Тургайская область была причислена к открытым судебным округам². При этом в системе судопроизводства региона был сохранен народный суд. Его компетенции не претерпели коренных изменений, что по-прежнему вызывало замечания со стороны региональных властей.

Так, в докладе о недостатках «Положения об управлении Степными областями», представленном в 1902 г., значительное место уделялось проблемам деятельности народного суда. Статский советник Мельников, автор доклада, подчеркивал, что «киргизский народный суд, поддерживая... традиции прошлого, и водворяя в современную жизнь киргиз взгляды на женщину, личность и имущество и, вообще, на правовые отношения, диаметрально противоположные современным взглядам, задерживает развитие здоровых понятий в народе»³. Подобные взгляды позднее звучали и в работах прокурора Уральской области барона Б.Н. Дельвига, по мнению которого,

¹ О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2. С. 99.

² Всеподданнейший доклад министра юстиции о ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7. С. 117–118.

³ ЦГА РК Ф. 64. Оп. 1. Д. 2249. Л. 19об.–20.

«киргизский народный суд, этот совершенно своеобразный институт, которому русская власть непредусмотрительно предоставила разрешение всех без исключения гражданских дел между киргизами и большинства уголовных правонарушений, находится явно в недостойных руках и совершенно не соответствует задачам правосудия»¹.

Региональные чиновники неоднократно отмечали, что адат, лежащий в основе народного правосудия, утратил свое значение как юридическая норма и выступал как рудимент традиционного права. Так, народный суд, за неимением уголовного кодекса не мог выносить объективные, соответствующие степени уголовного правонарушения наказания. Немало коллизий в правовой практике народного суда возникало при необходимости вынесения в качестве формы наказания лишения свободы и тюремное заключение, понятия о которых отсутствовали в традиционном казахском судоустройстве. В связи с чем к отбыванию срока в тюрьме нередко приговаривались за гражданские правонарушения, уклонение женщин от брака и т.д.² Безусловно, существующие недостатки осложняли работу судебной системы региона и снижали ее функциональную эффективность. В качестве мер, направленных на модернизацию судебной системы региона, чиновники судебного ведомства Степных областей предлагали передать все дела, находящиеся в компетенции народных судов в ведение существующих в крае общеимперских судебных инстанций, в том числе мировой суд.

Однако центральные министерства и ведомства по-прежнему придерживались позиции, обозначенной министром юстиции Н.В. Муравьевым и поддержанным Государственным советом, о сохранении народного суда, с внесением частичных и постепенных изменений. Подчеркивалось, что несмотря на «злоупотребления и несправедливости, допускаемые народным судом, преждевременность его совершенного упразднения доказывается, помимо разности воззрений туземцев на право с русскими понятиями, еще слишком поверхностным знакомством нашим с взглядами и обычаями туземцев, и в особенности необходимостью сношения с большинством чрез переводчиков, далеко не отличающихся нравственной благонадежностью»³.

Неоднократно подчеркивалась неготовность казахского общества принять сложный механизм общеимперского судоустройства и неготовность населения центральноазиатских окраин в целом к законодательной работе. Эти идеи отразились, например, и на решении вопроса о предоставлении казахам избирательного права в начале XX в. Т.В. Котюкова отмечает, что

¹ Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 124.

² Там же. С. 131.

³ РГИА Ф. 1291. Оп. 84. Д. 4-1901. Л. 26–26 об.

данную точку зрения поддерживали не только центральные властные органы, но и правые политические круги края, которые в том числе полагали, что «нет никаких оснований думать, что прогресс настолько проник в среду туземной массы и выдвинул из нее широко образованных людей, которые бы сознательно стремились к устройству жизни этого населения на прогрессивных началах»¹.

В целом, результаты реформы 1898 г. носили неоднозначный характер. В 1904 г. было высказано предложение об учреждении в составе Государственного совета особого совещания для рассмотрения проектов о преобразовании судебной части во главе с членом Государственного совета действительным тайным советником И.Л. Горемыкиным². Однако дальнейших действий и реальных изменений не последовало. Важное значение в ходе обсуждения данной проблемы приобрели результаты ревизии Туркестанского края во главе с сенатором К.К. Паленом, которая была проведена в 1908–1909 гг.³ Граф Пален придерживался четкой позиции об архаичности народного суда и необходимости его реорганизации. В своей записке о результатах ревизии сенатор Пален писал: «В господстве мертвых, по своей неподвижности, и неясных правил мусульманского права и первобытных подчас жестоких норм киргизского обычая кроется едва ли не главнейшее основание неудовлетворительности решений туземных судов по гражданским делам <...>. Но конечной целью государственной власти в крае, естественно, должно быть постепенное, по мере возрастающего в культурном отношении слияния этой окраины с Россией, распространение силы русских правовых норм»⁴. При этом К.К. Пален выступил с критикой сторонников поступательного проведения реформы народного суда, подчеркивая, что приводимые последними доводы «едва ли представляются убедительными». Сенатор отмечал, что многие из традиционных норм права, семейных обычаев «уже давно отжили свой век и не могут быть терпимы в культурном государстве, а те обычаи, которые не противоречат русскому государственному строю, сохраняются и при введении мирового института для всех дел туземного населения». А наиболее важно, что «государство не может и не должно принаравливать судебное устройство к уровню понятливо-

¹ Котюкова Т.В. Подданные или граждане? Выборы в Туркестане: от Империи к Республике // История : электронный научно-образовательный журнал. 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002486-3-1/>.

² РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

³ Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150; Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 6–20.

⁴ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441. Л. 2–8.

сти населения, которое часто находится на низкой степени развития. Наоборот, создавая более совершенные формы суда, гарантирующие его справедливость и беспристрастие, государство тем самым способствует повышению в населении правовых понятий. Убеждаясь в превосходстве новых судебных органов перед отмененными, население быстро осваивается с ними, скоро научается понимать и ценить их и через них растет в своем правосознании»¹.

Результаты ревизии Палена и сделанные им выводы о необходимости упразднения народных судов получили широкое обсуждение в российских правительственных кругах. Последовал ряд совещаний, на которых обсуждались принципы реорганизации системы управления центральноазиатскими окраинами в целом, в том числе и судебной системы. Чиновники, придерживаясь общего мнения о важности проведения модернизации судебной системы Туркестана и Степных областей, в то же время подчеркивали необходимость быть более «осторожными», «не упраздняя совершенно народных судов, принять в отношении них такие меры, которые устранили главнейшие отрицательные их стороны, <...>, обезвредили бы их». Такая половинчатость мер, по мнению членов высочайшего совещания, обусловлена невозможностью замены народных судов в крае в полном объеме из-за элементарной нехватки «русских людей, знающих язык и правовые порядки туземцев».

В итоге, к началу XX в. судебно-правовая система Степного края, несмотря на предпринятые реформы, сохранила архаичные элементы и выглядела нерациональной. В результате импорта имперских судебных институтов и норм права, судебная система Степного края приобрела сложную конфигурацию. Противоречия между формальными (общеевропейскими) и неформальными (в лице народного суда и обычая) правовыми институтами были очевидными, а их сочетание в юстиции региона снижало функциональную эффективность судопроизводства, ухудшало характер правоотношений и негативно сказывалось на восприятии населением судебной власти в целом.

Амбивалентное отношение государственной власти к судебно-правовой системе Степных областей обуславливалось как политическими факторами, так и «неготовностью» населения центральноазиатских окраин принять институты и ценности европейской культуры. Российской администрации на протяжении второй половины XIX в. так и не удалось выработать отвечающую потребностям Степного края модель взаимодействия между имперскими институтами юстиции и традиционным судом казахского об-

¹ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 203–205.

щества. Сохранение народного суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население региона в общероссийское правовое пространство. Конструкция региональной юстиции в начале XX в. не отвечала общественным потребностям и характеру правоотношений, что требовало системной модернизации. Однако до конца имперского периода коренных преобразований судоустройства Степного края предпринято не было.

1.3. Этапы и особенности формирования православного населения центральноазиатских окраин Российской империи (XVIII – начало XX в.)¹

Ю.А. Лысенко

Формирование православного населения центральноазиатских окраин Российской империи было связано с началом процесса присоединения территорий региона в 20–30-е гг. XVIII в. Через три года после принятия подданства политической элитой Младшего жуза, в 1734 г. была создана Оренбургская пограничная комиссия, на которую были возложены функции по административному управлению данным этнополитическим объединением. По инициативе ее руководителя И.И. Неплюева началось интенсивное строительство укрепленной линии на границе Южного Зауралья с казахской степью, сопровождавшееся с 1744 г. массовым переселением сюда русского населения. Так, в 1734 г. были основаны Оренбург, в 1737 г. Илецкий городок, Гурьевский городок с форпостами: Сарайчиков, Яманхалинский, Баксаев, Тополевский, Зеленый колокол, Кулагин городок, Калмыков городок².

Гарнизоны строившихся на протяжении Верхнеуральской укрепленной линии крепостей, форпостов и редутов заселялись казаками Уральского и Оренбургского казачьих войск, поскольку регулярных войск в регионе государство в этот период еще не имело. Особенностью данного процесса являлось то, что уральское и оренбургское казачество выступало носителем старообрядческой религиозной традиции. Их особый статус в этносоциальной структуре российского общества и периферийное положение способствовали определенной консервации дореформенных православных канонов, предписаний и правил. Кроме того, религиозная ситуация в Южном Зауралье, связанная с проживанием на данной территории многочисленных этноконфессиональных групп, требовала от уральских и оренбургских казаков необходимости сохранения своей самобытности и культуры.

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VII. С. 267.

Как отмечал в этой связи знаток истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавский, «в то время, как во второй половине XVII в. на Руси были введены однообразные и новоисправленные обряды и книги, уральские казаки продолжали жить обычаями и обрядами старины XIV столетия, унаследованными от предков, считая их как бы святынею, отступать от которой казалось изменою и грехом»¹.

На востоке Степного края одним из результатов военной экспедиции генерал-майора Д. Лихарева в 1715–1723 гг. стало основание на Иртыше ряда крепостей: Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской². Основой нового рубежа – Иртышской укрепленной линии – стала будущая столица Сибирского казачьего войска – Омская крепость. Во второй половине XVIII в. от Усть-Каменогорска на северо-восток, к Кузнецку по предгорьям Алтая пролегла Кольвано-Кузнецкая линия, а в 1781–1792 гг. Иртышскую линию продлили на юго-восток Бухтарминской укрепленной линией. Для укомплектования гарнизонов крепостей Верхнеиртышской линии были посланы запорожские казаки, захваченные после «Уманской резни» (1770 г.), и военнопленные. Сюда же направлялись ссыльные и «солдатские дети», жившие в Тобольской и Томской губерниях, которые затем записывались в сибирские казаки.

На запад из Омска в 1752 г. была построена Пресногорьковская укрепленная линия³. Для ее охраны с 1758 г. в регион стали командировать по тысяче человек из Донского и Яицкого казачьих войск на двухгодичную службу; впоследствии вместо них посылали башкиро-мещеряцкие команды, сменявшиеся каждый год. В 1760 г. донские казаки, башкиры и мещеряки, служившие на линии и пожелавшие остаться здесь навсегда, были зачислены в линейное войско. Одновременно в 1752–1755 гг. на запад от Омской крепости началось строительство Новой линии военно-оборонительных укреплений, повлекшее за собой интенсивное заселение русскими крестьянами лесостепной зоны Юга Западной Сибири⁴.

Однако в целом строительство укрепленных линий в Южной Сибири на границе с казахской степью, территориально отдаленных от административных центров Оренбургского края и Сибирской губернии – Оренбурга и Тобольска, сдерживалось нехваткой кадров для комплектации гарнизонов крепостей и проблемой их продовольственного обеспечения. Поэтому после неудачной попытки ввести казенное хлебопашество Сибирская администрация санкционировала самовольное переселение крестьян в регион. В

¹ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. С. 270.

² Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 54–56.

³ Пресногорьковскую линию составили крепости Пресногорьковская, Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская и др.

⁴ Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. URL: <http://www.ngko.org/forum/3-2-1>

1746 г. крестьяне Кузнецкого, Ишимского, Тарского, Ялуторовского и Омского ведомств обратились к начальнику Сибирского военного корпуса Х.Т. Киндерману с просьбой разрешить им переселиться в ведомство Усть-Каменогорской крепости. Поток желающих увеличивался с каждым годом, особенно после разгрома Цинской империей Джунгарского ханства в 1756 г.¹

В 1760 г. был издан указ «О занятии в Сибири места от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера; построении там в удобных местах крепостей и заселении той стороны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим речкам, впадающим оные в Иртыш-реку, русскими людьми до двух тысяч человек». Он дал новый импульс миграции, главным образом, беглых горнозаводских рабочих с Кольвано-Воскресенских заводов, солдат и раскольников в Бухтарминский край. Третья ревизия 1763 г. зафиксировала в крае пять крестьянских населенных пунктов – Убинское, Прапорщиково, Глубокое, Выдриха, Зевакино с общей численностью населения 927 человек обоего пола.

Для активизации процесса заселения Верхнего Прииртышья государство задействовало различные механизмы. Так, в 1760 г. специальным указом помещикам было разрешено ссылать крестьян на поселение в Сибирь. В 1762 г. уточнялась география ссылки: по направлению к р. Бухтарме преимущественно от Усть-Каменогорской крепости. В 1765 г. помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь с зачетом сосланных в рекруты, а для обзаведения сосланных крестьян семьями «по предложению Сибирской администрации Сенат постановил приговоренных к смертной казне колодниц ссылать в Сибирь и верхнеиртышские крепости для выхода замуж»².

В 1765 г. сибирский губернатор Д. Чичерин выступил с проектом переселения на Иртышскую линию трех тысяч семейств сибирских разночинцев. Переселявшееся в Верхнее Прииртышье из Тобольской губернии население в значительном количестве было представлено старообрядцами. Причинами их повышенного интереса к данному региону являлись практически отсутствующая здесь институциональная организация Русской православной церкви и мизерное количество православных храмов.

В 1765 г. на Алтай была выслана группа старообрядческого населения из Польши. Ею были основаны все коренные селения «поляков» в Змеиногорском округе: Екатерининка Александровской волости; Шемонаиха, Лосиха (Верх-Уба), Секисовка Владимирской волости; Бобровка Бобровской

¹ Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 59.

² Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск, 2009. С. 37–39.

волости. Вскоре появились новые деревни, населенные исключительно староверами: Малая Убинка, Быструха Владимирской волости; Черемшанка, Бутаково Риддерской волости и некоторые другие¹.

В 1779 г. было издано распоряжение о приписке «поляков» к Колывано-Воскресенским горным заводам. Этот социальный статус обязывал их выполнять не только сельскохозяйственные работы, но и производить рубку леса, вывоз руды. Кроме того, они должны были исполнять все государственные обязанности и платить двойной подушный налог как «раскольники». Данный социальный статус сохранялся за ними фактически до 1861 г.²

В 1782 г. по данным четвертой ревизии на востоке Степного края насчитывалось 13 поселений – Бобровская слобода, Красноярская на Иртыше, Крутоберезовская, Красноярская на Убе, Плоская, Ульбинская, Прапорщиково, Зевакино, Убинская, Шемонаихинская, Екатерининская, Верх-Убинская, Секирская населенные пункты. Общая численность населения составила 8801 человек обоего пола³. В 1797 г. в связи началом работ Риддерского и Зырянского рудников было образовано три волости приписных крестьян: Убинская, Крутоберезовская, Усть-Каменогорская⁴.

Другую этнокультурную конфессиональную общность Южного Алтая составляли «бухтарминские каменщики» (или «русские яшашные инородцы»). Они селились, как правило, в верховьях Бухтармы и Катуня⁵, основав там ряд населенных пунктов и положив начало старообрядческому

¹ Булыгин Ю.С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVIII в. // Старообрядчество: история и культура : сборник научных трудов. Барнаул, 1999. Вып. 2. С. 26–27.

² Казанцева Т.Г., Мурашов Н.С. Старообрядцы Алтая. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.

³ Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск, 2009. С. 60–61.

⁴ Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. С. 41.

⁵ Долина Бухтармы являлась конечной целью большинства беглых староверов. Она была известна под названием Камня, т.е. горной части края, поэтому ее жители именовались каменщиками. Позже эти земли стали называть Беловодьем, отождествляя вольный, лишенный правительственного надзора край с мифической страной из чрезвычайно распространенной среди старообрядцев утопической легенды. В ее многочисленных вариантах рассказывается, что Беловодье – это святая земля, где живут русские люди, бежавшие от религиозных раздоров XVII в. В Беловодье они имеют свои церкви, в которых богослужение идет по старым книгам, таинства крещения и брака совершаются по солнцу, за царя не молятся, крестятся двумя перстами. «В тамошних местах татбы и воровства и прочих противных закону не бывает... И всякие земные плоды бывают и злата и серебра несть числа... Светского суда не имеют, ни полиции, ни стражников там нету, а живут по христианскому обычаю. Бог наполняет сие место». Однако в Беловодье могут попасть лишь истинные

населению в Горном Алтае. Рескриптом Екатерины II от 15 сентября 1791 г. «каменщики» были приняты в состав России как ясачные инородцы. Они расплачивались с правительством ясаком в виде пушнины и звериных шкур, как и все другие инородцы Российской империи. В 1796 г. ясак заменили денежной податью, а в 1824 г. – оброком как с оседлых инородцев. Кроме того, бухтарминцы были освобождены от подчинения присылаемой администрации, горнозаводских работ, рекрутчины и некоторых других повинностей¹.

После получения юридического статуса российских подданных, «бухтарминские каменщики» переселились в более удобные для места жительства районы. По данным Е. Шмурло, в 1792 г. на Бухтарме их проживало 250 человек мужского пола и 68 – женского пола. К этому году ими было основано вместо 30 мелких поселков 9 деревень по рекам Бобровке, Проздной, Язовой, Тихой, Средчихе, Осочихе, Берели, Тургусуни, Коробихе².

В результате активного освоения русскими приграничной территории юга Западной Сибири и кочевий казахов Среднего жуза, в 80-е гг. XVIII в. здесь была проведена административная реформа. 19 января 1782 г. учреждено Тобольское наместничество с разделением его на области и уезды. Территория Верхнего Прииртышья вошла в состав Омской (Омский уезд) и Кольванской (Семипалатинский уезд) областей³. В этом же году на Западе Казахстана территории Уральского казачьего войска перешли в состав Астраханской губернии, а в 1803 г. вновь отнесены к компетенции Оренбургской пограничной комиссии Оренбургского генерал-губернаторства.

В начале XIX в. начался новый этап развития православных общин на территории Казахстана. Процесс был связан с зарождением основ интегральной политики Российской империи применительно к данному региону и стремлением правительственных кругов заселить «русским элементом» территорию собственно казахских кочевий. В 1803 г. было образовано Сибирское генерал-губернаторство в составе двух губерний – Тобольской и

ревнителю древнего благочестия. «Слугам антихристовым дорога туда заказана... Веру надо иметь неколебимую... Поколеблешься в вере, так туманом Беловодскую справедливую землю закроет». Как отмечал Е. Шмурло, через все XVIII, а также XIX столетия проходил неустанный поиск этого фантастического Эльдorado, где реки текут медом, где не собирают податей, где, наконец, специально для раскольников не существует никоновской церкви. См.: Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе. Омск, 1898.

¹ Казанцева Т.Г., Мурашов Н.С. Старообрядцы Алтая. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.

² Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе. С. 14.

³ В состав Кольванской области Тобольского наместничества, наряду с Семипалатинским уездом, также вошли Бийский и Барнаульский уезды, в состав Омской области – Омский и Тарский уезды.

Томской. К Томской губернии был причислен наряду с Томским, Нарымским, Кузнецким, Енисейским, Красноярским и Туруханским уездами, Бийский уезд. В его состав вошла территория упраздненного Семипалатинского уезда Кольванской области с иртышскими крепостями: Бухтарминской, Усть-Каменогорской, Ямышевской, Железинской и др.

В 1822 г. по новой административно-территориальной реформе в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства, кроме двух существовавших губерний – Тобольской и Томской, добавилась вновь учрежденная Омская область. В ее управление перешли оборонительные укрепления Иртышской и Новой линии и внутренние округа Северо-Восточного Казахстана – Омский, Петропавловский, Усть-Каменогорский и Семипалатинский.

В этом же году по Уставу о сибирских киргизах, упразднившему ханскую власть на территории Среднего жуза, началось формирование российской системы административного управления в казахской степи. Кочевья казахов Среднего жуза были разделены на восемь внешних округов¹, окружные приказы которых подчинялись Омскому областному начальству. На территории Младшего жуза ханская власть была ликвидирована в 1824 г., а в результате реализации Устава об Оренбургских киргизах его территория была поделена на три административные единицы, а позднее – на дистанции.

Административно-территориальное реформирование в Казахской степи сопровождалось строительством военных укреплений в глубине этой степи, которые должны были стать опорными пунктами дальнейшей колонизации края. В 1845–1847 гг. генерал-губернатором Оренбургского края В.А. Обручевым был поднят вопрос о необходимости заселения края «...русским элементом в связи с непрекращающимися набегами киргиз (казахов. – Ю.Л.) на пограничные русские селения, упрочить русское влияние на беспокойных обитателей устройством здесь крепостей»². В результате в 1845 г. началось сооружение Новой укрепленной линии: на р. Ирғиз было основано Уральское, в 1846 г. на Мангышлаке – Ново-Петровское, в 1847 г. на Сыр-Дарье – Раимское укрепления.

Гарнизоны крепостей по традиции формировались из Уральских и Оренбургских казаков. Так, Уральское казачье войско со второй четверти XIX в. обязывалось выставлять в мирное время две сотни казахов в область Оренбургских киргизов и содержать Оренбургскую линию до Каспийского

¹ Процесс создания округов начался в 1824 г. В результате были образованы Акмолинский, Кокпектинский, Атбасарский, Кокчетавский, Аягузский, Аман-Карагайский, Уч-Булакский, Куш-Мурунский округа.

² Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VII. С. 137.

моря. Указом 1853 г. государство предоставляло ряд льгот казакам Оренбургского казачьего войска, переселявшимся в построенные на территории казахских кочевий Уральское, Тургайское, Раимское укрепления и форты Карабутацкий и Новоперовский¹.

Одновременно военный губернатор Западной Сибири П. Капцевич предложил переселять казаков с Новоишимской линии во вновь открытые внешние округа области сибирских киргизов и построенные в них степные укрепления на постоянной основе, создавая при них казачьи станицы². Тем самым был завершён процесс создания Сибирского казачьего войска, указ об образовании которого был подписан ещё в 1808 г.³ Позднее было предложено начать заселение региона русскими крестьянами. В 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков сообщал военному министру о том, что количество удобных земель позволит поселить здесь более 3600 человек, но при этом считал, что число это не стоит увеличивать «дабы не беспокоить киргиз, чье доверие нам столь полезно сохранить и которые при всех внушениях начальства не совсем чужды опасения видеть себя обиженными»⁴.

Указом императора от 21 мая 1848 г. был инициирован процесс переселения во внешние округа области сибирских киргизов на постоянное место жительства казаков и крестьян. Для реализации проекта и создания крестьянских поселений в кочевьях казахов Среднего жуза в 1849–1850 гг. сюда были переселены малороссийские казаки и крестьяне Оренбургской и Саратовской губерний численностью 3852 человека и созданы 13 поселений, в том числе Щучинская, Котуркульская, Зерендинская, Арык-Балыкская и другие станицы⁵.

Переселившиеся крестьяне, как привило, зачислялись в казачье сословие, но фактически числились в резерве и военной службы не несли. В этноконфессиональном плане казачество внешних округов было весьма разнородным. Например, Кокчетавский округ состоял из 9 казачьих станиц и поселков, общая численность казачьего населения в 1863 г. составляла

¹ Указом 1853 г. переселившиеся в укрепления Уральское, Иргизское, Раимское казаки освобождались на восемь лет от воинской службы и повинностей, им гарантировалась выдача провианта в течение двух лет на всю семью, определялось денежное пособие в размере 65 руб. на семью, кроме этого, они получали право использования земельных и других угодий.

² Каженова Г.Т. Формирование казачьего населения Степного края (на примере Кокчетавского округа) // Отан тарихы. 2007/1. С. 217–223.

³ Сибирское казачье войско в середине XIX в. состояло из трех военных отделов: 1-й – с центром в Кокчетаве, 2-й – в Омске, 3-й – в Усть-Каменогорске. Отделы делились на станицы (к 1914 г. было создано всего 48 станиц).

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 41–42.

⁵ Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 10.

25878 человек, из которых русских насчитывалось 10532 человека, украинцев – 7553, белорусов – 1033, мордвы – 5834, татар – 830, черемисов – 96 человек¹.

Данные о количестве православного населения внешних округов отдельного Управления сибирскими киргизами Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1849 г. представлены в таблице 1².

Таблица 1

Данные о численности православного населения в 1849 г.

Внешний округ	Конфессии				
	православные	старообрядцы	католики	иудеи	мусульмане
Акмолинский	1712		28	14	49900
Куш-Мурунский	552		11	6	13761
Аягужский	1177		7	4	47548
Баян-Аульский	553		7		39889
Каркаралинский	1352		21	12	73380
Кокчетавский	8355	30	16		53905
Кокпектинский	1000		7	2	56831
Всего	14701	30	97	38	335214

В Семипалатинске и Усть-Каменогорске, имевших в 1849 г. статус безокружных городов Томской губернии, проживало 4049 и 2591 православных соответственно³.

В первой половине XIX в. на территории Казахстана продолжали активно развиваться старообрядческие общины. При этом их крупнейшими центрами продолжали оставаться Уральское казачество на западе региона и крестьянское старообрядческое население Бийского округа Томской губернии – на востоке.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Оренбургской губернии старообрядческая община Уральского казачьего войска стала пополняться за счет «беглых», особенно после разгрома Керженских скитов в Нижегородской губернии, которые селились в особой войсковой слободе – Шацком монастыре⁴. Официальные статистические данные за 1840 г. фиксировали более 30 тысяч старообрядцев, проживающих в 126 поселениях Уральского казачьего войска. Наибольшее их число приходилось на города Уральск (6465 чел.) и Гурьев (1433 чел.)⁵.

¹ ГАОО. Ф. 336. Оп. 1. Д. 417. Л. 68.

² Составлено по: ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Т. II. Д. 2764. Л. 331об. –332.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Т. III. Д. 2764. Л. 575–580.

⁴ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 327.

⁵ ГАОрО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 139. Л. 24–26об.; Оп. 13. Д. 2503/1. Л. 222–231.

На востоке Казахстана в первой четверти XIX в. наблюдался активный процесс строительства старообрядческих часовен и молитвенных домов. Так, старообрядческие молитвенные дома и часовни имелись в деревнях и селах Выдрихе, Шемонаихе, Шульбинской, Плоском Убинской волости, Секисовке, Верх-Убинске, Быструхе, Черемшанке, Бутакове, Бобровке, Большереченской Крутоберезовской волости, Тургусуньской и Кондратьевской Бухтарминской волости. Всего их насчитывалось 16¹. В середине XIX в. произошло сокращение численности старообрядческих молитвенных домов и часовен до 12, поскольку строительство новых и ремонт уже построенных были запрещены специальным правительственным указом 1822 г.². Всего на территории Восточного Казахстана к 1838 г. проживало 6490 старообрядцев, в том числе в Убинской волости 1903, в Бухтарминской волости – 537, в Крутоберезовской – 4050 старообрядцев³.

На территорию внешних округов Омской области переселение старообрядцев на протяжении первой половины XIX в. было запрещено. Исключение составляет Кочетавская станица, куда в 1849 г. было выдворено 30 старообрядцев (см. табл. 1). Динамику численности старообрядческого населения по внутренним округам Омской области можно представить по данным таблицы 2⁴.

Таблица 2

Динамика роста численности старообрядческого населения
внутренних округов Омской области, человек

Район	1828 г.	1829 г.	1834 г.	1835 г.	1838 г.	1839 г.
Омск	22	16	25	24	20	10
Омский округ	107	71	143	137	145	145
Семипалатинск	3	5	2	2	1	-
Семипалатинский округ	6	6	-	-	-	-
Усть-Каменогорск	-	-	-	-	-	-
Усть-Каменогорский округ	528	484	492	494	523	540
Петропавловский округ	1281	1288	668	907	1767	1570
Всего	1948	1868	1330	1564	2456	2265

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18053. Л. 4–6об.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18216. Л. 7об.–10.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18053. Л. 6об.–25.

⁴ Составлено по: ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17859. Л. 2об.–3; Д. 17946. Л. 2–3; Д. 18053. Л. 2об. –3.

Анализ данных таблицы 2 позволяет утверждать, что количество старообрядцев во внутренних округах Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства на протяжении первой половины XIX в. было стабильным и не превышало в целом 2500 человек.

Таким образом, процесс формирования православного населения центральноазиатского региона был связан с началом его присоединения к Российской империи. На протяжении XVIII в. русские активно осваивали пограничную с Казахской степью зону Южной Сибири и Южного Зауралья. При этом велось строительство военно-оборонительных сооружений на всей приграничной линии от Урала до Иртыша, сопровождавшееся формированием в регионе иррегулярных войск – Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Для решения проблемы снабжения казачьих войск продовольствием, прежде всего хлебом, местные власти стремились заселить войсковые территории крестьянским населением. При этом оренбургские и сибирские власти поощряли добровольную миграцию крестьян, а в некоторых случаях использовали административный ресурс. Так, территории Верхнего Прииртышья и Южного Алтая заселялись ссыльными, казачанами и др.

В результате, к концу XVIII в. в приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территорией Степного края определились два крупных центра православия. Одним из них являлся Западный Казахстан, значительные земельные массивы которого по реке Урал, принадлежавшие казахам Младшего жуза, были отмежеваны в пользу Уральского казачьего войска. Особенностью формирования православного населения данного региона являлось то, что значительная его часть выступала носителем старообрядческой православной традиции.

Вторым центром православия стал современный Восточный Казахстан – Верхнее Прииртышье и Бухтарминский край. Здесь, так же, как и в Западном Казахстане, оно было представлено Русской православной церковью и старообрядческими общинами. В отличие от первого региона, основными носителями старообрядчества выступали здесь не казаки, а крестьяне – беглые, ссыльные или вольнопоселенцы. На протяжении первой половины XVIII в. в регион переселялись лишь отдельные группы старообрядцев – беглецов. В 60–80 гг. этого столетия характерными стали как добровольная миграция, так и ссылка старообрядцев на территорию Верхнего Прииртышья и в Бухтарминский край. Об этом свидетельствует активный процесс образования новых деревень, налаживание связей между различными старообрядческими толками, что было обусловлено их религиозной общностью.

Нехватка рабочих кадров для работы на рудниках Южного Алтая и необходимость решение проблемы развития хлебопашеского хозяйства привели к компромиссу между правительством и старообрядцами региона.

К концу XVIII в. государство признало их религиозную специфику, отказалось от преследования и присвоило им категорию «ясашных инородцев», обязав обрабатывать в виде государственной повинности на предприятиях горнорудной промышленности.

В первой половине XIX в. в связи с реализацией серии административно-территориальных реформ, связанных с ликвидацией ханской власти в Младшем и Среднем жузах, началось выдвижение российских аванпостов вглубь Казахской степи и переселением сюда казаков Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. В результате православное население появилось собственно в кочевьях казахов Среднего и Младшего жузов.

Во второй половине XIX в. продолжился процесс формирования православного населения Казахстана. В середине XIX в. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова началось принудительное переселение казаков Сибирского казачьего войска в Семиреченский край. В 1847 г. сюда по жребью было переселено около 50 семей 9 полка, которые в 1848 г. основали станицу Копальскую, 1854 г. – выселок Илийский, в 1855 г. – станицы Большую Алматинскую, Урджарскую, Лепсинскую и др.¹

В 1855 г. во вновь построенное укрепление Верное были переселены 200 казаков Сибирской линии и 200 семейств крестьян из Томской и Тобольской губерний. Через два года было утверждено Положение Сибирского комитета «Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири», в рамках которого предполагалось переселить в регион около 300 семейств с зачислением их в состав Сибирского казачьего войска и предоставлением соответствующих льгот и пособий. В 1859 г. началась реализация еще одного Положения Сибирского комитета, предусматривавшего административное переселение в Казахскую степь, прежде всего Заилийский край, «крестьян за неплатеж податных недоимок»². В результате к 1867 г. в регионе было образовано 7 станиц и 7 выселков, из населения которых было сформировано Семиреченское казачье войско.

В религиозном плане господствующей конфессией в Семиреченском казачьем войске являлось православие. По данным Н. Леденева, к 1867 г. из 15744 человек общей численности войска его исповедовало 15338 человек. Старообрядцев были единицы. В 1868 г. среди казачества была выявлена секта скопцов, носителями которой являлись крестьяне-переселенцы, зачисленные в войско. В результате проведенного расследования удалось вы-

¹ Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 63.

² ПСЗ РИ. Изд. второе. Т. 32. № 31647; Т. 34. № 34359.

явить всех ее членов (31 человек), а в 1871 г. завершилось судебное разбирательство, закончившееся постановлением о высылке их в Восточную Сибирь¹.

События, связанные с образованием Семиреченского казачьего войска, способствовали завершению присоединения территорий Семиреченского и Заилийского краев к Российской империи. В результате было принято решение об образовании в составе Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства, состоящего из двух областей – Сибирских киргизов и Семипалатинской. В 1869 г. в связи с завершением присоединения Южного и Юго-Восточного Казахстана к Российской империи была предпринята новая серия административно-территориальных реформ, в результате которой территория региона вошла в состав трех генерал-губернаторств: Оренбургского (Уральская и Тургайская области), Западно-Сибирского (Акмолинская и Семипалатинская области), Туркестанского (Семиреченская и Сырдарьинская области). В 1882 г. территории Уральской, Тургайской, Алмолинской и Семипалатинской областей были объединены в одно Степное генерал-губернаторство с присоединением к нему Семиреченской области, изъятой из компетенции туркестанских властей. В 1896 г. Семиреченская область вновь была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Административно-территориальные реформы 60–80-х гг. XIX в. совпали по времени с ликвидацией крепостного права и открытием земель Казахстана для массового крестьянского переселения. Тем самым были созданы условия для резкого увеличения количества православного населения в данном регионе. В 1865 г. для переселения крестьян был открыт Алтайский горный округ, что простимулировало крестьянскую миграцию на территорию Рудного Алтая (Восточный Казахстан). Однако, кроме бесплатной выдачи леса на «домообзаведение», никаких пособий не предусматривалось. Поэтому большинство переселявшихся массово оседали в старожильческих поселениях. В волостях горных районов Рудного Алтая в период с 1865 по 1892 г. переселилось всего 132 крестьянина, что составило 1,13% к общему числу переселившихся в Алтайский округ за эти годы².

Ситуация кардинально изменилась связи с принятием в 1896 г. закона «Об устройстве переселенцев Алтайского округа», предоставившего переселенцам ряд льгот и привилегий на несколько лет. Это значительно простимулировало миграционные потоки в этот регион в целом и на территории Рудного Алтая в частности. В результате в Бухтарминском крае в 90-е гг. XIX в. возникло 4 новых поселка, в 1902 г. – 2, 1907 – 1, 1908 – 11, 1909 г. – 9, 1910 г. – 8, 1911 – 1, 1912 г. – 4, 1913 г. – 7, 1914 г. – 1, 1915 г. – 1. Всего, таким образом, за период с 90-х гг. XIX в. по 1915 г. на территории

¹ Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 348.

² Очерки истории Рудного Алтая. Усть-Каменогорск, 1970. С. 71.

Верхнего Прииртышья было образовано 54 новых переселенческих поселка¹.

На территории Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей активное переселение крестьян из европейской части страны началось с 70-х гг. XIX в. В Уральской области данный процесс обозначился еще позднее – с середины 90-х гг. этого же столетия. При этом миграционные потоки крестьян на территорию Казахстана во многом были стихийными и никак не регулировались государством. Лишь в 80–90-е гг. XIX в. правительство вынуждено было обратиться к решению данной проблемы на законодательном уровне. В июле 1881 г. были утверждены Временные правила о переселении крестьян, а после пятилетней разработки в 1889 г. вступил в силу закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Закон вводил ряд льгот и привилегий для переселенцев в азиатскую часть империи, устанавливал места выхода переселенцев – в Казахстане это Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области. Закон 1889 г. по сути открывал Казахстан для переселенцев, чем последние незамедлительно воспользовались. Однако наиболее «продуктивным» для переселений стал период Столыпинской аграрной реформы 1904 г., когда изменился правительственный курс в отношении русской земледельческой общины. Крестьянам был разрешен свободный выход из нее, и они, таким образом, получили возможность активно совершать переселения².

На западе Степного края основной поток переселенцев был из Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Воронежской, Тамбовской, Полтавской и других губерний России. В 80-е гг. XIX в. в Кустанайском уезде возникли поселения – Боровское (1885), Александровское, Давыденовское, Жуковское (1886), Романовское (1887), Борисовское, Владимирское, Ивановское, Михайловское и Степановское (1888). В последующее десятилетие крестьяне активно заселяли среднее течение Тобола, а также районы, расположенные к северу от Кустанайского уезда (п. Карабалык, Пешковка, Федоровка, Пресногорьковка)³. На территории Уральской области действие закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан» было распространено в 90-е гг. XIX в. Однако процесс переселения в регион сдерживался местной администрацией, главным образом

¹ Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. С. 44.

² См. подробнее: Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965; Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней четверти XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1963; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981; Садыков М.П. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX вв. Алматы, 1996.

³ Костанайская область : энциклопедия. Алматы, 2006. С. 44.

по причине отсутствия здесь свободных земельных участков, пригодных для сельскохозяйственных работ.

В Акмолинской области в результате миграции крестьян в 1891 г. насчитывалось 52 поселения. Через два года для области была учреждена специальная межевая партия, призванная отводить земельные участки для переселенцев, наплыв которых значительно усилился в связи с открытием Западно-Сибирского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1893–1895 гг. этой партией было отмежевано в Петропавловском уезде 37 переселенческих и 9 запасных, в Омском уезде – 20 переселенческих и 10 запасных, в Кокчетавском уезде – 8 переселенческих и один запасной участок. Последующая работа межевой партии позволила к 1901 г. образовать 251 переселенческий участок, на базе которого было созданы 206 поселков с населением 94107 человек¹.

Дальнейшая деятельность межевой партии в Акмолинской области была приостановлена, так как, по мнению ее руководителя, свободных земельных участков на ее территории больше не осталось. В 1902 г. область была официально закрыта для переселения. Однако избежать потока самовольных переселенцев не удалось: к 1905 г. численность переселенческих поселков в Акмолинской области возросла до 260².

Семиреченская и Сыр-Дарьинская области Туркестанского генерал-губернаторства, несмотря на официальное закрытие региона для переселенцев, активно осваивались ими с 70-х гг. XIX в. Здесь правительство создавало особые условия для переселенцев, выдавая на одну душу мужского пола 30 десятин земли, освобождая от налогов на 15 лет и выдавая ссуду на обзаведение хозяйством. Подобная политика была направлена на закрепление имперских позиций в регионе, стабилизацию положения на границе с Китаем, решение проблемы обеспечения Семиреченского казачьего войска продовольствием, расширение торговых связей и т.д. В 1870 г. здесь было образовано 6 переселенческих поселков, в 1871 г. – 8, 1872 г. – 4, 1874 г. – 3, 1878 г. и 1880–1883 гг. – по одному. В Сырдарьинской области в период 1883–1889 гг. было образовано 22 переселенческих поселка³.

Накануне Столыпинской аграрной реформы и после начала её проведения массовые миграции крестьянского населения в Туркестанский край значительно усилились. Правила «О добровольном переселении на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» от 10 июня 1903 г. легализовали бывшее фактически незаконным до этого заселение этих районов. Туркестанский край предполагалось заселять лицами пра-

¹ Обзор Акмолинской области за 1905 г. Акмолинск, 1906. С. 6–8.

² Там же. С. 9.

³ Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. С. 45–46.

вославною вероисповедания (исключение было сделано и для раскольников) с учетом их материально-хозяйственного положения, переселенцы освобождались от воинской повинности и обеспечивались налоговыми льготами в течение 8 лет. За период с 70-х гг. XIX в. по 1916 г. в Семиреченскую область переселилось 207200, в Сырдарьинскую – 79500 крестьянских хозяйств¹.

В целом, проследить масштабы крестьянской миграции на территорию Казахстана позволяют данные, приведенные в таблице 3².

Таблица 3

Численность и направление миграционных потоков в Казахстан в 70-х гг. XIX в. – 1916 г. (в тыс. человек, без вернувшихся обратно)

Область	Прибыло мигрантов		
	1871–1896 гг.	1897–1916 гг.	Всего
Акмолинская	119,1	731,5	850,6
Семипалатинская	3,4	130,1	133,5
Семиреченская	88,7	118,5	207,2
Тургайская	26,1	199	225,1
Уральская	51,3	82	133,3
Сырдарьинская	39,2	40,3	79,5
Итого:	327,8	1301,4	1629,2
Общее число переселенцев на окраины России (в тыс. чел.)	3815,4	5227,6	9043,1
Удельный вес Казахстана к общему числу переселенцев, %	8,59	24,9	18,02

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что наибольшее количество переселенцев поселилось на территориях Акмолинской, Тургайской и Семиреченской областей. Крестьянская колонизация в Казахстан кардинально изменила этническую карту региона – он стал многонациональным, удельный вес казахского населения сократился с 73,4 % от общей численности населения в 70-х гг. XIX в. до 67,7% в 1897 г., численность славянского населения возросла с 8,2% до 22,8% соответственно. Существенным последствием крестьянской колонизации региона стало изменение культурно-религиозного ландшафта Казахстана – православие по численности своих адептов стало второй после ислама религиозной системой региона. Однако следует подчеркнуть, что в религиозном плане поток славянских мигрантов был весьма

¹ Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1972; Бекмаханова Н.Е. Миграционное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху колониализма. М., 1996.

² Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху колониализма.

разнообразен. Проследить динамику численности православного населения Тургайской и Акмолинской областей помогут данные таблиц 4 и 5.

Таблица 4

Динамика численности православного населения Тургайской области¹

Города и уезды	1890 г.		1895 г.		1904 г.		1914 г.	
	<i>м. п.</i>	<i>ж. п.</i>						
Актыобинск	1392	1164	981	802	2534	2333	5816	5854
Актыобинский уезд			127	122	4322	3714	50663	44770
Кустанай	14505	13693	8472	8263	9629	9176	8824	9620
Кустанайский уезд			4713	4462	40118	36495	92697	92203
Иргиз и пос. Кара-бугак	37	32	822	605	521	318	323	240
Иргизский уезд	337	193					847	791
Тургай	282	145	202	187	357	179	348	234
Тургайский уезд			33	6	246	232	718	724
Всего по области	16553	15227	15350	14447	57727	52447	160236	154436

Таблица 5

Динамика роста численности православного населения Акмолинской области²

Конфессия	1887 г.	1910 г.	1913 г.
православие	115681	830860	866143
единоверие	данных нет	1039	3640
старообрядчество	135	3889	3640
итого	115816		

В целом рост численности православного населения Казахстана можно проследить по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Так, в пределах Тургайской области к этому году проживало 37193 православных (8,2%), Уральской области – 107587 (16,7%) православных. На территории Акмолинской области православное население по численности составило 167926 (41,3%) в Семипалатинской – 67620 (9,9%), в Семиреченской – 96741 (9,8%)³.

¹ Составлено по: Обзоры Тургайской области за 1890, 1895, 1904 и 1914 гг.

² Составлено по: Обзор Акмолинской области за 1910, 1913 гг. Омск, 1911, 1914 гг., Памятная книжка Акмолинской области за 1887 г. Омск, 1888.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Тургайская область. 1904. Т. LXXXVII. Табл. XIV. С. 44–45; Акмолинская область. 1904. Т. LXXXI. Табл. XIV. С. 58–61; Семиреченская область. 1904. Т. LXXXV. Табл. XIV. С. 56–63; Уральская область. 1904. Т. LXXXVIII. С. 55–56.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. продолжали развиваться и старообрядческие центры Казахстана. При этом происходила их активная дифференциация по толкам, которые были представлены в регионе двумя основными группами – поповцами (более умеренное направление старообрядчества) и беспоповцами, не признававших священства.

Поповцы¹ делились на беглопоповцев и приемлющих священство белокрыницкой иерархии. Белокрыницкое (или «австрийское») согласие признавало своим главой Боснийского архиепископа Амвросия, объявившего с. Белая Криница (Австрия) центром данной старообрядческой организации. Духовенство Белокрыницкой организации, учрежденной в 1846 г., было представлено епископом, протоиереями, священниками и дьяконами². Старообрядческие общины белокрыницкой иерархии Казахстана входили в состав Сибирской и Урало-Оренбургской старообрядческих епархий, созданных в 1862 и в 1864 гг. соответственно. В 1899 г. Сибирская епархия была разделена на Пермскую и Томскую епархии. Последняя объединила староверческие приходы поповского толка северо-восточного и восточного Казахстана³.

Беспоповцы были представлены федосеевцами, нетовцами, дырниками, немояками, оховцами, самодуровцами. В роли промежуточного звена между поповскими и беспоповскими согласиями выступали часовенный, стариковский и дьяконовский толки⁴.

¹ Беглопоповское согласие сначала оно было единственной формой поповщины, затем в 1846 г. в селе Белая Криница (территория бывшей Австрийской империи) с присоединением к старообрядчеству босно-сараевского митрополита Амвросия оформилось белокрыницкое (или австрийское) согласие. Беглопоповцы восстановили собственную иерархию в 1923 г., приняв архиепископа Николу (Позднева) от обновленческой церкви.

² Нестерова С.В. Религиозное пространство как подсистема культурного ландшафта Алтайского региона (XVIII – первая треть XX вв.). Барнаул, 2004. С. 15.

³ Приль И. История томского старообрядчества: епископы и обители. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-1061>.

⁴ Поморское согласие – умеренное течение в беспоповщине. Формирование согласия тесно связано с известным беспоповским центром – Выговским общежитием, основанным в конце XVII в. Даниилом Викулиным в Олонецкой губернии. Поморский толк беспоповского согласия, который являлся наиболее умеренным течением среди староверов, не приемлющих священства. Его последователи были убеждены, что официальная церковь совершила «латинство», а в мире царствует Антихрист. Поэтому беспоповцы отрицали православную церковь и священство. Служители культа в поморском толке – избираемые общинами наставники – не имели священнического сана. Поэтому поморцы исключили из религиозных служб молитвы и действия, предписываемые церковными уставами священникам, а также ввели в жизнь своих общин ряд культовых действий, предусмотренных православными канонами для исключительных случаев. Не случайно старообрядчество по-

На территории Казахстана во второй половине XIX–XX вв. старообрядческие общины различных согласий были представлены не равномерно, при этом лидирующие позиции по степени их концентрации продолжал занимать Западный и Восточный Казахстан. На территории Уральской области огромную роль в жизни старообрядческих общин продолжали играть скиты и монастыри. На войсковой территории Уральского казачьего войска в этот период насчитывалось семь скитов. Самый большой Садовский женский скит состоял из 40 изб и двух молитвенных домов, Кизлярский – из 20 жилых построек, в остальных было от 10 до 15 келий. Общая численность насельников составляла 151 человек, из них 118 женщин и 33 мужчины, имелись послушники и послушницы. Наиболее влиятельным являлся женский скит около Уральска и один скит никудишнического толка вблизи пос. Герасимовского.

Наибольшее количество старообрядцев Уральской области продолжали составлять казаки Уральского войска. Здесь встречались станицы, населенные почти исключительно староверами: Студеная, Илецкая, Кругоозерная, Соболевская. По степени упорядоченности религиозной жизни в

морского толка было отнесено Синодом к числу «вредных сект». В отличие от радикальных толков беспоповщины, поморцы признавали допустимыми молитву за царя и браки.

Федосеевское согласие – одно из радикальных согласий в беспоповщине. Сформировалось в Псковской и Новгородской губерниях под руководством Феодосия Васильева. В начале XVIII в. разошлось с поморским из-за неприятия брака и споров о «торжишном бращне» – продуктов, купленных на мирских рынках.

Странническое (бегунское) согласие – наиболее радикальное в беспоповщине направление, выделившееся в XVIII в. В основе вероучения странников лежало неприятие ими богоустановленности всякой государственной власти. Бегуны прерывали связи с гражданским обществом: не записывались в ревизские сказки, не платили податей, не имели документов и постоянного места жительства.

Спасовское согласие (или нетовщина) выделилось в конце XVII в. Спасовцы отличались от других беспоповцев тем, что не перекрещивали переходящих в их веру, а принимали таковых только через проклятие ересей или семипоклонный начал. Спасение видели только в Спасовой (Исусовой) молитве и в покаянии Богу наедине.

Рябиновское – умеренное беспоповское согласие. Рябиновцы поклонялись деревянному кресту, изготовленному из рябины, так как считали ее тем самым «певгом» – одним из трех деревьев, составляющих Крест Господень.

Стариковщина занимала промежуточное положение между поповцами и беспоповцами. Возникнув на рубеже XVIII–XIX вв. в Зауралье, стариковщина не признавала иерархию, использовала упрощенную обрядность. Ещё одно направление беспоповцев было представлено в регионе нетовщиной, которая относилась к крайним направлениям старообрядчества и призывала своих приверженцев к отрицанию всех церковных таинств и самосожжению.

Уральской области выделялось австрийское согласие. Оно имело свою организационную структуру, влиятельных начетников: А. Швецова, Г. Мельникова, Ф. Усова.

Согласие беспоповцев было менее организовано, оно управлялось выборными наставниками-стариками, страдало внутренними раздорами по «разным вопросам религиозно-обрядовым или просто из-за выгод и самолюбия». В начале XX в. происходило дробление беспоповского согласия на толки (никудышники, поморцы, федосеевцы, нетовцы)¹. Всего на территории Уральской области к концу XIX в. проживало 57055 старообрядцев (8,8% от общей численности населения области)².

Вторым центром старообрядчества продолжал оставаться восток Казахстана. Здесь, на территории Верхнего Прииртышья, на реке Банной – притоке Убы, в 1890-х г. по инициативе сибирских казаков Егоровых был основан женский монастырь поморского согласия. Значительную сумму на строительство монастыря передали предприниматели Морозовы. Со временем монастырь стал крупнейшим духовно-религиозным центром старообрядчества Восточного Казахстана. Во многом это стало возможным благодаря переезду сюда в конце XIX в. нескольких монахинь с Урала. К 1917 г. в монастыре насчитывалось около 60 инокинь и белиц. На рубеже XIX – начала XX в. старообрядческие скиты функционировали недалеко от Риддера, Верх-Убы, Усть-Каменогорска, Змеиногорска³.

В начале XX в. на территории Восточного Казахстана Томским губернским правлением было зарегистрировано не менее 40 белокрыницких общин, 31 община поморцев законобрачных, три общины поморцев, старопоморцев и стариковцев. Помимо общин с общепринятым наименованием согласий, в здесь действовало несколько общин со специфическим наименованием: шесть общин соловецкого согласия или Соловецкого монастыря (д. Белая), одна – калистратовского согласия (д. Зевакино)⁴.

Староверы-поповцы проживали в Бобровской, Владимирской, Риддерской волостях Змеиногорского уезда Томской губернии. В Бухтарминском уезде – Быструхе, Малой Убинке, Черемшанке – были сосредоточены беглопоповские общины. С 1850-х гг. отмечается распространение белокры-

¹ ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10568. Л. 53об. –54.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Уральская область. 1904. Т. LXXXVIII. С. 55–56.

³ Безгодов А. Поморская монастырская обитель в Риддере. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.

⁴ Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. С. 21.

ницкого священства среди алтайских поляков, а с 1908 г. – среди каменщиков, у которых белокрыницкая церковь находилась сначала в Богатыреве, с 1917 г. и в Коробихе¹.

Одним из самых многочисленных беспоповских толков являлся поморский. Беспоповцы-федосеевцы проживали в Верх-Убе, Бутакове, Выдрихе, Бобровке, Тарханке. В Бутакове, Черемшанке, Быструхе, Малой Убинке были зафиксированы беспоповцы-самодуровцы. В долине Убы жили представители таких беспоповских толков, как попавшие на Алтай с Поволжья спасовцы (нетовцы), оховцы (немоляки), в селениях по рекам Уба и Ануй – самокресты, в Язовой и Печах Бухтарминской волости – однопоклонники (дырники), по р. Бухтарме и в Змеиногорском округе – бегуны (странники). В долине Бухтармы наиболее распространенным был стариковский толк. В коренных поселениях поляков – пригородах Усть-Каменогорска, деревнях Риддерской волости – встречались дяконовские².

Во второй половине XIX в. старообрядческие общины формировались и в других регионах центральноазиатского региона Российской империи. Так, на территории Акмолинской области в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском и Павлодарском уездах в 1897 г. проживало 815 старообрядцев³. Значительную их часть составляли казаки Сибирского казачьего войска. Особенно выделялись поселки станиц Акан-Бурлукской, Арык-Балыкской, Кокчетавской Кокчетавского уезда. Здесь к 1878 г. по сведениям Ф. Усова проживало 2/3 старообрядцев и сектантов Сибирского казачьего войска.

По официальным данным, до начала 1860-х гг. большая часть староверов войска принадлежала к «поповщине»⁴. На рубеже XIX–XX вв. среди поповских толков лидирующие позиции здесь стало занимать австрийское согласие. В начале XX в. в войске произошло разделение австрийского согласия на так называемых *окружников*, *раздорников*⁵. В 1902 г. из 541 ста-

¹ Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. С. 33.

² Казанцева Т.Г., Мурашов Н.С. Старообрядцы Алтая. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Акмолинская область. 1904. Т. LXXXI. Табл. XIV. С. 58–61.

⁴ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 87.

⁵ В 1862 г. руководство Московской старообрядческой архиепископии для утверждения единства верования своих последователей приняло «Окружное послание единых, святых, соборных, древлеправославно-кафолическия церкви». Закрепленный в послании отказ от ряда положений, наиболее осуждаемых православной церковью, свидетельствовал о тенденции к примирению с официальным правосла-

ровера, приемлющего священство, окружники составляли 25 человек (первый военный отдел), раздорники – 469 человек (третий военный отдел), беглопоповцы – 47 человек (второй военный отдел). Среди беспоповского толка в Сибирском казачьем войске выделились поморы, даниловцы, тропарщики, спасовцы, самовосхитители священства¹.

На территории Туркестана в конце XIX–XX вв. крупные старообрядческие центры сформировались в с. Первоначальное Аму-Дарьинского отдела, расположенного в 18 км от укрепления Петро-Александровского, и в Казалинке Сыр-Дарьинской области. К 1895 г. в этих населенных пунктах проживало в общей сложности около 2 тыс. старообрядцев – бывших уральских казаков. В Семиреченской области старообрядцы были зафиксированы в пяти приходах, общим количеством 200 человек. Наиболее компактно они проживали в Пржевальске. Большинство из них составляли нижние чины местных войск, укомплектованных из Пермской и Тобольской губерний, а также Акмолинской области Степного генерал-губернаторства².

Во второй половине XIX – начале XX в. миграционное движение крестьян из европейской части Российской империи в Степной край, наряду с ростом православного, в том числе и старообрядческого населения, привело к появлению здесь сектантских течений. При этом следует отметить, что их локализация на территории региона была крайне неравномерной. Так, в Уральской и Тургайской областях первые секты были зафиксированы только в начале XX в. и составляли только 0,2 % от общей численности сектантов Оренбургского края³.

Крупнейший очаг сектантства в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. был сформирован на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. Его носителями выступили как русские крестьяне-переселенцы, преимущественно из Самарской, Тамбовской, Киевской и Астраханской губерний, так и немецкие поселенцы.

вием. Оставшиеся различия между официальной церковью и Белокриницким соглашением сводились лишь к обрядовой стороне. Появление «Окружного послания» привело к расколу внутри сторонников Белокриницкой иерархии на принявших его – «окружников», и отказавшихся его принять – «раздорников». Раздорники занимали отрицательную позицию по отношению к официальной православной церкви, утверждая, что в ней царствует Антихрист, а также отстаивая ряд обрядовых особенностей. Формальное примирение двух сторон произошло только после собора 1906 г., решением которого «Окружное послание» было отменено.

¹ Андреев С.М. Старообрядчество и сектантство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 1. С. 41.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595. Л. 57.

³ ОрЕВ. 1902. 1 февр. № 3. С. 248.

Наиболее многочисленными сектами на территории этих областей являлись протестантские секты (баптисты, евангельские христиане, штундисты, адвентисты и др.)¹. Их последователи наиболее компактно проживали в Омском уезде, Омске и его пригородах – Атаманском хуторе и ст. Куломанной, ст. Иссик-Куль, в Атбасарском уезде: в с. Борисовка, Сергиевка, п. Таловой, в Акмолинском уезде: с. Звенигородское, Самарский-Дальний, а также в Петропавловске. В конце XIX в. баптисты впервые появились в станицах Сибирского казачьего войска². Всего к 1913 г. в Акмолинской области проживало 10226 баптистов, 782 адвентиста, 740 менонитов³.

Второй по численности сектой на территории Акмолинской области являлась секта молокан и идейно близких к ней духоборов. Ее представители проживали на территории в станицах Сибирского казачьего войска⁴, а также в переселенческих поселках Омского и Петропавловского уездов⁵. Всего в 1913 г. в пределах области насчитывалось 9126 молокан.

В 1890-е гг. в Сибирском казачьем войске в среде староверов-беспопцев Кочетавского уезда появилась община «Духовных христиан нового духовного Израиля», объединившая около 136 последователей⁶. В 1907 г.

¹ Баптизм получил широкое распространение среди немецких колонистов Юга России и Поволжья во второй половине XIX в. Разделяя общехристианские догматы о Троице, божественном происхождении Христа и др., баптисты вместе с тем отрицали роль церкви как посредницы между богом и людьми и проповедовали принцип «оправдания верой». Единственным источником веры ими признавалось Священное Писание. Баптисты отвергали иконы, церковные таинства, многие христианские праздники. Богослужения у них были заменены молитвенными собраниями. Крещение баптисты рассматривали как обряд, символически демонстрирующий сознательную веру человека, поэтому они требовали принятия крещения верующими во взрослом возрасте. Обращение в баптизм было обязанностью как специальных проповедников, так и рядовых баптистов.

Очень близким к баптизму было вероучение евангельских христиан, которые придавали исключительное значение проповеди Евангелия и полностью отрицали обрядность. Почти одновременно с этими сектами в России появился штундизм – сектантское течение, возникшее среди русских и украинских крестьян под влиянием протестантов и сочетавшее в себе элементы протестантизма и вероучения духовных христиан.

² Андреев С.М. Старообрядчество и сектантство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 1. С. 41.

³ Обзор Акмолинской области за 1913 г. Омск, 1914. С. 56.

⁴ Андреев С.М. Старообрядчество и сектантство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 1. С. 42.

⁵ Отчет о деятельности Омского епархиального миссионерского совета за 1915 г. // ОЕВ. 1916. № 10. С. 7.

⁶ Эта секта была одним из течений христововерия (хлыстовства). Основой ее вероучения являлось представление о возможности прямого общения человека со «святым духом», возможности воплощения бога в наиболее праведного из людей,

из 555 ее членов, проживавших исключительно в станице Акан-Бурлукской и поселках Якши-Янгизставском и Нижне-Бурлукском, 540 были казаками¹. Здесь же в 1915 г. были зафиксированы секты хлыстов и афонских имябожников, численностью не более 200 человек в каждой². Никудышники, также именующие себя «квакерами», иоанниты (киселевцы), толстовцы проживали в основном в городах Акмолинской и Семипалатинской областей и являлись мелкими торговцами, приказчиками, рабочими.

На территорию Туркестана первые секты проникли в конце XIX в., что объясняется более поздним официальным открытием Семиреченской и Сырдарьинской областей для крестьянской миграции из европейской части Российской империи. Наиболее компактно их общины располагались вдоль почтовых трактов, где не было железных дорог, что позволяло им активно разворачивать религиозную пропаганду среди русских крестьян-переселенцев³. В начале XX в. по сообщениям духовных властей в регионе «целые селения заражены сектантством... в одной Закаспийской области до 300 сектантов, в Ташкенте – 200». На территории Семиреченской области они проживали в Верненском, Копальском, Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском уездах⁴.

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX в. стали периодом качественно нового этапа формирования православного населения центральноазиатских окраин России. Целый ряд причин: завершение присоединения его территории к империи, реализация ею административно-территориальных реформ, направленных на интеграцию региона в общеимперское

который становился таким образом «Христом». Библия толковалась христоверами «духовно», аллегорически. Основным авторитетом в вопросах веры считались проповеди «христов». В отличие от других общин, христоверы сохранили видимые связи с православием: их собрания начинались православными молитвами, многие члены секты посещали церкви, соблюдали посты.

В конце 1830-х гг. христоверие разделилось на несколько течений, одним из которых стало течение «Израиль». Его приверженцы рассматривали себя в качестве избранного народа «Израиля», которому суждено было возвести на земле «царство Божие». Когда в конце XIX в. после смерти своего руководителя – «Христа» «Израиль» распался, часть последователей объединилась в «Новом Израиле». Как и многие религиозные течения, выступавшие вначале с протестом против церковной иерархии, но приходившие, в конце концов, к традиционному церковному устройству, «Новый Израиль» оформился в своеобразную церковь с неограниченной властью руководителя. И «Израиль», и «Новый Израиль» имели многочисленных последователей в ряде казачьих областей (Донской, Кубанской, Терской). Вероучение этих сект требовало подчинения властям и разрешало военную службу.

¹ Андреев С.М. Старообрядчество и сектантство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 1. С. 42.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 4об.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595. Л. 60.

⁴ ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Т. 3. Д. 4227. Л. 1–27.

политико-правовое и социально-экономическое пространство, миграция крестьян из европейской части страны способствовали резкому увеличению численности православного населения и его повсеместному расселению. Особенности государственной стратегии переселения, учитывающей природно-климатические характеристики региона, потенциал земельных ресурсов и подобное, привели к тому, что наиболее активно осваивались Акмолинская, Тургайская и Семиреченская области. Именно в пределах этих областей было сосредоточено наибольшее количество православного населения.

Особенностью этапа выступало и то обстоятельство, что процесс формирования православного населения Казахстана сопровождался увеличением численности старообрядческих общин. Они пополнялись как за счет естественного прироста, так и благодаря крестьянской миграции в регион. Крупнейшими его центрами продолжали оставаться Уральская область на западе и Верхнее Прииртышье на востоке Казахстана. Однако на протяжении второй половины XIX – начала XX в. старообрядческие общины распространились и в другие области.

Этот же период стал временем развития на территории центральноазиатского региона сектантских общин, что также объясняется активным его освоением крестьянами-переселенцами. Наибольшее количество сектантского населения располагалось в пределах Акмолинской и Семипалатинской областей. В Уральской, Тургайской и Семиреченской областях численность сектантского населения была незначительной.

Среди сект Степного края и Туркестана наибольшее распространение получили секты протестантского толка – баптизм, штундизм, адвентизм. На базе их учений оформились секты «российского происхождения», которые также получили развитие на территории Омской и Туркестанской епархий – духоборы, молокане, никудышники. Кроме того, в отдельных районах епархий фиксировались секты, выделившиеся из старообрядчества – хлыстов, духовных христиан нового духовного Израиля. Как результат духовного кризиса православного населения Казахстана и поиска им выхода из этой сложной ситуации следует рассматривать и появление сект местного происхождения – афонских имябожников, иоаннитов-киселевцев, иоаннитов-аксеновцев, евангелистов-пашковцев.

В целом XVIII – начало XX в. стали временем активного процесса формирования православного населения Казахстана. Православие заняло второе после ислама место по числу своих приверженцев. Это обстоятельство поставило перед Русской православной церковью задачу создания условий для реализации религиозных потребностей православного населения и развития административно-территориальной системы для его управления.

1.4. Церковно-приходское строительство Омской епархии¹

Н.В. Дикова

К 1906 г. в результате реализации курса аграрных реформ П.А. Столыпина значительно увеличилась активность переселенческого движения в Степной край. Указ от 9 января 1906 г. декларировал возможность выхода крестьянина из общины, а также возможность самостоятельного распоряжения своим земельным наделом, что предоставляло свободу действий выходцам из общин. Реорганизация Переселенческого управления в 1906–1907 гг. способствовала принятию нового Положения 1906 г. «О порядке применения закона 1904 года о переселении»². В итоге миграция крестьян из центральных губерний России в Сибирь и Степной край приобрела массовый характер, а выделение особых переселенческих районов и создание в них переселенческих организаций позволило упорядочить этот процесс, так как справиться с наплывом переселенцев могла лишь четко организованная структура. По итогам проведения Первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. в Степном крае (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская области) православного населения (сельского и городского) насчитывалось 2428,3 тыс. человек, а к началу Первой мировой войны 1914 гг. уже 3770,2 тыс. человек³. Таким образом, становится очевидным, что темпы переселенческого движения в Степной край после реализации программы реформ П.А. Столыпина существенно возросли.

В условиях резко увеличившегося потока переселенцев в результате Столыпинской аграрной реформы государственные органы в конце 1906 – начале 1907 г. окончательно стали признавать необходимость предоставления переселенцам условий для удовлетворения религиозных потребностей. В связи с этим заведующий Акмолинским переселенческим районом Н.Э. фон Штейн в отчете о развитии переселенческого движения в области в 1907 г. отмечал: «Наши переселенцы, несущие высокую миссию громаднейшей важности для государства, несущие туда русскую идею и русскую государственность, не должны быть лишены возможности удовлетворять

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Правила о переселении 6 июня 1904 г. URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/peres2/3-15.html> (дата обращения: 01.02.2021).

³ Южакова Т.Л. Динамика, состав и расселение русского сельского населения Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник ОГУ. 2006. №9. С. 151–157; Тихонов Б.В. Переселение в Россию во второй половине XIX в. М., 1978. 167 с.; Алексеев В.Н. Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX вв. // Вестник Евразии. Народы. 2000. №2. С. 5–18.

свои религиозные потребности. Вера православная в создании великого могучего государства занимает исключительное положение, вера православная послужила той основой, на которой зиждется и лучшее наше здание – государство русское»¹. Далее фон Штейн отмечал: «Переселенцы скорее всего признают в киргизской степи свою родину, когда найдут там обстановку – храм божий и народную школу, с которыми они расстались, идя на переселение, и потребность в которых теперь настоятельнее, чем новые и трудные условия их жизни»².

Риторика чиновников центральных правительственных органов власти была во многом схожей. Так, в отношении, на имя министра внутренних дел, главноуправляющий землеустройством и земледелием Б.А. Васильчиков в 1907 г. просил обратить особое внимание на удовлетворение, поступавших от переселенцев ходатайств относительно образования новых приходов: «...при таких условиях недостаток в Сибири православных храмов и церковно-приходской организации является весьма ощутимым... В настоящее же время, вследствие обширности существующих приходов, священники лишены возможности посещать новые поселки, еще не вошедшие в состав этих приходов. Множество же населения проживает в таком отдалении от храмов и священников, что вовсе не в состоянии обращаться к ним даже в самых необходимых случаях, так что крещение детей откладывается на месяцы и годы, погребение совершается без всякого церковного обряда, венчание заменяется гражданским сожителем»³.

Инициатива Б.А. Васильчикова была поддержана МВД и Святейшим Синодом. 27 мая 1907 г. появилось распоряжение обер-прокурора Синода П.П. Извольского «О порядке учреждения новых приходов в епархиях Азиатской России». 31 августа 1907 г. Синод постановил: «...епископам Азиатской России определить свое отношение к предложению Главноуправляющего землеустройством и земледелием Б.А. Васильчикову относительно необходимости открытия приходов в переселенческих поселках без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных для сего условий и поручить Преосвященным доставить в возможно короткий срок полные сведения о состоянии дел в переселенческих поселках»⁴. Далее приводился конкретный перечень мер по улучшению деятельности РПЦ среди переселенцев, по разным причинам не имеющих возможности удовлетворять свои духовно-религиозные нужды. Среди данных мер предлагалось:

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 174.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 174.

³ Берковская З.Н. Создание приходов и строительство богослужебных заведений в Омской епархии в конце XIX — начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019, №2(30). С. 134–145.

⁴ Там же.

«1) Не требовать от прихожан обеспечения причта жильем, а платить причту жалование от казны в таком размере, чтобы священно-церковнослужитель смог сам обеспечить себя жильем до полного заселения прихода; 2) обеспечить священниками отдаленные приходы, если же это не представляется возможным, то проводить божественные литургии в специальных молитвенных домах или на переносных антиминсах; 3) обеспечить священников, разъезжающих по удаленным приходам, дополнительным жалованием»¹. Между тем дополнительное финансирование предполагалось выделять из средств, предусмотренных для переселения.

Поиск средств для учреждения новых церковных приходов оказался делом довольно сложным, в связи с чем в начале 1908 г. было образовано Особое совещание о церковных нуждах в переселенческих местностях, председателем которого стал обер-прокурор Синода А.П. Рогович². Целью Особого совещания было определение объема финансирования для постройки церквей, школ, причтовых и училищных домов в переселенческих районах. Средства, которыми располагал Синод на данные цели, состояли, главным образом, из сумм Фонда им. императора Александра III и ассигнований Переселенческого управления на потребности церковного дела. Количество денег было несоизмеримо мало в сравнении с планами церковно-приходского строительства Омской епархии, их реализация требовала поэтапности и планирования расходов.

К 28 февраля 1908 г. Особое совещание подготовило план мероприятий по организации церковного быта переселенцев. Ближайшей задачей являлось составление перечня переселенческих пунктов, где необходимо в первую очередь открыть приходы с самостоятельным причтом, построить церкви, причтовые дома и школы, а также определить число походных причтов. Для этого был установлен средненормативный размер пособий одному приходу: 2500–4000 руб. на строительство храма и не свыше 3000 руб. на строительство причтовых домов. С целью успешного и планомерного церковного строительства предлагалось учредить особый орган для осуществления намеченных центральными учреждениями мероприятий – Епархиальный комитет по удовлетворению духовных потребностей переселенцев, возглавляемые епархиальными архиереями. В состав комитета должны были войти и представители местной власти. Основная функция Комитета – организация и контроль процессов строительства в епархиях. Для осуществления руководства и контроля за церковно-приходским и храмовым строительством в азиатских епархиях должны были быть созданы

¹ Омские епархиальные ведомости. 1907. №19. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachent/attachent/66/ac/66acdb1b-5aba-4fa6-b513-ec7f89d48799.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1908—1909 гг. СПб., 1911. Прилож.: с. 8.

региональные/местные отделения Епархиальных комитетов по удовлетворению церковных нужд переселенцев, в состав которых входили крестьянский начальник, благочинный как председатель комитета и два-три члена¹. При проектировке новых приходов учитывались и многочисленные просьбы переселенцев, которые содержали уточнения о дополнительном строительстве церквей в их поселках. Все предложения Особого совещания были согласованы и одобрены.

Итогом обсуждений стал Указ Синода от 7 мая 1908 г. о формировании в Зауральских епархиях епархиальных комитетов для устройства церковного быта переселенцев. Он стал основанием для проведения целого ряда мероприятий, направленных на расширение сети церковных учреждений, строительства школ и причтовых домов в епархии². В Омской епархии первое заседание Епархиального комитета для устройства церковного быта переселенцев состоялось 8 мая 1908 г., на совещании присутствовали: епископ Гавриил (Голосов), заведующий переселенческим делом в Акмолинском районе В. фон Штейн, Акмолинский областной инженер Зуев, председатель Омского училищного совета Канарский, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, протоиерей Садовский, благочинный омских городских церквей священник Орлов и омский кафедральный протоиерей И.И. Голосов. Кроме того, на первое совещание Комитета прибыл И.И. Восторгов – проповедник и миссионер, организатор 4-го миссионерского съезда в Киеве.

По проектной смете, предоставленной епископом Омской епархии Гавриилом (Голосовым), на Совещании заявлялась необходимость открытия 92 приходов в Омской епархии, для которых требовалось государственное пособие в размере 156300 руб. на строительство церквей-школ в виде молитвенных домов с алтарем, 215500 руб. на постройку причтовых домов, на утварь – 23700 руб. и на жалование каждому члену причта по 800 руб.³ Кроме того, Особое совещание, образованное в Семипалатинске из представителей областной администрации, решило просить в пособие для каждого переселенческого поселка по 2000 руб. на молитвенный дом и по 2000 руб. на причтовые строения. Совещание также констатировало необходимость о формировании в Семипалатинске постоянного отделения Омского епархиального комитета для устройства церковного быта переселенцев⁴.

Проектирование новых приходов осуществлялось в тесном взаимодействии церковных и светских властей. Для этого заведующие Акмолинским

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 2287. Л. 12.

² Омские епархиальные ведомости. 1908. №16. URL:<https://docviewer.yandex.ru/view/185736652/> (дата посещения: 12.03.2020).

³ Омские епархиальные ведомости. 1908. №16. URL:<https://docviewer.yandex.ru/view/185736652/> (дата посещения: 12.03.2020).

⁴ Там же.

и Семипалатинским переселенческим районами Степного края, с учетом движения крестьянского населения, формировали план создания переселенческих подрайонов каждой области на ближайшие годы. Затем данные планы передавали в Омскую епархию, с тем, чтобы духовные власти имели возможность проектирования новых приходов.

Анализ источников позволяет говорить, что работа Омского епархиального комитета по устройству религиозного быта переселенцев осуществлялась также в направлении церковно-школьного строительства. Одновременно с открытием новых приходов шла работа по возведению церковно-школьных построек. Поскольку объемы строительства предполагались масштабные, а финансовые возможности государства ограничены, было принято решение о вариативности строительства церквей и школ. Предполагалось строительство помещений, функционально предназначенных для проведения церковных служб и учебного процесса, так называемых церквей-школ. Местные Епархиальные комитеты полагали, что после того, как крестьяне-переселенцы экономически окрепнут, они смогут построить на свои средства новую церковь, а здания церквей-школ перейдут в распоряжение школ¹.

Важным аспектом реализации планов церковно-приходского и церковно-школьного строительства в Омской епархии на втором этапе стало принятие епархиальными властями ряда мер, гарантирующих целевое использование выделяемых средств и соответствие всех построек своему назначению. Для этого на уездном уровне в областях Степного края создавались Особые строительные комиссии, непременным членом которых назначался священник, а председателем – крестьянский начальник. Комиссии должны составлять технический план и сметы строительства, вносить их на одобрение сельского схода, а затем приводить их в исполнение. Комиссия через доверенных получала выделенные на строительство средства, размещала их в сберегательных кассах Государственного банка и расходовала только по решению постановления, утвержденного крестьянским начальником или заведующим переселенческим делом. Казначей, выбранный из числа членов Комиссии, получал на руки только небольшие авансы, все же крупные платежи производились непосредственным кредиторам общества².

Технический надзор за реализацией планов приходского и церковно-школьного строительством возлагался на строительный отдел областного переселенческого управления. Отдел непосредственно занимался разработ-

¹ Лысенко Ю.А. Церковное строительство в Степном крае в начале XX в. как фактор формирования положительного образа России в регионе // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул, 2008. №24. С. 107–112.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 5об.

кой типовых чертежей и смет для бесплатной раздачи сельским обществами, по требованиям обществ составлял отдельные сметы за удешевленную цену (1% со сметной суммы), а также отдел выезжал на места строительства для осмотра церковно-школьных построек¹. Работа строительных отделов регламентировалась Особой инструкцией.

Следует отметить, что в 1908–1910 гг. строительные отделы Акмолинской и Семипалатинской областей «ввиду недостатка в составе техников, осуществлять наблюдение в полной мере не могли»². Так, например, Строительный отдел Акмолинского района в 1909 г. состоял только из инженера-строителя и двух постоянных техников. «За недостатком сил, не имея возможности осуществить в полной мере по всей области надзор за постройками церквей и школ», они осуществляли его «только попутно в тех селениях, кои были на пути проезда по своим прямым заданиям»³. В результате, в 1909 г. из 30 строящихся церковно-школьных зданий техниками было осмотрено только 7; в 1910 г. из 32 построек осмотрено 8. Только в 1911 г. благодаря увеличению числа техников, ситуация в сфере надзора за строительством стабилизировалась. Следует также отметить, что техники по каждой осмотренной постройке составляли акт в присутствии членов строительной комиссии или сельского старосты и понятых, а иногда и подрядчика. В акте «отмечались все недостатки осматриваемой постройки и заготовленного материала»⁴.

Технический надзор позволял выявлять множество недочетов в процессе церковно-школьного строительства. Основными из них были: недостаточное наблюдение за постройкой со стороны избранной обществом строительной комиссии; отступление от планов и чертежей, как специально составленных для данной постройки, так и от типовых; неосведомленность крестьян о том, к кому они должны обращаться по вопросам церковно-школьного строительства; неосведомленность техников строительного отдела – о месте построек, стадий строительства; некачественность материалов, несоответствие материалов сметным назначениям; неправильная кладка стен и фундамента; «общая небрежность в выполнении строительных работ»⁵.

В процессе реализации планов церковно-приходского и церковно-школьного строительства Омской епархии православным крестьянским обществам приходилось сталкиваться не только с техническими проблемами и проблемами финансирования строительства, а также с бюрократической

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 5об.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 5об.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 5об.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1937. Л. 332.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1937. Л. 399.

системой Российской империи. Процесс строительства церквей и отвод земельных участков под храмовые постройки представлял собой длительный, сопряженный с трудностями процесс. Ходатайства крестьянских обществ возбуждались на полное финансирование постройки церкви, церкви-школы, молитвенного дома или дома для причта, а также на заготовку леса, обустройство храма, закупку книг, икон и т.д. На первом этапе уполномоченный от крестьянского общества должен был направить запрос в Областное переселенческое управление об отпуске средств на постройку. Затем она рассматривалась несколько раз, утверждалась решением Омского Епархиального комитета по удовлетворению церковных нужд переселенцев, направлялась в Синод или другую государственную структуру, финансирующую строительство, где принималось окончательное решение.

Приведем одни из примеров. Так, уполномоченный Спасского сельского общества Пантелеймон Плаксин отправил прошение в Управление землеустройства и земледелия Акмолинского областного правления в январе 1909 г. Крестьянское общество ходатайствовало об отпуске средств на строительство нового храма или же «об отпуске крестьянам поселка Спасское лесного материала из переселенческих казенных складов на восстановление сгоревшей церкви». По результатам обсуждения данного ходатайства Канцелярия Синода ответила положительно на это ходатайство и постановила выплатить Спасскому крестьянскому обществу 1000 рублей¹. Таким образом, рассмотрение вопроса заняло почти один год.

Сложившаяся в финансировании церковного строительства Омской епархии ситуация, а также близость завершения первого плана церковно-приходского и церковно-школьного строительства Омской епархии 1908–1911 гг. требовала от Епархиального комитета по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей переселенцев подведения итогов. В феврале 1911 г. на его заседании военные губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей поручили уездным начальникам собрать информацию о состоянии приходского строительства в Степном крае.

Информация собиралась по следующим направлениям: 1) количество в уезде существующих приходов и входящих в их состав селений с указанием населения, расстояния между ними и приходским храмом; 2) состав проектируемых приходов с указанием сведений, предусмотренных в первом пункте; 3) сведения о церковно-школьном строительстве (существующие церкви, молитвенные дома, причтовые дома и школы, имеющиеся и проектируемые к постройке; 4) сведения о личном составе приходов, вакантных должностях и времени прибытия за последние 4 года вновь назначаемых священников².

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 973. Л. 18.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 3–3об.

Так, на Кокчетавском уездном съезде крестьянских начальников 6 мая 1911 г. было зафиксировано, что намеченный в 1908 г. Омским епархиальным комитетом по удовлетворению церковно-нравственных нужд план церковно-школьного строительства фактически не выполнялся. Причин было несколько: во-первых, наплыв новых переселенцев оказался значительным и превысил все проектируемые нормы церковно-приходского строительства; во-вторых, некоторые сельские общества строили церкви, молитвенные дома и школы за своей счет; в-третьих, вновь возбуждаемые ходатайства об открытии приходов и постройке школ и церквей носили в большинстве случаев случайный характер и принятый план в целом во внимание не принимался. Вследствие этого открытие новых церквей и приходов на территории Акмолинской области происходило неравномерно. Неравномерность их количественного распределения в рамках уездов приводила к непропорциональному количеству прихожан. Значительное количество православных переселенческих поселков отсталось вне церковно-приходской системы. В докладе съезда говорилось: «кто знает наших переселенцев, тот понимает, что среди многообразных нужд у них занимает нужда религиозная. Единственным утешением в нашем Степном крае для них является его вера, и тот только может судить, насколько велика тоска переселенцев, которые волею судьбы заброшены в глухие киргизские степи, который вынужден жить среди инородческого населения, лишенный возможности удовлетворения свои нужды религиозные без пастыря, без храма»¹.

По итогам собранной информации Омским епархиальным комитетом по удовлетворению церковно-нравственных нужд переселенцев был принят план церковно-школьного строительства в Омской епархии на 1911-1914 гг. На первом этапе планировалось провести работу по проектированию новых приходов, назначать в них причты и обеспечить их жилищными условиями. Это было стратегически важно, так как предполагалось, что именно причты вновь открытых приходов будут в последующем руководить жизнью вновь созданного прихода, строительством причтовых церквей, молитвенных домов и церковно-приходских школ, наблюдать за бюджетным расходованием средств, выделенных государством на строительство. Также государство рассчитывало, что причты смогут мобилизовать православных жителей вновь открываемых приходов «в смысле проявления обществами большого личного участия в этом деле»².

Не менее важным аргументом в пользу строительства домов для причтов на первом этапе был тот факт, что в селениях, в которых не было жилищных условий, причт просто мог покинуть приход. И хотя такое явление не было массовым, тем не менее подобные случаи фиксировались епархиальным начальством. В частности, в 1910 г. клир Савенковского и Ново-

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 173об.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 4.

Киенского приходов Кокчетавского уезда Акмолинской области покинул свои причты¹.

На втором этапе реализации плана церковно-приходского строительства 1911–1914 гг. планировалось вести строительство церковно-приходских школ и молитвенных домов. В данном случае преследовалась цель «дать православному населению то, без чего оно не может существовать сейчас, дает то, чего население не может исполнить за свои средства или своими силами»². Поэтому Комитет пошел по пути отказа от строительства дорогих проектов и строительства в основном молитвенных домов и в меньшей степени церквей.

Строительство молитвенных домов должно неизменно сопровождать параллельным открытием церковно-приходской школы. Отступление от данного принципа допускалось лишь в том случае, если во вновь созданном причте уже функционировали училища Министерства народного просвещения, если таковые намечены к открытию по плану, согласованному с Омским епархиальным училищным советом³.

При проектировке новых приходов Омский епархиальный комитет по удовлетворению религиозных нужд переселенцев руководствовался тезисом – «чем беднее переселенцы, тем быстрее и полнее надлежит оказать им духовно-религиозную поддержку и озаботиться об удовлетворении их духовных нужд»⁴. Поэтому причтовые дома должны были сооружать на безвозвратные пособия из казны, а школы и молитвенные дома частью за счет безвозвратных пособий, частью за счет ссуд⁵. В случае, если общество по своей бедности не только было не в состоянии принимать какую-либо часть расходов по строительству на себя, в том числе ссуду на рассрочку платежа – помощь государства выражалась «или назначением безвозмездного пособия по смете Переселенческого управления или строительством сооружений на средства казны, также ассигнуемых бесплатно»⁶.

Приходским обществам, которые в перспективе могли экономически окрепнуть, предоставлялась полная свобода в улучшении и расширении первоначальных церковных построек. Вместо молитвенных домов им предоставлялось право строительства церквей.

В разработке плана церковно-приходского строительства Омской епархии на 1911–1914 гг. принимали участие члены Епархиального комитета по удовлетворению религиозных нужд крестьян-переселенцев – преосвященный Омский и Семипалатинский епископ Владимир, военные губернаторы

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 203об.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 4об–5.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 7.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 4–4об.

⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 8.

Акмолинской и Семипалатинской областей, а также члены Переселенческого управления, крестьянские начальники. Следует отметить, что при составлении итогового плана, в его состав не вошло значительное количество переселенческих участков, первоначально включенных в списки по решению съездов крестьянских уездных начальников. Таким образом, даже на следующее трехлетие церковно-приходским строительством не планировалось полностью охватить Омскую епархию.

Новый план церковно-приходского и церковно-школьного строительства в Омской епархии был принят к концу 1911 г. Финансирование проектируемых планом помещений было распределено между Синодом и Переселенческим управлением¹. При этом значительно ужесточался контроль со стороны государства за реализацией плана и технического надзора за строительством. В частности, в 1912 г. заведующим переселенческим подрайоном Акмолинской области Н.Э. фон Штейном были выработаны дополнительные инструкции, которые в широком смысле слова включали общее руководство по надзору за строительством и выработку плана технических работ.

Отметим, что при реализации плана церковно-приходского и церковно-школьного строительства в Омской епархии 1911–1914 гг. было много проблем. Особенно это касалось финансирования строительства. Сложная ситуация складывалась, например, в Акмолинской области. Первоначально план церковно-приходского строительства по области на 1912 г. был направлен в Переселенческое управление. Всего за 1912–1914 гг. по Акмолинскому переселенческому району планировалось осуществить церковно-школьное строительство на сумму: 1912 г. – 243700 руб., 1913 г. – 212300 руб., 1914 г. – 249400 руб. Итого – 704400 руб.²

В июне 1911 г. руководство Переселенческого управления высоко оценило проведенный объем работ, отметив, что план составлен с «крайней тщательностью» и дает все основания для внесения его «на рассмотрение Особого совещания»³. В то же время, по мнению Переселенческого управления, данный план имел ряд недостатков: «слишком широкую программу» строительства, отсутствия четкой сметы финансирования, с распределением сумм между Переселенческим управлением и Синодом. В плане строительства на 1912 г. также не были зафиксированы суммы на завершение строительства сооружений, возведение которых должно было начато в 1911 г.⁴ Поэтому Переселенческое управление постановило: «Хозяйственное управление Святейшего Синода и Переселенческое управление, по состоянию своих кредитов, окажутся не в состоянии ассигновать испрашиваемой

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 270.

²РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 270.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 269об.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 269об.

суммы»¹. Учитывая, что другие переселенческие районы Степного края также могут превысить по допустимым нормам запросы на строительство в 1912 г., Переселенческое управление просило заведующего Акмолинским переселенческим районом Штейна «намеченные планом строительства на 1912 г. в Акмолинской области сооружения распределить, расположив их в порядке желательности и постепенности их осуществления»².

Корректировка уточненных сведений по церковно-приходскому строительству в Акмолинской области на 1912 г. затянулась и была произведена только к 15 ноября 1911 г. по причине отсутствия епископа Омского и Семипалатинского Владимира. Наконец, к декабрю 1911 г. было проведено рассмотрение сумм, необходимых на церковно-приходское строительство в Акмолинской области на 1912 г. 8 декабря 1911 г. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит представил начальнику Переселенческого управления А.В. Кривошеину письмо, в котором просил выделить на данное строительство за счет средств Переселенческого управления 96000 руб.³

4 апреля 1912 г. Степному генерал-губернатору и заведующему Акмолинским переселенческим районом из Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия поступила информация о решении Особого совещания с участием Синода, что перевод всей суммы на церковно-школьное строительство в 1912 г. в Акмолинской области в размере 96000 руб. не представляется возможным, так как Переселенческое управление не располагает «столь крупными кредитами». Поэтому деньги на церковно-школьное строительство будут выделяться ежемесячно, по частям⁴.

Руководству переселенческих подрайонов приходилось сталкиваться с рядом проблем в ходе реализации плана церковно-приходского строительства в Омской епархии. Строительный комитет не всегда вовремя мог контролировать процесс строительства на местах, выделенных сумм было мало или же они предоставлялись со значительным опозданием, а также главным фактором были межведомственные противоречия в реализации плана. Итогом было несвоевременное выполнение поставленных задач.

В то же время Переселенческое управление отмечало, что «переселенцев не следует совершенно освобождать от обязанностей по храму, а необходимо лишь помочь им с отпуском пособия на построение храма»⁵. Особое Совещание Семипалатинского отделения Омского епархиального комитета по удовлетворению религиозных нужд переселенцев определило размер пособий: на храм от 2500 руб. до 4000 руб.

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 269об.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 270об.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 280.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 324.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 12.

и на постройку помещений для причта не больше 3000 руб. на приход¹.

Кроме того, начальник Семипалатинского переселенческого района выражал пожелание, чтобы денежные суммы, вошедшие в смету расходов на 1912 г., были распределены между Синодом и Переселенческим управлением, чтобы в первую очередь в смету были внесены сооружения, предусмотренные планом 1911 г. и оставшиеся неосуществленными. Таким образом, помощник заведующего Семипалатинского переселенческого района А.А. Саенко 23 ноября 1911 г. предоставил смету Омскому Епархиальному комитету по удовлетворению церковных нужд².

После завершения реализации второго трехлетнего плана церковно-приходского и церковно-школьного строительства на 1912–1914 гг. в Омской епархии Омский Епархиальный комитет по удовлетворению церковных нужд перешел к практике принятия планов строительства на один год. Скорее всего, данная тенденция была связана с начавшейся Первой мировой войной и сокращением объемов финансирования, а также невозможностью планирования церковно-приходского и церковно-школьного строительства на столь длительный период.

С 1906 г. политика Российской империи была направлена на структурирование процесса переселения в Сибирь и Степной край. Благодаря Указу от 9 января 1906 г. крестьяне получили возможность выхода из крестьянской общины и распоряжения своим земельным наделом. В данный период в Омской епархии активно шел процесс церковно-приходского строительства, который осложнялся невозможностью постройки церквей без помощи от казны, так как крестьяне-переселенцы не могли самостоятельно обеспечивать необходимые суммы на церковное строительство в епархии. В 1907 г. издается распоряжение «О порядке учреждения новых приходов в епархиях Азиатской России»³, которое позволило значительно облегчить процесс строительства церквей на местах. По итогу данного распоряжения крестьяне-переселенцы могли не содержать причт, церковнослужителям назначалось пособие на постройку причтовых домов. Дополнительное финансирование должно было выделяться из средств на переселение.

Немаловажным моментом во второй период строительства Омской епархии стало распределение источников финансирования. Так, в 1908 г. было образовано «Особое совещание о церковных нуждах в переселенческих местностях». Целью организации стало определение объема финансирования для постройки церквей, школ, причтовых и училищных домов в пе-

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 982. Л. 11.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 982. Л. 11.

³ Омские епархиальные ведомости. 1907. №19. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/66/ac/66acdb1b-5aba-4fa6-b513-ec7f89d48799.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

реселенческих пунктах за счет государственных средств. В 1908 г. попечение об удовлетворении религиозных нужд переселенцев было возложено на Особое совещание при Священном Синоде, при участии Переселенческого управления, на местах же были учреждены епархиальные комитеты с непрерывным участием заведующего районом. Особым совещанием были разработаны планы строительства. Так, в целом на втором этапе церковно-приходского строительства Омской епархии было реализовано два плана церковно-приходского строительства 1908–1911 гг. и 1912–1914 гг.

В ходе реализации планов были обнаружены значительные нарушения в выполнении поставленных задач. В процессе выполнения плана были обнаружены технические ошибки при строительстве церквей и причтовых домов, из-за чего были созданы строительные комиссии. Комиссии должны были следить за процессом строительства зданий на местах и докладывать о происходящем епархиальному начальству. Кроме того, на строительные комиссии возлагалась ответственность за контролем расходования средств на местах, так как большинство зданий строилось с нарушением технических заданий. Устройство приходской жизни на местах сталкивалось не только с техническими проблемами и проблемами финансирования строительства, а также с бюрократической системой Российской империи, данные факторы значительно усложняли церковно-приходское строительство Омской епархии на местах. Строительный комитет не всегда вовремя мог проконтролировать процесс строительства, выделенных сумм было мало или же они предоставлялись со значительным опозданием, а также главным фактором было межведомственное противоречие в реализации плана. Итогом было несвоевременное выполнение поставленных задач.

После реализации планов церковно-приходского строительства в Акмолинской области с 1912–1914 гг. был открыт 71 приход. В Семипалатинской области по итогам плана строительства 1912–1914 гг. открыли 20 приходов. Из отчета о состоянии Омской епархии в 1915 г. следовало, что устройство церквей с помощью от казны продолжалось лишь в двух переселенческих поселках – Одесском Омского уезда и Черноморском Кокчетавского уезда, в которых уже были образованы строительные комитеты. А также завершилось строительство приходов за счет государственных средств в 12 переселенческих поселках епархии. Церковного строительства в других районах уже не проводилось, так как государственное финансирование было крайне ограничено в связи с Первой мировой войной. Кроме того, завершилось строительство еще 9 приходов за счет местного финансирования¹.

Таким образом, за второй период строительства Омской епархии был открыт 161 приход за государственный счет, а также 9 на местные средства².

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2716. Л. 1–38.

² РГИА. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 217.

Относительно церковно-школьных построек на основании найденных источников удалось выяснить, что в Акмолинской области в ходе реализации первого плана строительства было построено 66 культовых зданий, а также 41 церковно-приходская школа¹. В Семипалатинской области построили 31 храмовое сооружение². Таким образом, на территории Омской епархии к 1916 г. было построено 97 культовых сооружений. Необходимо отметить, что строительство приходов и церквей осуществлялось за государственный счет.

Исходя из итогов первого периода развития Омской епархии, в ней было образовано 147 приходов и 214 культовых сооружений.

Во второй же период строительства епархии в 1907–1916 гг. было образовано 170 приходов и выстроено 97 культовых сооружений. Удалось выяснить, что темпы приходского строительства во второй период не снижались. Однако необходимо отметить, что нам не удалось выявить архивные документы второго этапа церковно-приходского строительства культовых сооружений, которые бы в полном объеме отражали реальную картину его темпов, масштабов и результатов.

По итогам двух периодов развития Омской епархии было образовано 317 приходов и построено 311 культовых сооружений. Государственная поддержка во второй период существования Омской епархии оказывалась значительной, но все равно недостаточной для обеспечения церковно-нравственных потребностей епархии. Государство старалось поддерживать постройку храмовых сооружений, однако финансирование строительства причтовых домов и организация быта священно- и церковнослужителей оставалась по-прежнему недостаточной. За остальные расходные статьи продолжали нести ответственность приходские общества. В целом, второй этап приходского строительства характеризуется упорядочиванием церковной жизни Омской епархии. Первая мировая война и начавшееся революционное движение приостановили процесс её развития.

¹ РГИА. 391. Оп. 4. Д. 959. Л. 217.

² Составлено по: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 1250.

1.5. Особенности этнокультурного и этноконфессионального развития Степного края на рубеже XIX–XX вв. по материалам «Омских епархиальных ведомостей»¹

Е.Н. Егоренкова

«Омские епархиальные ведомости» являлись официальным печатным органом Омской епархии в период с 1898 по 1917 г. Несмотря на свою специфичность, Ведомости отражали и освещали на своих страницах не только официальную позицию Русской православной церкви и администрации, но и размещали материал совершенно различного характера, позволяющий нам под новым углом зрения увидеть отдельные аспекты прошлого данного региона.

Российская империя на рубеже XIX–XX вв. переживает эпоху значительных реформ в различных сферах жизнедеятельности, в первую очередь в экономике и особенно в ее аграрном секторе, ключевой составляющей которого в данный период являлась крестьянская колонизация в регионах южной (лесостепной и степной) полосы Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана. Именно этот регион в конце XIX в. входил в состав Степного генерал-губернаторства, получив в простонародье название Степной край. Включая в себя Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую (до 1898 г.) области, Степное генерал-губернаторство по своей территории фактически на 80% совпадало с землями Омской епархии.

Говоря об аграрной колонизации Степного края на рубеже XIX–XIX вв., хотим отметить, что термин «колонизация» на сегодняшний день трактуется достаточно неоднозначно при применении его в историческом пространстве и времени. Мы используем его в первую очередь в контексте хозяйственного освоения региона. Аграрная крестьянская колонизация Степного края охватывает значительный период времени – о переселении крестьян можно говорить уже середине XVIII в., когда рядом с крепостями и форпостами по Иртышу, Бухтарме, Ишиму и другим рекам появляются первые поселения. Однако в XVIII – первой половине XIX в. нельзя говорить о массовой колонизации этих территорий: действия властей носили противоречивый характер, во многом преобладали самовольные переселения крестьян, которые без разрешения администрации арендовали землю у местных казахов.

После отмены крепостного права ситуация качественно мало изменилась: «... в первые пореформенные десятилетия государство практически не

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

участвовало в организации переселенческого дела, полагаясь на достаточность внутренних резервов в деле урегулирования аграрного вопроса в центре страны. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г.»¹ Закон о добровольном переселении сельских обывателей на казенные земли в первую очередь был нацелен на упорядочение процесса переселения и заключал в себе три основных момента:

- 1) переселение контролировалось правительством и официальными властями;
- 2) для легального переселения обязательно необходимо было разрешение министра государственных имуществ;
- 3) без наличия официального разрешения переселенец считался самовольным и должен был быть водворен по месту приписки администрацией.

Но именно в 90-е гг. XIX в. крестьянское переселение приобретает массовый характер (этому способствовали неурожай и голод 1891–1892 гг.), и на территорию Степного края хлынула переселенческая волна.

С 1891 по 1896 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях было образовано сорок три волости крестьян-переселенцев с общей численностью населения 150 тыс. человек. От администрации крестьяне-переселенцы получили в пользование порядка 1,4 млн десятин земли, а также арендовали у казахов более 800 тыс. десятин. Всего же, по данным переселенческого управления, к 1905 г. в Степной край переселилось около 1,5 млн человек из южных и центральных губерний империи. А в информации Хозяйственного управления при Святейшем Синоде за 1907 г. приводится цифра уже в два миллиона: «Волею Государя Императора Святейшему Синоду передается заведывание фондом церковного и школьного строительства. Фонд этот, основанный в 1894 году при Комитете Сибирской железной дороги... имеет целью придти на помощь Сибирским переселенцам в удовлетворении их религиозных и просветительных потребностей путем изыскания средств на устройство церквей и школ в переселенческих поселках Сибири. Число переселенцев на свободные Сибирские земли в последнее десятилетие превысило 2 миллиона душ. Велик труд переселенца на новом месте. Тяжело положение его особенно на первых порах»².

Цифры говорят о громаднейшем размахе крестьянского переселенческого движения на рубеже XIX–XX вв. Естественно, что в ходе этого пере-

¹ Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №1 (33). С. 5.

² Омские епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 1–2.

селенцы неминуемо сталкивались с местным казахским населением (в Ведомостях местное население называют киргизами), – и сферы пересечения с течением времени множились и разнообразились в ходе хозяйственной деятельности, развития культурно-бытовых отношений и взаимной аккультурации.

Как уже отмечалось, переселение крестьян осуществлялось на земли местного казахского населения (или киргизов, как их называли официальные власти). Причем зачастую изъятие земель у кочевников объяснялось простым доводом – ленью местного населения, которое не в силах освоить такие огромные земельные угодья (забывая о различиях ведения хозяйства и землепользования оседлыми крестьянами-земледельцами и кочевниками-скотоводами). Подобная точка зрения среди обывателей Омской епархии носила почти стереотипный характер. Так, в епархиальных ведомостях за 1902 г. мы читаем: «...впрочем, необходимо прибавить, что никаким образом нельзя упускать из виду другое еще свойство киргизской природы: это природная лень. И летом, и зимой киргизу нет работы в степи: главный предмет его богатства и средств к жизни – скотина пасется с раннего утра и до вечера... а хозяин в это время прекрасно может спать в своей юрте, наевшись баранины и напившись кумысу, или ехать в соседние аулы в гости, или по торговым делам, все это не требует напряжения ни умственной, ни физической энергии»¹.

В то же время в многочисленных отчетах миссионеров мы также находим массу упоминаний о хозяйственной деятельности, повседневной жизни, быте, традициях местных жителей: «Все киргизы (как тогда называли казахов. – *Е.Е.*) без исключения занимаются скотоводством, хлебопашеством же занимаются немногие и то в самых малых размерах. От скота киргизы получают все необходимое; питаются они мясом и молоком, одежду киргизы готовят из кож и шерсти своего скота. Хлеб киргизы употребляют большей частью зимою и то в ограниченном количестве, с появлением же весны, когда у киргиз бывает много молока, они отказывают себе в хлебе не потому, чтобы его не любили, а по расчету, и довольствуются одним молоком...»²

«Здесь киргизы, а также и русские казаки более всего занимаются скотоводством. Благодаря ранней весне, киргизский исхудалый скот скоро поправился в степи, для киргиз это важнее всего, стали они забывать про зимний голод» ...»³

В описании своих путешествий миссионеры нередко с одобрением отзываются о традициях степняков встречать гостей: «...у киргиз есть добрый старый обычай, который, не к чести русскими, выводится у киргиз по мере

¹Омские епархиальные ведомости, 1902. №11–12. С. 13.

²Там же. С. 29.

³Омские епархиальные ведомости, 1903. №4. С. 30.

знакомства и сближения с господствующим народом (русские нередко злоупотребляют, заставляя угощать себя свежезаколенным бараном, хотя могли бы обойтись без этого) – обычай этот: принять, накормить и успокоить странника, кто бы он ни был, особенно если с ним случилось несчастье в дороге»...»¹ «Хозяин аула принял нас очень хорошо, обогрел, накормил и наконец достал бывшие у него книги духовного содержания, и мы очень добродушно побеседовали о вере, и в настоящий раз киргиз просил меня изложить христианское учение о вере и благочестии...»².

На фоне этих пасторальных зарисовок образов казахов-степняков кардинально противоположным выглядит отражение на страницах «Омских епархиальных ведомостей» проявление контактов крестьян-переселенцев с местным населением. При том, что переселение крестьян осуществлялось на земли казахов, демонстрируется стандартное восприятие степняков как невоспитанных, необразованных и некрещеных дикарей. Епископ Омский и Семипалатинский Павлодарского благочиния Сергей обращался с наставлением к мирянам: «...говорил о необходимости каждому христианину ходить достойно своего звания, иметь на себе св. Крест, знать молитвы и заповеди, жить в мире и любви не только между собою, но и с инородцами – киргизами (не называть их собаками)».³

Другой пример мы встречаем в отчете Киргизской миссии 1902 г. – описание новокрещеных воспитанников приюта Центрального стана, сравниваемых с русским населением: «Степной мальчик знал не больше по русски, нежели знают иные русские по-киргизски, умеющее сказать лишь <бельмейде>; правил обращения и приличия в обществе, свойственных и простому русскому народу, дикарь Виктор не принимал в расчет, обращаясь со всеми чересчур запросто, употребляя при том и силу...»⁴

Таким образом, представленные примеры демонстрируют нам достаточно противоречивые характеристики межэтнических отношений в Степном крае в рассматриваемый нами период. В то же время данная характеристика была бы неполной, если мы не затронем отдельные аспекты конфессионального развития региона.

Рассматривая «Омские епархиальные ведомости» как источник по истории конфессиональных и межконфессиональных процессов в Степном крае, мы в первую очередь должны отметить, что значительное место на страницах Ведомостей отводится материалам о миссионерской деятельности Русской православной церкви в Степном крае. Позиция Русской православной церкви по миссионерской деятельности четко прослеживается во всех выпусках, опираясь на поддержку официальных имперских властей.

¹Омские епархиальные ведомости, 1902. №11–12. С. 17.

²Омские епархиальные ведомости, 1902. №11–12. С. 18.

³Омские епархиальные ведомости, 1901. №21. С. 16.

⁴Омские епархиальные ведомости, 1902. №11–12. С. 10.

Говоря о колонизации Сибири и миссии Русской православной церкви среди инородцев, член Государственной думы, священник А. Трегубов отмечал: «Киргизы в настоящее время переживают период исканий, который ведет к переходу к более высокому религиозному культу... Православное государство не должно безразлично относиться к этому, так как присоединение к православной вере миллионов киргиз послужит залогом утверждения в наших сибирских степях русской государственности...»¹

На рубеже XIX–XX вв. среди местного населения растет количество казахов (киргизов), прошедших крещение и принявших православие, о которых в епархиальных ведомостях говорят как о новокрещенных.

Христианизация местного казахского населения рассматривалась властями Российской империи как один из рычагов завершения полной колонизации Степного края и его модернизации, не ограничиваясь просто его экономической эксплуатацией. Являясь стратегически важным районом для империи, Степное генерал-губернаторство по плану администрации должно было полноценно интегрироваться в ее состав. Для своеобразного стимулирования интереса степняков к принятию православия, администрацией предусматривалось материальное поощрение, что как раз и свидетельствует о непосредственной заинтересованности не только Русской православной церкви, но и официальных властей: «Есть на то и законы. Высочайше утвержденным положением от 24 февраля 1894 года всякому новообращенному киргизу выдается от 25 до 100 руб. пособия»².

Представленные материалы Омских епархиальных ведомостей позволяют нам оценить не только позицию официальных властей, но и характер взаимоотношений православных переселенцев к новообращенным казахам (киргизам). Некрещенных степняков называли собаками, но и новокрещенные киргизы не пользовались особой благосклонностью у крестьян-переселенцев. Принимая православие, новокрещенные киргизы обрывали связь с родичами, но и в общины переселенцев, как правило, не принимались:

«Крещенные киргизы все без исключения живут в русских селениях, но к селениям этим не приписаны, приписывать невыгодно потому, что заняться своим хозяйством по бедности новокрещенные не могут. Заработков почти нет, почему новокрещенные и вынуждены бывают летом уходить в г. Павлодар и Омск, зимой же большею частью живут без дела...»³

Об оседании принявших крещение степняках упоминается не раз: «...земля в Тумарашах ...не могла тогда же удовлетворить всех новокрещенных (120 человек). Почему большая часть последних признала выгодным для себя оставаться на заработках в соседних поселках и селениях и только

¹Омские епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 29.

²Омские епархиальные ведомости. 1909. № 7-8. С. 65.

³ Омские епархиальные ведомости. 1902. №11–12. С. 27–28.

до 13 семейств решили поселиться на отведенной им земле и устроить поселок»¹. В Шульбинском стане в 1902 г. «...некоторые семей новокрещенных уже года три живут на Балапане, но лишённые защиты миссионера терпят притеснения от кочующих по соседству киргиз; с другой стороны, как люди кочевые, непривыкшие к ведению хозяйства, они нуждаются в надзоре и советах миссионера. Новокрещенные сеяли здесь хлеб и занимались сенокосением на собственной земле, некоторые потерпели неудачи; именно по вышеуказанным причинам»².

Как мы видим, крещение казахов не всегда положительно воспринималось со стороны их родственников: «Некоторых киргиз, намеревавшихся креститься, стараются всеми средствами удержать от сего близкие родственники... Так было с двумя молодыми киргизами... Дня через два братья, мать и целое почище киргиз явились в сей стан... Как ни старались родственники и посторонние киргизы (а их было до 30 человек) увещевать сородичей, как ни грозили им... ничто не помогло...»³

Тем не менее, опираясь на материалы епархиальных ведомостей, мы можем говорить об определенных успехах миссионерской деятельности Русской православной церкви в Степном крае на рубеже XIX–XX вв.

Приводятся примеры оседлых поселений новокрещенных казахов (киргизов) как своеобразный положительный образец: «...видя пред собой среди необъятной степи небольшое сельцо новокрещенных киргиз, с возвышающейся посредине величественной церковью, вокруг которой расположены красивые причтовые дома. Сельский староста здесь тоже новокрещенный, равно как кандидат и сельский писарь, что придает как бы особенную прелесть этому селению. Диакон из инородцев, переводчик – природный киргиз. Таким образом новокрещенные составляют здесь отдельное целое; вследствие этого здесь является возможность новокрещенному не менять своей киргизской физиономии, не заменять все киргизское русским, как это необходимо, напротив, для новокрещенных, живущих в русских поселках: большинство преображенских новокрещенных не говорят по-русски – не умеют, но в то же время славят Бога по-христиански; дети их учатся в школе, но им нет надобности сразу браться за русскую речь; здесь они христиане, но им нет надобности менять свой киргизский костюм на русский: они носят обычные киргизские халаты, на голове малахай (теплая шапка особенной формы). Едучи где-нибудь за селом, на дороге встретите вы киргиза, а он между тем христианин. Вообще с виду настоящее киргизы, а между тем все просвещены св. Крещением; это и оставляет на душе особенное впечатление»⁴.

¹ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 13–14. С. 12–13.

² Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 25.

³ Омские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 11–12.

⁴ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 20.

Процессу христианизации местного казахского населения немало способствовало и применение в миссионерской деятельности казахского языка (перевод религиозной литературы и отправление культа на казахском языке). «Во время съезда ... миссионеров была отслужена литургия во главе с отцом архимандритом, на киргизском языке, и один из воспитанников после обедни прибежал прямо к надзирателю приюта, выражая свою радость по поводу службы на киргизском языке, спрашивая будет ли еще такая служба. "Больно хорошо" – говорил он».¹

Тем не менее в отчетах Киргизской миссии наряду с наблюдениями часто присутствуют практические рекомендации действующих миссионеров в отношении новокрещенных казахов (киргизов). Серьезной проблемой для Омской епархии становится сохранение их в лоне Русской православной церкви. Так, ездившие с проверками по миссиям священники отмечали зачастую несоблюдение православных христианских правил и даже отход от веры под влиянием сородичей. В отчете за 1899 г. указано: «Во время посещения новокрещенных приходится встречаться с такими фактами: крестов на многих не бывает, молитв не знают, жизнь ведут на киргизский лад. Вообще жизнь новокрещенных находится в печальной обстановке»².

В отчете за 1902 г. уже настоятельно рекомендуется «...оставлять их при прежнем образе жизни среди киргиз невозможно, потому что они снова омусульманыются и приходится новокрещенным оставаться без земли и хозяйства, не имея ни определенного места жительства и никакого занятия. Если бы новокрещенные имели возможность жить своим хозяйством, то можно вполне надеяться, что желающих креститься находилось бы гораздо больше, чем в настоящее время...»³.

Необходимо отметить, что в этноконфессиональных процессах региона особое место занимают отношения между казахами (киргизами) и казаками, которые в отличие от переселенцев проживали в регионе уже не первое поколение. На 1876 г. «общее число жителей казачьих станиц составило 100893 человека обоого пола. Из них: православных – 93 911 чел., католиков – 23 чел., евреев – 55, исповедующих ислам – 6 486 чел., старообрядцев – 419 чел.»⁴.

Еще Г. Потанин писал о казаках Иртышской линии, что почти все население говорит на киргизском языке, «нередко предпочитая его, легкости ради, родному языку», и для многих это колыбельный язык, потому что няньками и стряпками здесь бываюи киргизки. Не только простые казачки, но и казачки-барышни «болтают по-киргизски». Далее он отмечал, что

¹ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 11.

² Омские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 7.

³ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 2.

⁴ Аубакирова Х.А., Джумагалиева К.В. Этнический состав сибирского казачества в XIX – начале XX веков. URL: <https://articlekz.com/article/18263>.

«... киргизский язык услышишь повсюду: в тихой беседе о сенокосных пайках, которую ведут между собой казаки, сидящие на завалине; в разговоре ямщиков, хлопчущих на станции около экипажа проезжающего чиновника; иногда даже в суде, потому что между здешними казаками встречаются лица, которые обстоятельнее рассказывают дело на киргизском, чем на русском. Рассказывают анекдоты о станичных начальниках, которые в своих рапортах сбиваются с русского языка и оканчивают доклад на киргизском»¹.

Об определенной ассимиляции казачества писал Г.Е. Катанаев: «Сибирский казак, столкнувшись с киргизами, сделался таким же кочевником. Киргизский язык и даже обличие здесь между русским населением, приобрели такое же право гражданства»².

Казаки – местные старожилы, грань, разделяющая их с казахами, достаточно тонка. Но при этом «Омские епархиальные ведомости» показывают, что часты были ситуации, когда представители казачества неохотно нанимали новокрещенных киргизов в свои хозяйства в качестве батраков: «... казаки относятся к новокрещенным весьма не сочувственно и работы им никакой не дают. Работниками казаки предпочитают держать киргизов [мусульман]... и заставляют их работать семь дней в неделю. Новокрещенный же, будь он даже плохим христианином, все же в воскресный день или праздничный день требует отдыха, свободы... что казаку крайне не нравится»³.

Новокрещенные казахи (киргизы), как правило, оседали на земле и пытались вести хозяйство, заниматься земледелием, но оказывались в достаточно затрудненных условиях существования (особенно остававшиеся жить в русских поселениях), так как вынуждены были приспособляться к местным условиям хозяйственной деятельности, совершенно новому для них бытовому и культурному укладу жизни.

В результате в основной своей массе они пополняли собой группу батраков, поденщиков, сезонных рабочих. Вернуться назад к своим сородичам они уже не могли, так как, крестившись, они отрезали себя от родовых корней, меняли среду своего существования, начиная с имени. Среди этой группы новокрещенных не редкостью становятся межэтнические браки: «Это делается в видах собственного желания новообращенных, желания похвального, что с принятием русской христианской веры, они хотят и носить русское отчество и фамилию, не желая оставить за собой мусульманское

¹ Цит. по: Каженова Г.Т. Этнокультурные особенности сибирского казачества в контексте взаимодействия и взаимовлияния с казахским населением Степного края (XIX в.). URL: <https://articlekz.com/article/5209>.

² Омские епархиальные ведомости. 1903. №10. С. 9–10.

³ Цит. по: Каженова Г.Т. Этнокультурные особенности сибирского казачества в контексте взаимодействия и взаимовлияния с казахским населением Степного края (XIX в.).

прозвище. В большинстве случаев новообращенные женятся на русских девицах»¹. Но это характерно было для мужской части новокрещенных. В отчетах миссионеров не упоминаются свободные молодые девушки казашки-новокрещенные. Речь идет либо о мужчинах, либо о семьях в целом, либо о детях-сиротах, живущих при миссиях как воспитанники и, соответственно, крещенных.

Упоминания о казашках, вышедших замуж за русских, очень редки, и эти браки, как правило, характеризуются как несчастные (жены бросали мужей и уходили назад к сородичам). Отсюда можно сделать вывод, что православие они не принимали, иначе их возврат был невозможен.

В то же время священники-миссионеры в отчетах на страницах епархиальных ведомостей отмечают, что более склонными и готовыми к смене веры являются казахи-бедняки и середняки, нежели чем состоятельные:

«Крещение Бекенаева, как богатого киргиза, хотя единоличный случай в Большенарымском стане, но оно, однако, достаточно убедило нас в том, что духовное воспитание и устройство быта новокрещенного из богатых киргиз несравненно тяжелее, чем из бедных. Последний скорее проникается сознанием в спасительности христианской веры и, внимательно слушая наши беседы и наставления, старается направить по возможности и жизнь по вере. Принявши крещение, бедный киргиз нередко бросает сразу все, что только напоминает ему киргизское, он с охотою готов бы, так сказать, облечься во всего русского человека...»². Другими словами, бедняку нечего терять, его ничего не держит, и он выступает как более благодатное поле для деятельности миссионеров.

Уже упоминавшийся нами член Государственной думы, священник А. Трегубов в 1909 г. писал, что рядовые казахи (киргизы) никогда особо не тяготели к исламу, что это удел только состоятельной части местного казахского общества, атрибут скорее статусный, нежели вопрос чистой веры: «Киргизы, до принятия русского подданства, не были мусульманами, и только, благодаря неразумному усердию одного из генерал-губернаторов Сибири, были приведены на верноподданство России присягой на коране, признаны магометанами и для утверждения среди них мусульманства к ним назначалась фанатичные татарские муллы. Как ни невероятен этот факт, но он действителен! Только среди богатых и знатных киргиз замечалось и замечается стремление к мусульманству, его культуре, так как это считается признаком интеллигентности. Большинству же киргизского народа и до сих пор чуждо мусульманство; и вся усиленная татаризация, которая ведется фанатичными муллами, не дала еще результатов... Ошибки прошлого – присоединение к мусульманству пяти миллионов киргиз...»³.

¹ Омские епархиальные ведомости. 1909. № 7–8. С. 65.

² Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 37–38.

³ Омские епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 29.

Таким образом, пестрая этноконфессиональная картина Степного края дополняется характеристиками социально-экономической дифференциации: в условиях реализации переселенческой политики правительства, киргизско-казахье население дополняется переселенцами из Центральной России и Украины; усиливаются процессы христианизации местного населения, в результате чего растет количество новокрещенных казахов (киргизов), но их основную массу составляют бедняки и середняки; среди состоятельной части казахов ислам занимал достаточно прочные позиции, что, естественно, вызывало беспокойство как у администрации, так и у Русской православной церкви.

Вспомним, что процессы модернизации, охватившие регион на рубеже XIX–XX вв., имели своей целью не просто включение в границы Российской империи огромных территорий Южной Сибири и Центральной Азии, но и формирование в их пределах более или менее однородного политико-правового, социально-экономического, этноконфессионального и культурно-религиозного пространства. Сложившаяся в Степном крае ситуация не вполне соответствовала преследуемым целям. Мы уже отметили, что в качестве одного из инструментов можно рассматривать миссионерскую деятельность Русской православной церкви и политику христианизации местного кочевого населения.

Еще одним рычагом, так или иначе воздействующим на этноконфессиональное развитие региона, можно назвать систему образования.

Преобладание казахско-мусульманского населения в Степном крае, безусловно, побуждало правящие круги принимать во внимание его приверженность к конфессиональной школе – мектебам и медресе. По данным Г.М. Раздыковой, в 1894–1896 гг. в Степном крае насчитывалось в среднем 170 мектебов и медресе, в которых обучалось 14839 учащихся.¹

В то же время имперская администрация стремилась создать в Степи альтернативное направление образовательных учреждений – русско-казахских школ – под названием «инородческая школа (училище)» с преобладанием светского компонента. Содержание образования в данных учебных учреждениях контролировалось имперской администрацией, министерствами – и именно этот тип школ в первую очередь выступал проводником политики русификации кочевников Степного края, базируясь в первую очередь на педагогической системе Н.И. Ильминского, основанной на постепенном переводе всего процесса обучения на русский язык.

Но если мы попытаемся рассмотреть отражение этих процессов на страницах «Омских епархиальных ведомостей», то в первую очередь смо-

¹ Раздыкова Г.М. О мусульманских школах в степном крае в конце XIX – начале XX веков. URL: // <https://articlekz.com/article/5218>.

жем охарактеризовать систему церковно-приходского образования в Степном крае в условиях сложившейся этнодемографической и этноконфессиональной ситуации в регионе на рубеже XIX–XX вв.

Мы уже говорили о том, что история Степного края на рубеже веков тесно связана с процессами аграрной крестьянской колонизации. На территорию края во второй половине XIX – начале XX в. притекает значительное количество крестьян-переселенцев из центральных районов России и Украины. В №7 Ведомостей за 1907 г. представлено в официальной части: «Число переселенцев на свободные Сибирские земли в последнее десятилетие превысило 2 миллиона душ. Велик труд переселенца на новом месте. Тяжело положение его особенно на первых порах... На родине они могли также при желании посылать детей своих в школу, которая была им доступна... В Сибири же школ нет на десятки верст кругом. И подрастающим поколениям грозит опасность духовно одичать без школы и церкви, без наставления в законе Христовом и без света знания»¹.

Приток переселенцев в Степной край ставил перед Русской православной церковью массу проблем, связанных в первую очередь с сохранением их в лоне церкви, в поддержании морально-религиозного духа в тяжелых условиях освоения новых территорий, а также в ходе культурного взаимодействия с местным киргизским (казахским) населением. Поэтому для решения вопроса сохранения и укрепления духовных и морально-религиозных потребностей, в 1895–1898 гг. была организована деятельность Епархиального училищного совета и шести его уездных отделений: Семипалатинского, Ишимского, Тарского, Тюкалинского, Омского и Акмолинского:

«Вслед за тем сформированы были следующие уездные отделения: 1) Семипалатинское – председатель протоиерей Прокопий Понов и члены...; 2) Ишимское – председатель, смотритель духовного училища, священник Николай Зеленцов и члены... 3) Петропавловское – председатель протоиерей Алексей Михайловский и члены...; 4) Тарское – председатель протоиерей Симеон Софонов и члены...; 5) Тюкалинское, в состав коего вошли: председатель священник Василий Соколов и члены... В 1898 году открыты были еще два новых отделения: Омское – для заведывания школами Омского уезда и Акмолинское – для заведывания школами уезда Акмолинского и Атбасарского».²

По данным М.В. Стуровой, общее количество церковно-приходских школ и школ грамоты по Акмолинской и Семипалатинской областям к 1915 г. составило 120 и 12 соответственно³. Церковно-приходские школы были

¹ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 7. С. 1–2.

² Омские епархиальные ведомости. 1909. № 10. С. 28.

³ Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2. С. 215–216.

ориентированы на православное население – как местных жителей, так и переселенцев, основной своей задачей они видели сохранение, поддержание и укрепление православия в регионе. Но, несомненно, можно сказать – система школьного церковно-приходского образования также сыграла немаловажную роль в процессах христианизации киргизов (казахов) Степного края.

Одним из важных инструментов миссионерской деятельности среди местного населения было создание приютов (интернатов). Например, в Отчете Киргизской миссии за 1901 г. дается характеристика приюта при Центральном стане: «В настоящем году в приюте Центрального стана воспитывалось пятеро новокрещенных мальчиков и один уже взрослый юноша 15–16 лет и несколько русских мальчиков. Из новокрещенных трое учились в младшем отделении школы и двое в старшем; был в старшем отделении еще приходящий мальчик, живущий у семейного брата своего, тоже крестившегося. Во внутренней жизни мальчиков-воспитанников поддерживались прежние порядки дневного времяпрепровождения: утром общая молитва с пением по-славянски, затем чай, школьные занятия, обед, отдых и приготовление уроков, чаепитие, наконец вечерняя общая молитва и дети идут спать. Что касается школьного обучения, то новокрещенные мальчики никогда не были по успехам своим из последних: одни шли средними, а иные оказывали успехи выше даже русских мальчиков, обучающихся в миссионерской школе»¹.

Выпускники школ и интернатов Киргизской миссии имели возможность продолжить образование – среди выпускников популярно было Бийское катехизаторское училище, которое находилось в подчинении Алтайской православной миссии. Это учебное заведение готовило миссионерские кадры. «Омские епархиальные ведомости» предоставляют нам информацию о том, что в 1901 г. в это училище поступил учиться казах Роман Яковлев, выпускник миссионерской школы: «В отчетном году в виде опыта один из окончивших миссионерскую школу новокрещенных мальчиков, тринадцатилетний Роман Яковлев, заботами Начальника миссии, отправлен в г. Бийск в Катехизаторское училище, поступил в 1 класс, проходит курс вполне успешно. Предполагается определить туда же еще одного почти уже юношу новокрещенного Филиппа Иванова»².

Однако анализ материалов Ведомостей показывает, что данная практика хоть и была в ходу, однако не преследовала специальных целей, а именно – подготовки миссионерских кадров именно из новокрещенных, воспитанников подобных учебных заведений. Хотя в целом это была хорошая возможность для выходцев из низших слоев казахского общества изменить свой социальный статус.

¹ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 9.

² Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 13.

Перелистывая страницы «Омских епархиальных ведомостей», можно долго говорить о совершенно различного рода аспектах проявления отношений между этносами, сословиями и конфессиями начиная с обобщенно-глобальных (хозяйственных, социально-бытовых, этнокультурных, конфессиональных и т.д.) и заканчивая бытовыми (например, взаимопроникновение кулинарных традиций: переселенцы перенимают баурсаки, а казахи (киргизы) – дрожжевой хлеб).

Все это свидетельствует о том, что «Омские епархиальные ведомости» могут рассматриваться как оригинальный разноплановый источник по изучению межэтнических, этноконфессиональных процессов, возникших в условиях крестьянской колонизации и модернизации Степного края на рубеже XIX–XX вв.

1.6. Становление и развитие медико-санитарной службы в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.¹

А.И. Власова

Основу законодательства Российской империи в сфере здравоохранения регулировал Врачебный устав, принятый в 1857 г.² Структурно Устав состоял из трех частей: «Учреждения врачебные», «Устав медицинской полиции» и «Устав судебной медицины». Данный законодательный акт закреплял за Министерством внутренних дел функции управления медико-санитарной частью в Российской империи для гражданского населения. Кроме того, в Уставе был четко прописан механизм создания системы здравоохранения в регионах Российской империи. Врачебные управы как административные структуры руководили больницами и аптеками, врачами, фельдшерами и повивальными бабками на подведомственных территориях. Функции надзора за соблюдением санитарных мер в регионах возлагались на специально создаваемые комитеты общественного здоровья, Оспенный комитет регулировал процесс оспопрививания.

В 1864 г. в стране была проведена Земская реформа, в рамках которой предусматривалось создание земской медицины. Главным законодательным актом реформы стало «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»³, раздел 4 которого был посвящен принципам устройства организации медицинских учреждений в регионах Российской империи.

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Устав врачебный // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13.

³ Моллесон И.И. Земская медицина. Казань, 1871. С. 25.

Функции управления земской медициной в губерниях возлагались на земские управы. Надзор за реализацией различных медико-санитарных предприятий осуществлялся за счет правительственных административно-врачебных органов губерний, главным образом врачебных отделений под руководством врачебного инспектора. В его обязанности входили ревизия земских лечебных учреждений и контроль действий земств в сфере организации системы здравоохранения. На уровне всей империи руководство медицинским делом осуществлялось Министерством внутренних дел, которому подчинялись Медицинский департамент и Медицинский совет.

Особенностью формирования системы административно-территориального управления и местного самоуправления в Степном крае являлся тот факт, что Земская реформа здесь во второй половине XIX в. не проводилась. Это было связано с тем, что городское население было незначительным по численности, преобладание кочевого казахского населения исключало возможность создания как земств, так и земской медицины. К тому же обширные территории Степного края и различные социально-политические процессы наложили отпечаток на развитие системы здравоохранения в регионе. Именно поэтому целесообразным становится рассмотрение процессов становления и развития медицинской помощи в каждой области отдельно.

Полноценное становление и развитие медико-санитарной службы в Акмолинской области началось во второй половине XIX в., что было связано, во-первых, с завершением присоединения Степного края к Российской империи и необходимостью модернизации его социальной системы и поиска наиболее удачной и оптимальной модели управления регионом¹. Во-вторых, в самой Российской империи усилилось внимание к социальным вопросам. Особое внимание государства и общества стала привлекать проблема поддержания здоровья населения и оказания ему квалифицированной медицинской помощи. На территории Акмолинской области, как и всего Степного края, основную массу населения составляли казахи-скотоводы, предпочитавшие использовать традиционные методы проведения лечебных процедур. Именно поэтому строительство медицинских учреждений в регионе и подготовка медицинских кадров осуществлялись за средства государственного бюджета Российской империи.

Рассматривая систему здравоохранения и положения медико-санитарной службы в Акмолинской области, следует учитывать, что большая часть

¹ Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014; Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 181–188.

населения области была представлена кочевым населением, которое с опасением относилось к квалифицированной врачебной помощи и чаще обращалось к традиционной медицине. Однако потребность в высококвалифицированной медицинской помощи с каждым годом только возрастала, а эпидемические вспышки различных инфекционных заболеваний стали переломным моментом в отношении местного населения к медицине.

По данным обзоров Акмолинской области во второй половине XIX в. в Степном крае массовым заболеванием являлась оспа, особенно в казахских волостях Акмолинского и Атбасарского уезда. Например, в 1870 г. от этой болезни умерло около 25% заболевших¹. Причина достаточно высокого процента смертности от оспы крылась в окружающей обстановке казахов: тесноте и темноте в жилищах, холоде и спертном воздухе, а также их отказе от вакцинации. В казачьих поселениях Сибирского казачьего войска среди заболеваний преобладал тиф, развитию которого также благоприятствовали антисанитарные условия жизни: неопрятное содержание жилища и употребление в пищу непригодной воды и несвежих продуктов.

Согласно отчету Степного генерал-губернатора за 1881 г. на 12063 человек оседлого населения приходилось четыре врача, на 33972 человек кочевого казахского населения – пять врачей². Такое соотношение врачей среди оседлого и кочевого населения говорит о том, что врачи даже при полной готовности не имели возможности не только добросовестно трудиться и относиться к больным, но и не в силах уследить за санитарным состоянием населения и вовремя оказать медицинскую помощь.

Последовательная работа государственных органов власти, направленная на формирование медико-санитарной службы в Акмолинской области, началась в 80-е гг. XIX в. после образования Степного генерал-губернаторства. Она осуществлялась по нескольким направлениям: 1) формирование штата медицинских работников и повышение уровня их квалификации; 2) открытие лечебных заведений, улучшение их материальной базы, оснащение медицинских учреждений оборудованием, медикаментами и т.д.; 3) борьба с возникающими болезнями и эпидемиями.

Центральное место в системе медико-санитарной службы занимал кадровый вопрос. В условиях отсутствия в Степном крае специализированных учебных заведений штат медицинского персонала формировался за счет приглашения выпускников образовательных учреждений европейской части страны. Особенностью данного процесса был и тот факт, что в условиях отсутствия профильного министерства в составе правительства Российской империи, подбором кадров занимались МВД и Военное министерство. Так, например, в штатном расписании медицинской службы Акмолинской обла-

¹ Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882. Л. 25.

² Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882. Л. 24.

сти в 1884 г. числились медицинский вольнопрактикующий врач, фармацевты гражданского ведомства, фармацевты военного ведомства, аптечные фельдшеры военного ведомства. К концу 1880-х гг. медицинский персонал больниц области был представлен следующими категориями медицинского персонала: медицинские врачи, фармацевты, медицинские фельдшеры, повивальные бабки, оспопрививатели (в числе которых также были и киргизы) и вольнопрактикующие врачи. Врачебная часть Сибирского казачьего войска формировалась на основании Особого положения от 24 мая 1891 г. и состояла из двух старших врачей военных отделов, трех участковых врачей, 17 медицинских фельдшеров и шести повивальных бабок. Всего по данным статистического отчета о состоянии Акмолинской области за 1891 г. медицинский персонал состоял из одного областного врача, двух городских врачей, одного санитарного врача, пяти уездных врачей, трех вольнопрактикующих врачей, 22 фельдшеров, 42 оспопрививателей, 8 повивальных бабок. По отношению к населению один уездный врач приходился на 89362 человека¹.

90-е гг. XIX в. стали периодом массового переселения крестьян из европейской части страны в Степной край. Резкое увеличение численности населения Акмолинской области потребовало расширения штата медицинских работников. В связи с этим 29 мая 1895 г. был утвержден новый «штат врачебной части в уездных областях Степного генерал-губернаторства, согласно которому в Акмолинскую область было назначено 15 участковых врачей, 15 медицинских фельдшеров, 15 фельдшерлиц и акушерок». На участкового врача возлагалось оказание медицинской помощи в вверенном ему участке, распространение оспопрививания, исполнение обязанностей по судебно-медицинским и медико-полицейским частям.

Спустя три года, в 1897 г. г. был высочайше утвержден штат врачебной части в уездах Акмолинской области, по которому область делилась на 15 участков. Согласно штату сформировалось следующее распределение врачей: в Омском уезде – двое, в Петропавловском – пятеро, в Кокчетавском – трое, в Атбасарском – двое, в Акмолинском – трое².

На участкового врача возлагались следующие функции: 1) оказание медицинской помощи в пределах вверенного ему участка сельскому населению, а также городскому населению, где нет врачей; 2) распространение оспопрививания и обучение оному учеников из местных жителей; 3) исполнение обязанностей по судебно-медицинским и медико-полицейским делам. С преобразованием врачебной части в уездах изменился также состав низшего медицинского персонала: по штату теперь положено иметь 15 участковых фельдшеров и 15 акушерок-фельдшерлиц.

¹ Обзор Акмолинской области за 1891 год. Омск, 1892. Л. 40.

² Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882. Л. 24.

Курировал и контролировал медико-санитарную службу в Акмолинской области врачевный инспектор.

Несмотря на прилагаемые усилия региональных органов власти и государства, направляемые на расширение квалифицированной медицинской помощи населению Степного края, оно не было охвачено ею стопроцентно. Поэтому Степной генерал-губернатор неоднократно направлял ходатайства в Российское общество «Красного Креста» с просьбой организации отрядов медицинской помощи. При этом данные ходатайства не были связаны с какими-либо особыми условиями (эпидемиями или неурожаями), а являлись необходимой мерой для восполнения недостатка врачей и средств на медицинское обслуживание. Областные власти Акмолинской области также принимали решения о выделении дополнительных денежных средств на устройство в некоторых сельских населенных пунктах области приемных покоев под наблюдением фельдшеров.

В 1907 г. государством было принято новое постановление о медико-санитарной службе в Степном крае, которое изменило механизмы формирования медицинских кадров в регионе. Теперь медицинская часть находилась в ведении четырех ведомств: 1) Военное министерство несло ответственность развитие медицинской службы в Сибирском казачьем войске; 2) Министерство внутренних дел – среди городского, крестьянского и казахского населения; 3) Главное управление земледелия и землеустройства – для переселенцев; 4) Министерство путей сообщения – для железных дорог и водных сообщений. Данные изменения способствовали очередному росту численности медицинского персонала в Акмолинской области. К 1915 г. он представлял собой достаточно разветвленную систему и состоял из 74 врачей, 101 фельдшера, 35 фельдшеров-акушеров, 31 повивальной бабки, 25 зубных врачей, 2 дантистов, 35 фармацевтов¹.

Вторым важным направлением в реализации программы здравоохранения являлось создание лечебных заведений. Первые лечебные заведения с квалифицированной медицинской помощью были открыты в 1887 г. Новые больницы находились в Омске (на 25 кроватей), в Петропавловске (на 10 кроватей), и два приёмных покоя – в Кокчетаве и Атбасаре. Кроме того, в Омске существовал военный госпиталь, тюремная больница и больницы при некоторых учебных заведениях, а также военные лазареты при местных командах в Петропавловске, Кокчетаве и Акмолинске.

К 1892 г. в области уже насчитывалось 7 лечебных заведений. К этому периоду в городах Степного генерал-губернаторства отсутствовали больницы для душевнобольных, при том, что в регионе все чаще фиксировались случаи «умопомешательства». В 1893 г. только в Омске число душевнобольных достигло 17 человек. Таким образом, в сентябре 1893 г. была зало-

¹ Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. Л. 63.

жена, а к концу года уже построена больница для душевнобольных. Больница имели три отделения: мужское на 8 кроватей, женское на 7 кроватей и для буйных пациентов на 4 кровати.

В середине 90-х гг. XIX в. Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский предложил создавать в Степных областях амбулаторные приемные покои подвижного типа под надзором особых земских врачей, которые должны передвигаться с походной аптечкой. Местные органы самоуправления Акмолинской области также предлагали комплекс мер, направленных на улучшение медицинского обслуживания населения. Например, в Петропавловске городская дума в 1909 г. приняла решение о производстве капитального ремонта здания больницы и пристройке к ней здания для аптеки. В конце XIX в. на территории области существовали два родовспомогательных заведения, в Омске на пять кроватей и в Петропавловске на две кровати. Содержались данные объекты за счет, во-первых, частных пожертвований; во-вторых, городского управления. По данным отчета военного губернатора Акмолинской области, на рубеже XIX–XX вв. в структуре медицинских учреждений стали появляться частные лечебные заведения, например, частная женская лечебница доктора Морковитина, частная женская зубная лечебница, частное учреждение для рожениц. Кроме того, появились следующие лечебные заведения: Омская железнодорожная больница, Петропавловский железнодорожный приемный покой, Петропавловская переселенческая больница, Переселенческий приемный покой в с. Полтавском Омского уезда, Переселенческий приемный пункт в с. Макинском Кокчетавского уезда. Всего в Акмолинской области накануне Первой мировой войны насчитывалось 21 лечебное учреждение¹. Третьим направлением государства в сфере здравоохранения была борьба с болезнями и эпидемиями, которые постоянно вспыхивали на территории области.

К началу 1880-х гг. лидирующее положение среди инфекционных заболеваний занимала оспа, однако масштабного распространения данной болезни удалось избежать благодаря улучшению отношения местного населения к вакцинации. К 1882 г. в области были привиты 1530 казачьих и 1248 киргизских детей, а уже к 1883 г. удалось остановить эпидемию оспы. В начале 1890-х гг. были зафиксированы вспышки холеры. Для принятия предупредительных и предохранительных мер в отношении азиатской холеры в Омске и уездах были учреждены особые санитарно-исполнительные комиссии. Для удобства наблюдения города были разделены на участки. Были учреждены городские артели ассенизаторов и особые дезинфекционные отряды, заведены бесплатные аптечки при полицейских участках с необходимыми лекарствами и дезинфекционными средствами. После получения сведений о появлении холеры в Тюмени, Тобольске и Ялуторовске и Омске были предприняты предупреждающие меры: на левом берегу Иртыша,

¹ Обзор Акмолинской области за 1907 год. Омск, 1908. Л. 40.

напротив паромной переправы, был устроен врачебно-наблюдательный пункт с несколькими юртами для холерных больных, установлен санитарный осмотр входящих в Омск пароходов и их пассажиров. Хотя меры по нераспространению холеры были приняты вовремя, однако из-за пограничного положения Акмолинской области рядом с Тобольской проникновения болезни удержать не удалось. Уже 13 июля 1891 г. был выявлен первый случай заболевания холерой в Петропавловском уезде. Эпидемия холеры продолжилась до конца сентября и унесла жизни 55% заболевших. Уже в конце 1890-х гг. русские переселенцы стали активно мигрировать в Степной край, что стало следствием развития нового заболевания – цинги. Цинга развивалась особенно сильно весной и летом преимущественно среди крестьянского населения Петропавловского уезда из-за неблагоприятных санитарно-эпидемиологических условий. Кроме того, на ведущие причины можно поставить материальную необеспеченность большинства переселенцев. В начале июня 1896 г. были открыты столовые для новоселов, заболевших цингой и другими болезнями, возникшими на фоне плохого жилья, некачественной воды и скудного питания¹.

Система здравоохранения в Семипалатинской области начала процесс становления в 1860-х гг. и приняла специфическую форму. Гражданские медицинские учреждения подчинялись Областному управлению и Министерству внутренних дел, а военные медицинские учреждения (учреждения Сибирского казачьего войска) – Военному министерству.

Территория Сибирского казачьего войска в конце 60-х гг. XIX в. была разделена на 8 медицинских округов (по 12–15 тыс. человек), каждым из которых заведовал участковый врач. Участковым врачам подчинялись военные фельдшеры, 18 из которых работали в 8 медицинских округах, а 24 находились на службе в полевых войсках². Из-за нехватки медицинского персонала военного ведомства в Сибирском казачьем войске на должности врачей работало много приглашённых иностранцев³. Стационарную помощь казачье население могло получить лишь в трех лазаретах, расположенных в городах Каркаралы, Кокпекты и Зайсан, а также в двух лазаретных отделениях при Третьем и четвертом Западно-Сибирском линейном батальоне. К 1870 г. количество врачей Сибирского казачьего войска увеличилось с 8 до 11. В их обязанности входил целый перечень услуг: оказание медицинской помощи нижним воинским чинам, штаб- и обер-офицерам и их членам семьи, принятие предупредительных мер для сдерживания распространения болезней среди солдат и привитие предохранительной оспы.

¹ Обзор Акмолинской области за 1896 год. Омск, 1897.

² Усоф Ф. Статистические описания Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 165.

³ Колупаев Д.В. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 252.

К концу 70-х гг. XIX в. больше половины детей офицеров (7339 из 13689 человек, что составило 54,3%) были привиты от оспы¹.

Главной задачей гражданского медицинского персонала по Семипалатинской области в 60–70-х гг. XIX в. являлось оспопрививание местного казахского населения. Основной формой работы уездных врачей являлись объезды вверенных им уездных территорий для проведения оспопрививания и лечения кочевников. К началу 1880-х гг. в Семипалатинской области фиксировался количественный рост числа медицинского персонала. Врачей военного ведомства стало 12; военных фельдшеров к концу года – 27 человек. Среди медицинского персонала гражданского ведомства также была намечена тенденция на увеличение числа работников². Это стало возможным благодаря открытию в 1879 г. ветеринарно-фельдшерской школы. Но, тем не менее, основная масса населения Семипалатинской области – казахи – оставалась слабо интегрированной в систему здравоохранения. Для лечения инфекционных заболеваний (горячки, дифтерита, воспаления внутренних органов) население продолжало обращаться в большей степени к услугам традиционной медицины.

В середине 1880-х гг. произошла реструктуризация системы здравоохранения Семипалатинской области: была утверждена должность областного врача, в компетенцию которого передавался медицинский персонал военного и гражданского ведомств. Для более качественного оказания медицинской помощи в пяти уездах области учреждалась должность уездного врача гражданского ведомства (за исключением Зайсана, где обязанности уездного врача исполнял военный врач). Кочевое население, проживающее на территории казахских поселений Сибирского казачьего войска, получало возможность обращаться за медицинской помощью к медперсоналу военного ведомства. В городах Семипалатинской области – Семипалатинске и Усть-Каменогорске были введены дополнительные штаты городских врачей (по одному на каждый город), фельдшеров и акушерок.

Важной вехой улучшения качества системы здравоохранения в Семипалатинской области стало открытие акушерской школы. Решение об её создании было принято в 1884 г. Войсковым хозяйственным правлением Сибирского казачьего войска. Оплата обучения и содержание учащихся частично осуществлялось за счет войска³. Помимо помощи в обучении, правление оказывало поддержку уже работающим акушеркам, отправляя их на курсы повышения квалификации в соседние губернии Российской империи.

¹ Усов Ф. Статистические описания Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 169.

² Обзор Семипалатинской области за 1880 год. Семипалатинск, 1881. Л. 34.

³ Усов Ф. Статистические описания Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 3.

Таким образом, на первом этапе развития медико-санитарной службы Семипалатинской области в 60–80-х гг. XIX в. обозначились её специфические особенности. Главная из них была связана с отсутствием земской медицины и передачей функций управления и контроля за медицинскими учреждениями в областное правление. Анализ источников позволяет утверждать, что несмотря на прилагаемые усилия областной администрации в решении кадрового вопроса, он так и не был решен положительно. По статистическим данным, один врач приходился на 100 тыс. человек¹. Проблема нехватки медицинских кадров осложнялась низким уровнем их профессиональной подготовки. Слабой оставалась и материально-техническая база медицинской службы в регионе.

Нерешенной на первом этапе осталась и проблема оспопрививания населения. Наиболее успешно оно проводилось в Сибирском казачьем войске. Казахское население относилось к врачам с недоверием. Оспопрививание в среде казахов-кочевников было осложнено их традиционным образом жизни. В летний период они перемещались по территории региона, а зимой жили в зимовках, медико-санитарные условия в которых были неудовлетворительными. Отсутствие теплых помещений и остекления окон, деревянный пол и проживание мелкого скота в зимовке исключали возможность оспопрививания в зимний период. Кроме того, обширность территории области, примитивные пути сообщения затрудняли разъезды врачей по уездам и оказание медицинской помощи населению.

Дальнейшее развитие системы здравоохранения в Степном крае связано с активизацией массового переселения крестьян из Европейской России в Степной край. Увеличение численности оседлого земледельческого населения, процессы урбанизации и формирование рыночного сегмента в экономике Степного края вызвали необходимость мобилизации усилий областного правления с целью совершенствования системы медицинского обслуживания населения. Именно поэтому в конце 90-х гг. XIX в. в Семипалатинске были созданы две административные структуры, в функции которых входили вопросы здравоохранения региона: Областной комитет общественного здоровья (под председательством военного губернатора области) и Областная санитарно-исполнительная комиссия (под председательством вице-губернатора)². Функции Областного комитета общественного здоровья сводились к увеличению численности медицинских учреждений и медперсонала, закупке медикаментов, открытию аптечных пунктов, предотвращению эпидемий в регионе и принятию предупредительных мер по нераспространению различных болезней.

¹ Обзор Семипалатинской области за 1887 год. Семипалатинск, 1888. Л. 78.

² Обзор Семипалатинской области за 1890 год. Семипалатинск, 1891. Л. 86.

Областная санитарно-исполнительная комиссия выполняла функции по санитарному надзору в области. Для этого проводились запланированные и внеплановые осмотры мясных лавок и других заведений, где осуществлялась торговля продовольственными товарами. Также областная санитарно-исполнительная комиссия осуществляла осмотр пребывающих в область переселенцев. Благодаря работе созданных организаций удалось не только увеличить медицинский персонал области, но и улучшить санитарно-эпидемиологическую обстановку в регионе. Санитарно-исполнительная комиссия регулярно выявляла факты нарушения продажи продовольственных товаров и выписывала штрафы, снимала с теплоходов больных крестьян-переселенцев и отправляла их на лечение. Областной комитет сумел замедлить рост заболеваемости в регионе путем популяризации оспопрививания среди местного кочевого населения.

В 1895 г. все уезды Семипалатинской области были разделены на медицинские участки, во главе которых назначались фельдшеры, подчинявшиеся МВД. В Семипалатинском уезде было создано 6 фельдшерских участков, в Павлодарском уезде – 5, в Каркаралинском уезде – 4, в Усть-Каменогорском уезде – 3 и в Зайсанском уезде – 4. В общей сложности на территории Семипалатинской области начало функционировать 22 уездных участка во главе с фельдшерами¹. В 1897 г. количество уездных участков было сокращено с 22 до 16. При этом в каждый из врачебных участков назначались участковый врач, акушерка, фельдшер, должности уездных врачей закрывались.

Осенью 1902 г. когда ожидалось появление холерной эпидемии в уездах Семипалатинской области военным губернатором И.Н. Соколовским на основании Высочайшего повеления от 18 июля 1892 г. и предложения Степного генерал-губернатора Н.Н. Сухотина от 26 июня 1902 г. за №3995 были изданы обязательные постановления для населения всей области. За исполнением этих предписаний было поручено наблюдать участковым врачам совместно с полицией². Благодаря этому населенные пункты были подготовлены в санитарном отношении к появлению холеры, и это позволило быстро справиться с надвигающейся эпидемией.

В 1906 г. численность участковых врачей гражданского ведомства Семипалатинской области сократилась до 10. Таким образом, некомплект врачей достиг половины всего штатного состава. Причиной сложившейся ситуации являлось нежелание врачей высокого профессионального уровня выезжать в Степной край, территориально отдаленный от европейской части страны³. Тем не менее, даже неуккомплектованность штата позволяла проводить в начале XX в. оспопрививание. Всего за год было произведено

¹ Обзор Семипалатинской области за 1895 год. Семипалатинск, 1896. Л. 82.

² Обзор Семипалатинской области за 1902 год. Семипалатинск, 1903. Л. 88.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 95. Л. 8.

16913 прививок оспы, что практически стало в два раза больше, чем в 80-е гг. XIX в. Удалось преодолеть и отчужденность казахского населения, оно все активнее стало обращаться за медицинской помощью в областные и уездные медицинские учреждения. Из общего числа больных 58860 человек, обратившихся за амбулаторной помощью в 1906 г., больше половины составляло коренное казахское население – 34294 человек¹.

С началом массового переселения крестьян в Сибирь, в частности в Степной край, в регионе наблюдался новый этап развития медико-санитарной службы, ознаменовавшийся учреждением новых лечебных пунктов. В 1889 г. было разработано и утверждено Положение «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время»², которое допускало переселение только с предварительного разрешения министра внутренних дел. Кроме этого, Положение вводило дополнительные льготы переселенцам, в том числе освобождение от воинской повинности и выплаты налогов, предоставление беспроцентных ссуд на развитие хозяйства. Не менее важным стал тот факт, что по Положению переселенцам гарантировалась материальная поддержка по пути следования (50% скидка от стоимости билетов), оказание медико-санитарной помощи и организация горячего питания.

Организация и оказание медико-санитарной помощи переселенцам стали необходимой мерой, к которой было вынуждено прибегнуть государство. Действительно, в ходе переселения крестьяне встречались не только с большими материальными, моральными и финансовыми проблемами. Переселение крестьян нередко сопровождалось вспышками заболеваний, связанных с большим скоплением пассажиров в вагонах железнодорожных составов и в переселенческих распределительных пунктах, куда они прибывали, отсутствием горячего питания. Ситуация усугублялась несоответствием вагонов санитарным требованиям. Именно поэтому на государственном уровне было принято решение об организации на железнодорожных станциях врачебно-питательных пунктов, которые впоследствии стали необходимы и местным жителям для оказания амбулаторной помощи больным³.

Как уже указывалось выше, массовая крестьянская миграция в конце XIX – начале XX в. привела к необходимости ее координации со стороны государства⁴. Вопросами организации переселений, обустройства переселенцев занимался ряд министерств и ведомств: МВД, Комитет земледелия и государственных имуществ, Министерство финансов, Комитет Сибирской железной дороги, Сибирский комитет. На рубеже XIX–XX вв. назрела

¹ Обзор Семипалатинской области за 1906 год. Семипалатинск, 1907. Л. 99.

² Полное собрание законов Российской империи, 1889. С. 619.

³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 48.

⁴ Кошин Н. Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899. С. 27.

необходимость формирования специальной административной единицы, которая была взята на себя функции по координации усилий всех структур, причастных в переселенческому движению. Поэтому в 1896 г. в структуре МВД началась работа Переселенческого управления. Помимо координации и взаимодействия, задачей Управления стала предварительная разработка законодательных актов, организация переселения в азиатскую часть России, выделение для этого правительственных кредитов, контроль за районами массового наплыва переселенцев. Значительное внимание Переселенческое управление уделяло вопросам оказания врачебно-медицинской помощи переселенцам по пути их следования на новые места жительства и по прибытии на них.

С момента создания в 1896 г. Переселенческое управление проводило активную работу в восточных регионах Российской империи, в том числе в Степном крае. В Степном крае были созданы комитеты Переселенческого управления – Семипалатинский переселенческий комитет и Акмолинский переселенческий комитет. Семипалатинская и Акмолинская области получили статус переселенческих районов. Их руководство на местах проводило активное обследование земель, образование переселенческих участков.

Одной из важнейших функций деятельности Акмолинского и Семипалатинского региональных комитетов Переселенческого управления стала организация врачебно-продовольственной помощи переселенцам¹. Это было крайне важно и актуально для региона. В условиях отсутствия земских организаций в регионе вопросы медицинского обеспечения населения были переданы в функционал Акмолинского и Семипалатинского областных правлений. Загруженные административной работой, они были вынуждены обращать внимание на развитие медико-санитарной службы по остаточному принципу.

Наплыв переселенцев в Степной край на рубеже XIX–XX вв. актуализировал еще в большей степени необходимость организации целенаправленной и методичной работы в данном направлении.

Реализация данной задачи осуществлялась в нескольких направлениях. Несколько ранее – до образования Переселенческого управления, в 1893 г. для оказания медицинской и продовольственной помощи переселенцам по приказу императора Николая II из сумм Особого комитета были отпущены средства на устройство врачебно-питательных пунктов по основным маршрутам следования переселенцев, вдоль линии Сибирской железной дороги. На таких врачебно-питательных пунктах имелись особые помещения для временного приюта и отдыха переселяющихся семей, производилась подробная регистрация и бесплатный медицинский осмотр с дальнейшей медицинской помощью при необходимости, а также оказывалось бесплатное снабжение медикаментами².

¹ Кошин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. С. 163.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 143. Л. 15.

В каждом медицинском пункте находился врачебный персонал и аптека, а центральные врачебно-питательные пункты, которые располагались в Петропавловске и Омске, обустроивались особыми больничными помещениями. Работа врачебно-питательных пунктов предполагалась только летом, зимой же их деятельность прекращалась. Однако стоит отметить, что оказываемая медицинская помощь в этих пунктах стала настолько важной и необходимой не только для переселенцев, но и для местного населения, что было предложено не закрывать их в зимний период.

Значительное влияние на дальнейшее развитие медицинской службы в Степном крае оказала поездка управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина вдоль Сибирской железной дороги. Главной задачей поездки стало выяснение колонизационного потенциала Западной Сибири, выяснения причин возврата переселенцев на места прежнего жительства, выявления проблем, связанных с социальной и экономической адаптацией переселенцев, их нуждах и проблемах.

Результаты поездки А.Н. Куломзин изложил в своем отчете, содержащем ценную информацию об уровне развития медицинской службы в Степном крае и проблемах в предоставлении медицинской помощи переселенческому населению. Центральной из них являлась нехваткой медицинских кадров и их низкая квалификация. Низкий уровень медицинского обслуживания переселенцев, по оценке А.Н. Куломзина, объяснялся также резким ростом их численности, плохими санитарными условиями по пути следования на новое место жительства и, как следствие, высоким уровнем заболеваемости среди них¹.

Чиновник отмечал, что медицинские работники Акмолинской и Семипалатинской областей не могли своевременно оказывать квалифицированную медицинскую помощь переселенцам из-за того, что не имели возможность часто объезжать обширные территории уездов. В случаях острых эпидемиологических заболеваний в ближайших к врачебно-питательным пунктам районах, приходилось в экстренном порядке командировать из врачебно-питательных пунктов студентов или фельдшеров, в деятельность которых не входили данные функции. Если же лечение больного затягивалось или появлялась необходимость больничного лечения, его госпитализировали во врачебные пункты.

В целом, по оценке А.Н. Куломзина, эффективность оказываемой помощи во врачебно-питательных пунктах являлась достаточно высокой. Он подчеркивал, что все врачи, студенты-медики и фельдшеры полностью «от-

¹ Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 15.

даются исполнению возлагаемых на них обязанностей и отличаются хорошим отношением к обращающимся к ним переселенцам»¹. Однако он считал, что этого недостаточно.

Региональные переселенческие органы поддерживали А.Н. Куломзина в данном вопросе. Заведующий переселенческим делом в Акмолинской области Станкевич в конце 1900 г. переправил в Переселенческое управление отчет доктора Капельмана о санитарном состоянии новосельческих поселков Акмолинского уезда, в котором крайне критично была оценена имевшая место в области медицинская служба в целом, в том числе в сфере оказания медицинской помощи переселенцам. Острая необходимость в медицинской помощи возникла из-за скудного и однообразного питания, плохих условий проживания (мазанки, землянки, шалаши), а также некачественной питьевой воды. Кроме того, из-за больших территорий Акмолинской и Семипалатинской областей, значительных расстояний между переселенческими поселками обозначилась еще одна проблема – отсутствия достаточного количества медицинских кадров.

Поэтому поездка и отчет, который управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина предоставил в соответствующие госучреждения после поездки в регионы, стал отправной точкой для нового этапа в организации медицинской помощи для переселенцев. Наряду с Переселенческим управлением, финансирование медицинской службы Степного края возложил на себя и Комитет Сибирской железной дороги.

Заведующий Акмолинским переселенческим районом Станкевич принял решение немедленно приступить к масштабной организации медицинской помощи переселенцам в пределах Акмолинской области. Его идею поддерживали и руководители других региональных администраций Западной Сибири. Так, заведующий переселенческим делом в Томской губернии тоже был убежден, что «для переселенческих поселков должна быть организована отдельно от сельской собственной медицинской помощь с врачом во главе»².

С начала XX в. началась организация работы врачебных и фельдшерских пунктов по пути следования переселенцев в Западную Сибирь и Степной край вне линии Сибирской железной дороги. Однако в Акмолинской области реализация идеи затянулась во времени, область оставалась без врачебных пунктов Переселенческой организации вплоть до 1907 г.

В 1907 г. Переселенческим управлением Акмолинского района было открыто 7 врачебно-остановочных и постоянных пунктов поселкового типа

¹ Там же. С. 25.

² Скопа В.А. Организация и основные направления работы переселенческого управления в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №10 (84). С. 162.

с врачебной стационарной и амбулаторной функциями. Пункты располагались следующим образом: по два пункта в Омском, Кокчетавском, Акмолинском уездах, один – в Атбасарском. Места для открытия пунктов выбирали не случайно. Одной из важных причин являлось то, что данные уезды стали регионами наибольшего водворения переселенцев в Степном крае.

Остановимся более подробно на описании фельдшерских пунктов Акмолинского переселенческого участка. В конце мая 1906 г. в селе Павлоград Омского уезда переселенческой организацией был основан фельдшерский пункт, назначение которого заключалось в обслуживании 23-х новых селений. Его деятельность оказалась очень активной, за пять месяцев, с момента открытия, в нем амбулаторно приняли 2000 пациентов. В январе 1907 г. Павлоградский фельдшерский пункт был преобразован во врачебный пункт. Его деятельность становилась с каждым годом важнее для края, со временем он начал играть лидирующую роль среди врачебных пунктов переселенческой организации Акмолинского района.

Полтавский врачебный пункт, открытый в январе 1907 г., также находился в Омском уезде. Пункт был оборудован 10 койками. Стоит отметить, что в начальный период существования данный врачебный пункт административно располагался сначала в с. Украинском, затем в августе 1907 г. персонал перешел на работу в пос. Красногорский, а уже в декабре этого года пункт перенесли в с. Полтавское.

Макинский врачебный пункт был преобразован из Вознесенского фельдшерского пункта и открыт в феврале 1907 г. в селе Макинском Кокчетавского уезда. Пункт обслуживал 9 ближайших селений с населением 7469 водворенных душ мужского пола¹. Кокчетавский врачебный пункт открыли в январе 1907 г. в уездном городе Кокчетав, однако амбулатория пункта открыла свою деятельность лишь в марте, а больницу из-за отсутствия подходящего помещения было решено перенести в с. Балкашино, где предполагалось выстроить специальные помещения для пункта. В середине декабря 1907 г. медицинский персонал из Кокчетава переправили в с. Балкашино, где он и продолжил свою работу вплоть до мая 1909 г. В декабре 1910 г. пункт в конце концов переехал в п. Алексеевский, где расположился в собственном больничном здании.

Акмолинский врачебный пункт начал функционировать в ноябре 1907 г. в этом городе и оказывал амбулаторную и стационарную помощь 12 ближайшим поселкам с населением 3353 переселенцев. Батогоринский врачебный пункт в мае 1907 г. был открыт под именем Шокайского, функционировать начал в с. Санниково, которое находилось на границе Акмолинской и Семипалатинской областей. Пункт носил постоянный поселковый характер и обслуживал 6 ближайших поселков с населением 3000 крестьян-переселенцев.

¹ Скопа В.А. Организация и основные направления работы переселенческого управления в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX вв. С. 163.

Киминский врачебный пункт был открыт в с. Кимий Атбасарского уезда в январе 1907 г. Характер пункта – постоянный поселковый. Территориальный охват пункта – 15 селений, общей численностью 7135 крестьян-переселенцев мужского пола.

К 1910 г. на территории Акмолинской области функционировало 15 самостоятельных фельдшерских пунктов переселенческой организации. Все фельдшерские пункты помещались в наемных зданиях. На содержание каждого из них выделялось по 2000 рублей. За 1910 г. по всем 15 пунктам присутствует следующая статистика: 30870 посещений и 24290 больных¹.

Аналогичные процессы в начале XX в. проходили в Семипалатинском переселенческом районе. К 1910 г. в Семипалатинской области насчитывалось 22 лечебных заведения, в том числе 10 стационарных и 12 амбулаторных лечебниц. Стационарами пользовалось в большей степени русское население. Местное казахское население из-за низкого уровня образованности прибегало к услугам больниц очень редко².

Создаваемая в Степном крае медико-санитарная служба для обслуживания переселенческого населения зарекомендовала себя с лучшей стороны и продемонстрировала эффективность в период эпидемии холеры, разразившейся в 1910 г. В Семипалатинском районе было зарегистрировано до 30 случаев заболевания холерой, наиболее количество в Павлодаре. Переселенческие поселки холера обошла стороной. Единственного больного переселенца сняли с парохода в Семипалатинске и изолировали в специальном холерном бараке, открытие которого состоялось в августе 1908 г.

Тем не менее Переселенческое управление и его региональные комитет в Акмолинской и Семипалатинской областях приняли превентивные меры к нераспространению эпидемии. Начало массовое строительство холерных барачков на путях следования переселенцев по линии Сибирской железной дороги, в Челябинске, Семипалатинске, на станции Петропавловск. В Омске был оборудован вагон-стационар. На случай экстренной дезинфекции на все станции были доставлены дезинфицирующие средства. Кроме того, предполагалось расширить и доукомплектовать построенный в Семипалатинске холерный барак, а также выделить средства из бюджета Переселенческого управления городским больницам в Павлодаре и Усть-Каменогорске, тем самым сделав их пригодными для изоляции и лечения больных холерой.

В Акмолинской области, несмотря на то, что в 1910 г. холера не получила сильного распространения, санитарная комиссия разработала план противохолерных мероприятий на 1911 г., на реализацию которого планировалось выделить 23 тыс. руб. Предполагалось пригласить квалифицированного санитарного врача и созвать съезд переселенческих врачей района

¹ Немцов С.Б. Врачебные и фельдшерские пункты Переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906–1910 гг. Омск, 1911. С. 21.

² Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск, 1912. Л. 97.

с целью разработки общей стратегии действий в случае возникновения эпидемии холеры, а также усилить уже имеющийся медицинский персонал, нехватка которого остро наблюдалась в регионе.

Стоит отметить, что профилактическая работа на пути следования переселенцев в Степной край в последующие годы не ограничивалась противохолерными мероприятиями. За счет Комитета Сибирской железной дороги создавались обсервационные пункты, которые представляли собой оборудованный санитарный вагон с фельдшерским персоналом для регулярного санитарного осмотра, оказания первичной и неотложной помощи, изоляции заразных больных пассажиров железной дороги. Управление Сибирской железной дороги, совместно с Переселенческим управлением, определяло число обсервационных пунктов и санитарных вагонов. Во время плотного трафика поездов, при нехватке основного персонала, дополнительный медицинский персонал привлекался также за счет средств железной дороги. Содержание больных переселенцев производилось за счет Переселенческого управления¹.

Начиная с 1913 г. к персоналу санитарного вагона дополнительно вводилась должность кондуктора-фельдшера, который при себе имел поездную аптечку². На практике же железнодорожные участковые врачи должны были в дополнении к своим прямым обязанностям наблюдать за переселенческими фельдшерскими пунктами, расположенными в районе соответствующего железнодорожного участка. Переселенческие врачи должны были контролировать выполнение врачебно-санитарного надзора за переселенцами и железнодорожными фельдшерами.

Несмотря на то, что по количеству медицинского персонала и лечебного оборудования Сибирская железная дорога превосходила персонал Переселенческого управления, она была намного слабее последней. Заведующий передвижением переселенцев Восточного района отмечал, что у дорожной службы существовал ряд недостатков: «низкая профессиональная подготовка фельдшеров, главным образом ротных фельдшеров, которые были мало осведомлены и полуграмотны в своей специальности»³. Кроме того, медицинский персонал Сибирской железной дороги не имел четкого и постоянного руководства. Участковые железнодорожные врачи не могли полностью справиться со своими задачами, так как на них возлагался большой объем прямых обязанностей. Именно поэтому санитарные инструкции соблюдались не всегда и не в полном объеме.

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 197. Л. 24.

² Смирнов С., Смирнова В. Врачебно-санитарное обслуживание переселенцев на железной дороге Азиатской России в начале XX в. // Вестник Челябинского университета. Серия 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. No. 2. С. 189.

³ Смирнов С., Смирнова В. Врачебно-санитарное обслуживание переселенцев на железной дороге Азиатской России в начале XX в. С. 195.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР В РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Проекты национального самоопределения Туркестана в период революций 1917 г. и Гражданской войны¹

И.Б. Бочкарева

Центральным вопросом революций 1917 г. являлся вопрос о власти: на каких принципах она будет организована, какие пути решения проблем, сложившихся в России, будут выбраны. Однако в Туркестане, как и других национальных регионах бывшей Российской империи, вопрос о власти был сопряжен с решением национального вопроса и его ключевой составляющей – национального самоопределения. Вопрос национального самоопределения населения Туркестанского края актуализировался после Февральской революции и завершился национально-территориальным размежеванием региона в 1924 г. на несколько советских республик. На протяжении этого периода подходы к определению характера национального самоопределения и политического статуса Туркестана задавала центральная власть в лице руководства РКП(б). Можно сказать, как и в имперский период, государство по-прежнему выступало основным актором модернизации региона. Однако в отличие от предшествующего периода большевикам пришлось выстраивать свою политику с учетом новых социальных феноменов. В частности, речь идет о зарождающейся идеологии национализма в среде местной политической элиты, которая после Февральской революции смогла довольно быстро выдвинуть свой национальный проект. Решая задачу утверждения советской власти в условиях Гражданской войны, советское руководство продемонстрировало прагматизм, в лице В. Ленина прежде всего, и соотносило свою стратегию строительства социализма с дискурсом по национальному вопросу в конкретном национальном регионе, что и определило характер национального самоопределения Туркестана.

Современные исследователи национальной политики РКП(б) в 1920-е гг. отмечают, что несмотря на классовый характер советского режима, большевики не только не перестали поддерживать национальную культуру, а наоборот, содействовали дальнейшему оформлению национального (в значении «этнического») самосознания во всех его проявлениях². Терри Мартин дал, на наш взгляд, продуктивную в исследовательском плане оценку

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Слэзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом советское государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи

национальной политики большевиков в 1920-е гг. как «положительной деятельности или дискриминации», подчеркивая, что большевики первыми в современной истории стали оказывать системную поддержку развитию культуры национальных меньшинств в составе СССР¹.

Кратко остановимся на раскладе политических сил в регионе после Февральской революции. Институционально в Туркестане сложились три центра политического влияния: Туркестанский комитет Временного правительства (официальная краевая власть)², Советы рабочих и солдатских депутатов и мусульманские общественные организации «Шурои Исломия» и «Улема Джамяити». Следует отметить, что Советы комплектовались из русского населения края и в своей деятельности мало отражали интересы коренного населения.

В составе Российской империи коренное население Туркестана привлекалось к управлению только на низовом местном уровне, на административные должности, сохранные российской администрацией от традиционной системы управления, например, арык-аксакалы, регулирующие работу ирригационных систем. Некоторое исключение представляла Городская дума Ташкента, но и там за русским населением было зарезервировано 2/3 мест, чтобы коренное население города не получило на выборах большинство мест. В результате у местной интеллектуальной и коммерческой элиты не было опыта управления, как не было готового национального проекта. Учитывая слабые стартовые позиции, национальное движение в Туркестане продемонстрировало довольно быстрые темпы своего организационного и идейного становления. В марте 1917 г. в Ташкенте возникает первая национальная политическая организация по типу Советов – Шурои Исламия (Совет мусульманских депутатов), объединившая все политически активные силы Туркестана. Руководящие позиции в ней заняли местные джадиды: Убайдулла Ходжаев, М. Абдурашидов, Махмуд-ходжа Бехбуди и

историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001; Абашинов С. Национализм в Средней Азии. СПб., 2007; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1929. М., 2011.

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР...

² В первый состав Комитета под председательством Н.Н. Щепкина включал девять членов, четверо из них были представителями мусульманских народов России, но только один – М. Тынышпаев, являлся представителем собственно туркестанской «туземной» политической элиты. В июле второй состав Комитета возглавил известный востоковед В.П. Наливкин. В партийном отношении Туркестанский комитет комплектовался из представителей кадетов и правых социалистических партий.

немногочисленная для Туркестана светская, русифицированная группа политиков, преимущественно этнических казахов – Мустафа Чокаев¹, М. Тынышпаев.

В мае Шурои Исламия солидаризируется с позицией I съезда мусульман России, принявшего резолюцию о преобразовании России в федеративную республику с предоставлением мусульманским народам права автономии². При этом автономия для регионов с преобладанием мусульманского тюркоязычного населения должны была иметь не культурный, а национально-территориальный характер. Отметим, что весь период пока проблема национального самоопределения была актуализирована в общественно-политической жизни региона, местные националисты от либералов до коммунистов по идейной принадлежности определяли национально-политический статус Туркестана именно в форме автономии в составе Российской республики, потом РСФСР. Такая постановка в целом отвечает начальной стадии формирования национального движения в Туркестане. Мировая практика национальных движений показывает, что идеология национализма в каждом конкретном случае эволюционировала от умеренного к более радикальному характеру, в том числе и по вопросу политического статуса национальной территории. Дискуссии среди туркестанских автономистов шли по вопросам, какой объем властных полномочий будет включать автономия, какая территория войдет в состав национальной автономии, какая национальная группа будет реализовывать право на самоопределение.

Туркестанская интеллектуальная элита в процессе поиска национальной идеи и адаптации западного концепта нации к местной иерархии идентичностей видела в тюркских культурных и лингвистических корнях большинства населения Туркестана основу национальной консолидации и политического самоопределения региона как минимум в границах Туркестанского края или в перспективе в формате Большого Туркестана с включением Бухары и Хивы. За исключением проекта Алаш-орды, ориентированного на получение автономии казахским населением Степного края, дискурс по национальному вопросу в Туркестане шел в рамках идей, близких по харак-

¹ Чокаев Мустафа – получил юридическое образование в Петербурге, в 1907 г. вошел в Политическое мусульманское бюро при Государственной думе, отвечал за контакты с Туркестаном. Член партии кадетов. После Февральской революции в апреле приезжает в Ташкент. Член второго состава Туркестанского комитета Временного правительства.

² Из резолюции Всероссийского мусульманского съезда. Май 1917 г. // Этнополитические и этнососциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул, 2016. С. 187.

теру идеологии пантюркизма. Вопрос о дроблении территории края на более мелкие автономные единицы как результат самоопределения отдельных народов региона не стоял¹.

Мустафа Чокаев отмечал, что автономия понималась как создание своего органа законодательной власти и своего правительства. Земельный вопрос, образование, городское и земское самоуправление, суды переходят в ведение автономного правительства². Законодательный орган – парламент, избирался путем всеобщего тайного голосования на пять лет, его решения не должны были противоречить законам Российской республики и требованиям шариата. Стремясь заручиться пониманием и какой-то поддержкой своих национальных требований со стороны «европейского» меньшинства края, автономисты неизменно подчеркивали положение о резервировании 1/3 мест во властных органах за представителями местной европейской общины. Съезды выразили поддержку курсу Временного правительства, однако заявили, что Туркестанский комитет должен как минимум наполовину состоять из представителей коренного населения, последние также должны были активнее привлекаться на назначаемые административные должности.

Вместе с тем заявка туркестанских автономистов на власть вызывала весьма настороженную реакцию русского меньшинства региона. Демократическая риторика отделений ведущих российских политических партий в Туркестане становилась очень осторожной, когда речь заходила о практическом применении демократических процедур. Как справедливо отметил итальянский исследователь М. Буттино, «демократия, как, впрочем, и сама революция, воспринималась главным образом как способ регулирования внутренней жизни русского сообщества. Готовность умеренных к диалогу с мусульманами подразумевала расширение демократии вплоть до включения мусульманских представителей, но отнюдь не признание права мусульманского большинства на самоуправление»³. Русских политиков, как либерального, так и социалистического направлений, сближало нежелание делить власть с коренным населением. В результате вопрос о власти приобрел национальный характер, создавая ситуацию противостояния русского и коренного населения.

Провозглашение советской власти в Ташкенте принципиально не изменило ситуацию доступа к власти для мусульманской политической элиты.

¹ Подробнее о складывании национального движения в Туркестане после февральской революции см.: Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2005; Бочкарева И.Б. Автономистское движение в Туркестане в период революции 1917 года // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 53–57.

² Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. Токио ; Москва, 2001. С. 12.

³ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 206.

Новую систему институтов краевой власти должен был утвердить III Съезд Советов Туркестанского края, который начал свою работу 15 ноября 1917 г. Большинство делегатов съезда составляли представители умеренных социалистических партий – меньшевики и правые эсеры. Они выступали за создание коалиционного правительства демократических сил, включая мусульманские политические организации. Однако их позиция по вопросу масштабов участия коренного населения во власти осталась прежней: мусульмане должны были составлять меньшинство, достаточное для соблюдения принципа демократичности. Председатель Улема Шерали Лапин, присутствуя на съезде в качестве наблюдателя, в своем выступлении в очередной раз озвучил сложившийся среди национальной интеллигенции Туркестана консенсус, что мусульманам должно быть предоставлено в органах краевой власти 3/4 мест. «Основываясь на принципе самоопределения... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, – сказал Шерали Лапин, – но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти...»¹.

Фракция большевиков и максималистов предложила по примеру центральных органов советской власти преобразовать Краевой совет рабочих и солдатских депутатов в Совет народных комиссаров Туркестанского края как высший исполнительный орган. Коренному населению края в такой системе организации власти отводилась консультативная, совещательная функция и то на местном уровне. Позиция местных большевиков по отношению к автономистским требованиям национальной интеллигенции нашла отражение в следующей резолюции: «включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций...»². Интересно, что резолюция большевиков, не имевших большинства на съезде, была принята 97 голосами из 114. В ситуации выбора между сотрудничеством с мусульманскими организациями и поддержкой левых социалистов умеренное социалистическое большинство съезда сделало выбор в пользу последних. В итоге был создан Совнарком Туркестанского края, куда вошли семь большевиков и восемь левых эсеров, под председательством большевика Ф. Колесова. Советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу как диктатура трудящихся, но это была диктатура русских трудящихся. Вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда.

¹ Германов В. Политика формирования в Туркестанском крае лояльной России национальной элиты. URL: <https://ia-centr.ru/experts/2598/> (дата посещения: 09.08.2021).

² РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1561. Л. 11.

Почему туркестанские коммунисты не допускали возможности участия мусульман в органах управления, хотя программа РСДРП(б) признавала право наций на самоопределение вплоть до отделения? Отчасти объяснение лежит в плоскости теоретических построений большевиков по национальному вопросу, которые предусматривали, что выразителем права нации на самоопределение должен быть пролетариат¹. В Туркестане туземный пролетариат был малочисленным, и в политическом отношении он поддерживал местные национальные организации, поэтому он не мог выполнить задачи захвата власти в регионе и после самоопределения вернуть местные мусульманские народы к союзу с российским пролетариатом. По этой причине Ленин и Сталин, идеологи национального вопроса в РСДРП(б), изначально не собирались распространять право самоопределения на мусульманские тюркоязычные народы России. Однако политика большевиков определялась не только теоретическими установками, но и практикой революционного процесса на местах. Как представляется, действия ташкентских большевиков во многом были обусловлены колониальным характером туркестанского общества, в котором присутствовала напряженность между коренным мусульманским большинством и русским меньшинством. Поляризацию туркестанского общества по национальному признаку усиливала тяжелая продовольственная ситуация, сложившаяся в регионе к лету 1917 г. Уже тогда с санкции краевого Совета начались реквизиции продовольствия, которые затронули в основном не русских крестьян, а местных дехкан. Таким образом, местные «русские» большевики, решая вопрос о власти в Туркестане, воспроизводили сложившиеся в русской общине страхи и стереотипы поведения по отношению к коренному населению.

Решения III съезда Советов Туркестанского края стали точкой размежевания мусульманского автономистского движения с советской властью. По мнению лидеров Шурои и Улема принципы оформления советской власти означали продолжение колониального правления в Туркестане, и в первый год после Октябрьской революции политика советской власти по отношению к мусульманскому населению во многом являлась таковой². Решение местных большевиков перенести выборы в Учредительное собрание с ноября на декабрь делало перспективу участия в нем туркестанских автономистов все более иллюзорной. Поскольку у туркестанского национального

¹ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. URL: <http://www.petrograd.biz/stalin/2-19.php> (дата посещения: 15.08.21).

² См. подробнее: Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Reprint. Oxford, 1985; Этнополитические и этносоциальные процессы в центрально-азиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул, 2016. С. 247–249.

движения уже был проект национальной автономии, пользующийся популярностью и поддержкой со стороны городского коренного населения, лидеры Шурои решили реализовать его, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Центром оппозиции советской власти стал Коканд, куда во время Октябрьского переворота уехал один из наиболее влиятельных руководителей Шурои, Мустафа Чокаев.

Менее чем через две недели после съезда Советов, 27 ноября 1917 г., в Коканде собрался IV съезд мусульман, на котором большинство составляли делегаты от Шурои и ее союзников, от Улема присутствовал только Ш. Лапин. Итогом работы съезда стало провозглашение Туркестана автономией в составе федеративной демократической Российской республики. Форму автономии Туркестана должно было установить Учредительное Собрание, которое планировалось созвать в кратчайшие сроки¹. На следующий день съезд избрал Временный народный совет автономного Туркестана в составе 32 человек, по количеству мест, выделенных Туркестану в Учредительном собрании. Из состава народного совета было сформировано временное правительство под председательством М. Тынышпаева в количестве 12 членов, 4 из которых должны были представлять европеизированную общину. В регионе сложилось формальное двоевластие. В качестве первоочередных задач Кокандское правительство определило созыв туркестанского Учредительного Собрания и принятие мер к обеспечению населения продовольствием.

Следует отметить, что после провозглашения Туркестанской автономии представители и Шурои, и Улема, тем не менее, пытались выстроить диалог с советской властью. Шурои в этом отношении сделала ставку на центральную советскую власть и обратилась в Совнарком РСФСР с предложением признать правительство Туркестанской автономии на основании выпущенной советским правительством «Декларации прав народов России». Улема Джамияти попыталась наладить отношения с Ташкентским СНК. Еще на этапе провозглашения туркестанской автономии Улема начала дистанцироваться от кокандского правительства. В условиях новой политической конъюнктуры вновь дали о себе знать противоречия в отношениях двух течений в мусульманском общественном движении. Возможно, улемисты рассчитывали путем компромисса с большевиками обеспечить свое доминирование в вопросах религиозной политики и регулирования жизни коренного населения.

5 января 1918 г. через свою газету «Аль-Ислах» Улема категорически отказалась принять правление антиисламского светского режима в Коканде². Немного позже было опубликовано подготовленное Лапиным обра-

¹ РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 17.

² Khalid A. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. 1996. Vol. 55. N. 2. P. 294.

шение «От ташкентской организации Улема русским социалистам», в котором улемисты заявили о готовности совместно работать с большевиками. Ради этого Лапин даже пошел на обоснование близости мировоззренческих позиций социализма и ислама. «Основными элементами обоих течений, – отметил он – является отстаивание интересов трудового человечества; оба они одинаковые враги империализма, одинаково не признают идеи национализма, интернациональны и объявляют беспощадную войну против гнета капитала»¹. Однако эти попытки были проигнорированы советским руководством. Для центрального советского правительства важен был тот факт, что власть в Ташкенте находится у большевиков, и главная задача заключалась в том, чтобы ее удержать, а не делиться ею, тем более, что кокандское правительство определялось как буржуазно-националистическое по классовым интересам. Кроме того, ташкентский СНК оказался более инициативным в процессе создания институциональной основы советской власти на территории края, нежели туркестанские автономисты. С подачи Ташкента уже в ноябре почти во всех городах Ферганской долины, включая Коканд, были созданы опиравшиеся на русских солдат революционные комитеты, которые провозглашали себя местной властью. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния (армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения), не смогло перехватить политическую инициативу в свои руки². В таких условиях возможность для мирного, компромиссного решения вопроса о власти были исчерпаны. Ташкентский СНК по рекомендации центрального советского правительства взял курс на ликвидацию правительства Кокандской автономии военным путем. За это решение проголосовало большинство делегатов IV краевого съезда Советов Туркестана (19–26 января 1918 г.)

Ликвидация военным путем правительства Туркестанской автономии вначале февраля 1917 г. автоматически не утвердила советскую власть в регионе. Наоборот она привела к радикализации гражданского конфликта, когда на смену умеренной оппозиции советской власти в лице модернизированной, реформаторски настроенной национальной интеллигенции приходят представители традиционных групп местного общества в лице командиров басмаческих отрядов, а сопротивление принимает военный характер.

¹ Цит по: Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М., 2011. С. 18.

² В начале 1918 г. СНК Туркестана смогло провести реквизицию из банков денежных средств правительства Туркестанской автономии и лиц, его поддерживавших. Эти действия вызвали кризис в кокандском правительстве, которое было обвинено пострадавшими деловыми кругами в бездействии. В итоге в правительстве произошли кадровые перестановки, пост главы правительства занял Мустафа Чокаев.

Именно басмаческое движение, а не русское «белое» сопротивление представляло основную угрозу советской власти в Туркестане на протяжении всей Гражданской войны.

Другим следствием провозглашения Туркестанской автономии стало изменение национальной политики большевиков в отношении мусульманских тюркоязычных народов России. Провозглашение в ноябре-декабре 1917 г. в ряде мусульманских регионов России (Туркестан, Башкирия, Казахстан) национальных автономий свидетельствовало о популярности и высоком мобилизационном потенциале идеи национального самоопределения для коренного населения. Непризнание большевиками правительств национальных автономий и пресечение их деятельности толкало национальные политические элиты и население в лагерь «белого» движения. Ленин как основной разработчик национальной политики большевиков быстро осознал вызовы советской власти, исходящие от таких перспектив развития национального вопроса. На III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. Российская советская республика была преобразована в федеративную. Это создало правовые основания для внедрения советских вариантов национальной автономии, которая стала рассматриваться большевиками как важнейшее условие привлечения на сторону советской власти широких слоев мусульманского населения. И Туркестан стал одним из первых регионов, где она была провозглашена. Однако большевики, выступая в роли творцов нового вектора исторического развития, свободно, «творчески» относились к сложившимся в политической теории и практике национально-политическим категориям: право наций на самоопределение, федерация, автономия. И Ленин, и Сталин воспринимали их как «форму», которую можно и нужно освободить от национального и наполнить социалистическим содержанием. В докладе по национальному вопросу на III Всероссийском съезде Советов Сталин отметил, что «принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»¹.

В апреле 1918 г. И. Сталин в письме к СНК Туркестанского края дал разъяснение позиции Москвы по вопросу института автономии. В частности, он отметил: «Некоторые советы на местах решили в виду этого (того, что носителями идеи автономии выступали национальные буржуазные круги. —И.Б.) отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая разрешение национального вопроса путем оружия, но этот путь совершенно непригоден для советской власти, этот путь способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов, а верхи эти выставить спасителями родины, защитниками нации, что ни в коем случае не входит в

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 32.

расчеты советской власти. Не отрицать автономии, а признавать ее, является очередной задачей советской власти»¹. В этой связи в обращении сохранилось указание привлекать к работе «революционные элементы» самоопределяющихся народов, содействовать сближению местного населения с советской властью.

Москва воспользовалась периодом, когда Оренбург весной 1918 г. на некоторое время перешел под контроль Красной армии, восстановилось железнодорожное сообщение с Туркестаном, чтобы усилить контроль над действиями местных большевиков. В Ташкент была направлена группа работников Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) во главе с чрезвычайным комиссаром П.А. Кобозевым. В задачи Кобозева ходило довести до СНК Туркестана новые установки РКП(б) по национальному вопросу и оказать помощь в организационном и правовом оформлении советской автономии. 30 апреля 1918 г. V съезд Советов Туркестанской Федеративной республики в составе РСФСР. Новым и значимым моментом в процессе национально-государственного развития региона стало определение статуса советской автономии в Туркестане как республики. Как представляется, республиканский статус национальной автономии призван был подчеркнуть действительно демократичный, народный характер советской власти и продемонстрировать политической активной части коренного населения фактически максимальное воплощение права на самоопределение. Республиканская форма автономии задавала и организацию власти согласно принципу разделения властей. Высшим постоянным законодательным органом Туркеспублики стал Центральный исполнительный комитет (ЦИК), который возглавил П.А. Кобозев, исполнительная власть оставалась за Советом Народных Комиссаров (СНК) под председательством Колесова.

Как на V съезде Советов, так и на I Съезде коммунистической партии Туркестана лейтмотивом выступлений и решений являлась задача активизации работы среди мусульманского пролетариата с целью вывести его из-под влияния национальной буржуазии и привлечь на сторону советской власти. В октябре 1918 г. по инициативе Ленина было создано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б) для проведения организационно-политической, пропагандистской и агитационной работы среди мусульманских коммунистов. В феврале 1919 г. в Туркестане была создана сеть уездных и областных мусульманских бюро под общим руководством Краевого Мусбюро при Крайкоме КПТ. В полномочия Мусбюро, помимо проведения организационно-агитационной работы среди мусульманской части партии, входило «наблюдение за деятельностью Комиссариата по делам националь-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 76.

ностей и других советских органов в смысле правильного проведения коммунистической программы в части, касающейся мусульман»¹. Краевое Мусбюро возглавил Турар Рыскулов². Мусбюро стали первым организационным шагом по работе с местным туземным населением и каналом его включения в систему советских партийных и государственных органов.

Вместе с тем взятый Москвой курс на вовлечение коренного населения в органы советской власти привел к феномену синтеза идей коммунизма и регионального тюркизма. Три краевые конференции мусульманских организаций КПТ, прошедшие в период с мая 1919 г. по февраль 1920 г., показали недовольство коммунистов-мусульман политикой руководящих органов Туркеспублики и КПТ в отношении коренного населения, которая по-прежнему оценивалась как *колонизальная*³. В партии сложилась политически активная группа мусульманских коммунистов во главе с Тураром Рыскуловым, готовая отстаивать интересы широких слоев коренного населения и его представительство во власти. Идейной основой группы Рыскулова была программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии в марте 1919 г. По национальному вопросу программа ставила задачу борьбы с проявлениями «великодержавного национализма» в отношении «угнетенных наций», чтобы заслужить их доверие к советской власти⁴. Вообще деятельность Мусбюро на протяжении 1919 г. положила начало политическому перевороту в Туркестане, когда власть, теперь уже советская, начала действовать в интересах мусульманского населения. Так, Мусбюро пролоббировало принятие решения о чистке советских органов Ферганской области от дашнаков, которых Туркестанский СНК использовал как репрессивную силу для сохранения контроля над мусульманским населением. Также Мусбюро актуализировало обсуждение вопроса о возвращении кочевников-киргизов из Китая, бежавших туда после подавления восстания 1916 г., и попыталось урегулировать, болезненный земельный вопрос в Семиречье. В конце 1919 г. ТурЦИК издал приказ, согласно которому каждый беженец по возвращении получал полные права советского гражданина, а все его преступления амнистировались⁵. Правительство обещало вернуть беженцам пастбища, зимовки и скот. Это постановление, конечно, не могло сразу изменить ситуацию в лучшую

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 41.

² Рыскулов Турар – (1894–1938 гг.), этнический казах, член РКП(б) с 1917 г. Председатель Мусбюро (1919 г.), председатель Крайкома КПТ и ТуркЦИКа (1920 г.). Один из идеологов национального варианта коммунизма.

³ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 57.

⁴ Программа Российской коммунистической партии (большевиков). Принята 8 съездом партии 18-23 марта 1919 г. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm> (дата посещения: 22.02.2021).

⁵ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. С. 339–340.

сторону для кочевого населения Семиречья, тем более, что оно вызвало сопротивление со стороны местных Советов и русских колонистов, но демонстрировало, что Рыскулов и члены Мусбюро стремятся использовать свои властные полномочия в интересах мусульманского населения.

Однако Т. Рыскулов не ограничился только практическими шагами в налаживании диалога советской власти с местным населением, а предложил программу организации власти в ТуркАССР на национальной основе. В докладе на III краевой конференции мусульманских коммунистических организаций в феврале 1920 г. он подчеркнул, что «туркестанские партийные организации не поняли тех задач, которые стоят перед партией пролетариата на Востоке. <...> Крайком не имеет влияния на мусульманские массы. Последние подчиняются исключительно Мусбюро. Если мы хотим осуществить наши идеалы на Востоке, мы должны изменить наше отношение к коренному туземному населению, должны вызвать их веру в нас»¹. Коммунистическая партия Туркестана на тот момент не функционировала как единая организация. КПТ включала в себя три структуры: Крайком РКП(б), Крайком иностранных коммунистов и Краевое бюро мусульманских партийных организаций (Мусбюро), которые организовывали отдельные встречи и собрания. Рыскулов выступил с предложением устранить сложившееся организационное деление коммунистической партии Туркестана по национальному принципу и объединить все отделения в единую партию под общим названием Коммунистической партии тюркских народов Туркестана². А так как самоопределяющимся народом в Туркестане является тюркский народ, то республика должна именоваться Тюркской советской республикой РСФСР³. Путем преобразования партии и в перспективе республиканских органов на национальной основе Рыскулов считал возможным устранить колонизаторские пережитки в управлении краем, преодолеть ущемление политических прав коренного населения⁴.

Предложения Рыскулова, по сути, представляли собой новую вариацию проекта «Большого Туркестана». Подобно тому, как Сталин в своем известном высказывании призывал форму автономии наполнить социалистическим содержанием⁵, Т. Рыскулов, наоборот, проект Тюркской респуб-

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 111.

² ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 116.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 79. Л. 19–20.

⁴ Арапов А. Крах проекта Тюркской советской республики 1919–1920 гг. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1336816380> (дата посещения: 22.02.2021).

⁵ В июне 1918 г. Сталин в выступлении по вопросам национальной политики РКП(б) в тюркоязычных, мусульманских регионах России отметил: «Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму. Советская власть <...> за такую автономию, где бы вся власть находилась в

лики облекал в коммунистические принципы и идеалы. Так, Тюркская советская республика позиционировалась им как интернациональная. Но это слово он использовал не в том значении как большевики, говоря о наднациональном, классовом, пролетарском характере советского государства. Рыскулов же вкладывал в него национальное содержание, рассуждая о возможном объединении трудящихся всех тюркских народностей, даже на данный момент не входящих в состав РСФСР, в составе Тюркской советской республики¹. Таким образом, границы республики могли быть шире уже провозглашенной ТуркАССР.

Проект Тюркской советской республики свидетельствовал о том, что первое поколение мусульманских коммунистов исходило из представления о приоритете задач национальной революции над социалистической, что не соответствовало иерархии интересов руководства РКП(б). Перспектива создания единой республики тюркских народов, при слабости позиций советской власти и объективной узости ее социальной базы среди коренного населения региона, была воспринята сначала членами Турккомиссии², затем лично Лениным как угроза советскому влиянию в тюркоязычных регионах и территориальной целостности РСФСР.

Настораживало руководство партии и то, что со схожими идеями выступили руководящие работники других тюркоязычных автономных республик РСФСР³. Проект Рыскулова расценивался как проявление идей пантюркизма и «буржуазного национализма»⁴, а последний, в свою очередь, создавал возможность складывания, по выражению Ленина, надклассовых союзов национальной буржуазии и пролетариата на почве общности национальной культуры и интересов⁵. В результате предложения Рыскулова были отклонены Политбюро ЦК РКП(б), партия и республика сохранили свои прежние названия. В течение лета 1920 г. все партийные комитеты и ревкомы в Туркеспублике были переизбраны в рамках кампании борьбы с буржуазным национализмом в партии. Т. Рыскулов был отозван в Москву.

руках рабочих и крестьян... Такой автономией и будет автономия на советских началах» [РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 32].

¹ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 84. Д. 79. Л. 19–20.

² Комиссия по делам Туркестана была создана постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1919 г. с целью усиления контроля Москвы за процессом строительства советской власти в Туркеспублике. В нее вошли Ш.З. Элиава (председатель), В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе, Ф.И. Голощёкин, Г.И. Бокий. В последующем состав комиссии неоднократно менялся.

³ Речь идет о А.З. Валидове, инициаторе перехода башкирских войск на сторону Красной армии в 1919 г. и провозглашения Башкирской Советской Республики, и М. Сулган-Галиеве, члене коллегии Наркомнаца.

⁴ РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.

⁵ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1969. С. 132.

X съезд РКП(б) в марте 1921 г. официально квалифицировал национальные интерпретации коммунизма как уклон в сторону местного национализма и подверг осуждению. В результате Центр получил инструмент, позволяющий контролировать национальные партийные и республиканские элиты с точки зрения идеологической выдержанности и лояльности советскому режиму.

В то же время Москва продолжала следовать курсу формирования отношения доверия к советской власти со стороны коренного населения Туркестана. Не поддержав проект расширения властных полномочий Туркестанской автономной республики, Политбюро инициировало социально-экономические мероприятия в интересах коренного населения. В целях ликвидации национальных противоречий предлагалось осуществить передел земли и вернуть часть киргизскому населению, оставив русским переселенцам участки в размере трудового надела, а также «откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом»¹.

Важной составляющей работы Турккомиссии являлась подготовка и последующее законодательное утверждение нового проекта Конституции Туркеспублики, определяющего пределы ее автономии во взаимоотношениях с Центром. Следует отметить, что для всех проектов национального самоопределения, выдвинутых местными общественно-политическими группами независимо от их политической ориентации, было присуще стремление максимально расширить властные полномочия автономии, включить в них вопросы, традиционно являющиеся компетенцией федерального центра. Так, например, «Улема джамияти» уже после провозглашения советской власти в Ташкенте предлагала провозгласить Туркестанскую мусульманскую федерацию в составе Российской республики с правами широкой автономии, включая внешнеполитические полномочия, в частности, право заключать торговые договоры с сопредельными государствами². Делегация ТуркЦИКа, прибывшая летом 1918 г. в Москву для разработки Конституции Туркестанской АССР, также исходила из принципа децентрализации в распределении полномочий между федеральным центром и автономной республикой. Ее проект включал право свободного выхода из состава РСФСР, право осуществлять собственную внешнюю политику, а военная сфера должна была контролироваться коллегией. Позже Турар Рыскулов в своем проекте настаивал на комплектовании частей Красной армии в Туркестане только из коренного населения и ликвидации Турккомиссии как ненужной «надстройки» в управлении республикой³.

¹ Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений Т. 41. С. 433.

² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 78.

³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14099. Л. 8.

Для большевиков федерация представляла переход от насильственной интеграции народов, проводимой российскими имперскими властями, к свободно выраженной воле рабочих масс к объединению с целью создать в будущем социалистический унитаризм¹. Именно в русле этого подхода Турккомиссия должна была подготовить положение о характере автономных прав ТуркАССР и обеспечить ему поддержку со стороны местной советской политической элиты. В марте 1920 г. комиссия представила на рассмотрение ЦК РКП(б) соответствующий проект. Согласно проекту к исключительной компетенции федеральных органов власти относились вопросы внешней политики, обороны и внешней торговли; к вопросам совместного управления: транспорт, почта, телеграф, финансы, но все декреты федеральной власти, касающиеся этих комиссариатов, распространяются на Туркестанскую республику. Остальные вопросы оставались в компетенции ТукрЦИК и ТуркСНК. После чистки КПТ и советских органов в рамках кампаний по борьбе с колониализмом и национальным уклоном, новая Конституция Туркестанской Советской Социалистической республики была утверждена IX Всетуркестанским съездом Советов 24 сентября 1920 г. 11 апреля 1921 г. скорректированный статус автономии Туркестанской республики получил окончательное нормативное закрепление декретом ВЦИК. В результате советская автономия Туркестана лишилась каких-либо признаков политической самостоятельности, будучи сведена до решения культурных и отчасти хозяйственных вопросов.

Вместе с тем формально-правовое оформление национальной автономии в Туркестане не привело к отходу политических элит региона от идей национализма в форме вариаций пантюркизма. Новый центр лоббирования пантюркизма стал формироваться в лице Бухары². С провозглашением Бухарской народной советской республики в сентябре 1920 г. пришедшие к власти младобухарцы в своей политике начали демонстрировать тюркские ориентации как маркеры национальной идентичности и политических симпатий. В качестве образца развития они рассматривали не столько Советскую Россию, сколько Турцию, которая после распада Османской империи сама оформлялась как национальное государство. На востоке Бухары росли силы басмаческого движения, действующего под лозунгами панисламизма и пантюркизма. Осенью 1921 г. во главе басмаческого сопротивления советской власти встал бывший военный министр младотурецкого правительства, сторонник пантюркизма Энвер-паша. В последующем на сторону Энвера перешли несколько видных деятелей бухарского советского правительства. Политические мотивы укрепления советской власти в Централь-

¹ Цит. по: Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 231.

² Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб., 2007. С. 184.

ной Азии: нейтрализация пантюркистских настроений, включение независимых Бухары и Хорезма в состав СССР, побудили Москву начать в 1924 г. новый этап национального размежевания, где субъектом самоопределения выступали отдельные этносы.

Еще летом 1920 г. во время обсуждения в Политбюро ЦК РКП(б) предложений Рыскулова в противовес коммунистическому пантюркизму возник план раздела Туркесреспублики на три национальные части, в интерпретации Ленина, «на Узбекию, Киргизию и Туркмению»¹. На тот момент от этого плана отказались как от преждевременного, но он определил последующий подход большевистского руководства к решению вопроса национального строительства в Центральной Азии. Советской России предпочтительнее было направить процесс национальной консолидации не по пути политического оформления тюркской нации, а в направлении этнокультурного самоопределения, тем более что импульсы «снизу» сигнализировали, что в регионе наряду с тюркским проектом идет оформление более частных по отношению к нему местных, этнических национализмов. Так, накануне Всекиргизского съезда Советов 25 декабря 1919 г., который должен был утвердить автономию и проект конституции Киргизской АССР, туркестанские казахи выступили с программой передачи части территорий, включая Ташкент, от Туркесреспублики к Кирреспублике. В 1921 г. с инициативой создания отдельных национальных районов в составе Туркестанской АССР выступили туркмены, в меньшей степени, чем оседлые узбеки, представленные в советских органах власти. Транскаспийский съезд Советов выдвинул петицию с требованием преобразования Закаспийской области (западной части Туркестана) в «Туркменскую область», которая была удовлетворена².

Слабой стороной тюркизма как национального проекта в реалиях Центральной Азии было то, что он разделялся лишь малочисленной модернизированной коренной интеллигенцией, часть которой составляли джадиды. Однако в иерархии идентичностей населения Туркестана «тюркость» если и присутствовала, то занимала явно не приоритетный уровень по сравнению с конфессиональной, локальной, родовой идентичностями. Показательно, что и представители автономистского движения в Туркестане, и первые «туземные» коммунисты, продвигая свои национальные проекты, в процессе коммуникации с коренным населением использовали не национальную, а исламскую риторику. Название первой организации туркестанских автономистов «Шурои исламия» (Исламский совет), Мусульманское бюро КПТ,

¹ Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений Т. 41. С. 436.

² Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 232.

понятие «мусульманский» а не «тюркский» пролетариат, которое использовал Турар Рыскулов¹, свидетельствовали о том, что именно ислам являлся на тот момент фактором, консолидирующим объективно полиэтничное коренное население региона. В современных исследованиях феноменов панисламизма и пантюркизма высказывается мысль, что «светские» идеологии пантюркизма и мусульманского национал-коммунизма вытекали из концепции единства мусульманской уммы. Пантюркизм в России рассматривается как часть панисламизма, призывающего к единству мусульман на культурной основе².

В результате, неоформленность этнического, национального самознания, низкая политическая культура населения Туркестана создавали условия для политического манипулирования и конструирования процесса национального самоопределения со стороны как Москвы, так и региональных элит. Принцип «национальность имеет право на свою территорию», положенный в основу национальной политики советского правительства, создал возможность для отдельных групп коренного населения Туркестана путем мобилизации и обоснования своей этничности улучшить свое социальное положение и статус. Когда советское правительство приступило к новому этапу национального размежевания в Центральной Азии, «ленинская схема» создания на территории Туркестанской Республики, Бухары и Хорезма Узбекской и Туркменской советских республик с передачей части земель, населенных киргизами (казахами) Киргизской АССР, нашла поддержку со стороны местных советских элит. Новый вариант национального самоопределения населения региона, воплотившийся в создании по этническому принципу ряда советских союзных и автономных республик и областей, стал своего рода компромиссом между большевиками и местной элитой. В первую очередь это относится к проекту создания Узбекистана, который ранее отсутствовал в национальном дискурсе. По мнению С. Абашина, Узбекистан для бывших джадидов представлял собой возможность реализовать проект, близкий к «Тюркской республике», своего рода «Малый Туркестан»; большевикам же, в свою очередь, было важно решить задачу ухода общетюркских мотивов на второй план³.

Однако уже на этапе подготовки проекта делимитации границ разгорелись территориальные споры между местными национальными элитами. В большинстве случаев размежевание рассматривалось ими как возможность

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 67.

² Akhmetova E. Pan-Islamism in Russia 1905–1930: an Analysis of its Origins. Features and Impact. A Thesis Submitted in fulfilment of the requirement for the degree of Doctor in Philosophy (History and Civilization). 2014. P.13

³ Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 208.

расширить территорию своей национальной республики за счет соседей¹, и основным обоснованием территориальных претензий становилась этничность населения той или иной территории, так что речь об общетюркском единстве уже не шла. Советское руководство, начиная со Среднеазиатского бюро и до центральных органов партии, вынуждено было выступать в качестве посредника и третейского судьи в этих спорах. На малочисленные народы региона, если они заявляли о своих национальной идентичности, и тех, кто оказался в результате размежевания оторванным от своей титульной республики, большевики распространили уже применявшуюся в других регионах практику создания национальных советов. Таким образом, национальные границы были прочерчены, по сути, до локального уровня.

Период с 1917 по 1924 г. по своей значимости в процессе формирования этнической, национальной идентичности, складывания современной государственности народов региона может быть сопоставим с распадом Советского Союза и приобретением полной суверенности республиками Центральной Азии. На фоне революций 1917 г. и Гражданской войны национальные процессы в Туркестане приняли очень форсированный характер. За исторически небольшой промежуток времени вопрос национального самоопределения эволюционировал от национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной республики до союзных республик в составе СССР, от проекта «Большого Туркестана», четко не оформленного в своих границах, до создания национальных советских республик на этнолингвистической основе. Центральная советская власть задавала рамки этого процесса с учетом своих идеологических и государственных интересов, но в то же время четко улавливала «импульсы снизу» и реагировала на них.

Результативность национальной политики РКП(б) заключалась в том, что партия во много благодаря политической гибкости и прагматизму Ленина не стала заложницей своих теоретических схем в национальном вопросе, а начала их корректировать, повышая значимость национального фактора по отношению к классовому. С приходом к власти создание национально-территориальных автономий и местных, советских этнолит, поддержка национальной культуры, языков народов РСФСР и позже СССР оформляются как долгосрочная стратегия большевиков в национальном вопросе.

¹ Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 235.

2.2. Роль башкирских красноармейцев и политработников в укреплении советской власти в центральноазиатском регионе России¹

Т.М. Аюпов

Революционные события 1917 г. оказали огромное влияние на все народы, населявшие Россию. Общая обстановка и политическое состояние в метрополии не могли не повлиять на процесс вовлечения в события революции и Гражданской войны населения восточных окраин страны. Их национальную элиту не устраивало ни свержение царя, ни демократизация политического строя, поскольку это ставило под вопрос ее собственные привилегии, сложившуюся модель взаимоотношений с властью, уверенность в способности государства выполнять свои обязательства в отношении иноверцев. Наиболее враждебно к революционным преобразованиям отнеслись религиозные мусульманские традиционалисты – кадимисты. Сепаратизм мусульманских регионов особенно усилился после октября 1917 г., когда к власти пришли большевики – своего рода «якобинцы российской революции»². В целом мусульманской общественностью России поначалу любая революция воспринималась как «чуждое и вредное новшество», против которого необходимо бороться. В связи с этим на первых этапах становления

советской власти российские мусульмане испытывали к ней некоторое недоверие. Однако борющиеся с большевиками белые генералы, пытаясь просто подмять под себя мусульманских автономистов и националистов, фактически оттолкнули их от себя.

В то же время советское правительство, опубликовав «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 22 ноября 1917 г., привлекло многих из них на свою сторону. Этому же способствовала деятельность видных революционеров из числа татар и башкир Мирсаида Султан-Галиева, Мулланура Вахитова, Шарифа Манатова и др.³ Все они в 1918–1923 гг. занимали ответственные посты в

Шариф Манатов.
Москва, 1920 г.

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Новейшая история стран Азии и Африки. XX в. : учебник. Ч. 1. М., 2001. С. 36.

³ Насиров Р. Башкорттар исеменэн // Ағизел. 1989. № 3. 134–135 б.

народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнаце) при правительстве Ленина и в ЦК РКП(б).

В марте 1918 г., когда крайне ослабленная советская власть искала поддержки, Наркомнац опубликовал декрет, согласно которому объявлял об образовании на части территорий Средней Волги и Южного Урала отдельной Татаро-Башкирской советской республикой в составе РСФСР. Однако уже II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока, состоявшийся в Москве, обнаружил разногласия между делегатами. Представители башкирского народа, боясь растворения внутри «тюрко-татарской» нации, высказались за автономию Башкирии, отдельную от Татарстана¹.

Несмотря на неясные формулировки и противоречия, обещание создать на такой огромной территории национальную республику воплощало в жизнь давнюю мечту многих мусульман России. Султан-Галиев намеревался превратить Казань и Уфу в центры восточного коммунизма, использовать Татаро-Башкирское государство как плацдарм для революционной экспансии во всей Азии. Он считал, что новая республика должна стать «очагом, революционные искры которого попали бы в самое сердце Востока»². Сознывая необходимость иметь собственные кадры, чтобы претворять в жизнь задуманное, его приверженцы попытались даже организовать новую административную структуру – мусульманскую организацию РКП(б).

Вместе с тем особое внимание уделялось вовлечению в дело защиты советской власти трудящихся коренных национальностей. Так, в 1918 г. Реввоенсовет Восточного фронта поддержал инициативу героя Гражданской войны В.И. Чапаева: из небольших отрядов татарской, башкирской и казахской бедноты был создан 1-й советский мусульманский полк, который влился в его легендарную 25-ю стрелковую дивизию³.

Главной формой работы с «инородцами» стало создание национальных воинских формирований, позволившее проводить изучение военного дела на родном языке. Учитывая это обстоятельство, Наркомнац еще в ноябре 1917 г. определил свободное группирование воинов по национальному признаку. В годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) несколько крупных воинских соединений Красной армии дала Башкирия.

Следует напомнить, что башкиры, в отличие от своих центральноазиатских единоверцев, прошли «закалку» в царской армии по закону о всеобщей воинской повинности 1874 г., в том числе на фронтах Первой мировой войны. Отличием от других национальных частей Красной армии было и то

¹ Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1955. С. 237.

² Султанбеков Б. Первая жертва генсека // Татарстан. 2005. №№ 7–8. С. 46.

³ Кисловский Ю.Г. Красные командиры. Алма-Ата, 1973. С. 22.

обстоятельство, что башкирские войска были сформированы в лагере белых.

В период наступления адмирала А.В. Колчака на Поволжье все силы комиссариата были брошены на Восточный фронт, где они работали в политотделах и штабах армии¹. Ими была проделана громадная работа в среде красноармейцев-мусульман. Серьезная агитация велась и среди мусульманских солдат белых армий, особенно среди башкир. Посылались подпольные работники, которые старались убедить башкирских солдат переходить на сторону советской власти. В большом количестве распространялись газеты и листовки. Руководила всей этой работой Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК).

Совещание ответственных работников восточных республик в г. Москве. 1922 г.
(обе фотографии из личного архива К.А. Манатова)

После перехода на сторону советской власти в марте 1919 г. большая часть башкирских войск в составе 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го стрелковых и двух кавалерийских полков была отведена в тыл и переформирована. Пунктом формирования новой группы войск был назначен г. Белебей, куда направлялись мобилизованные части и из других армий. В конце мая здесь начала форми-

¹ Тагиров И. Запоздалое издание // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 30–41.

роваться 2-я стрелковая башкирская бригада и кавалерийский полк под руководством комбрига Х. Ахмерова и начальника штаба З. Гареева¹. Из добровольцев-башкир были сформированы еще два стрелковых башкирских полка и кавалерийский дивизион.

Части состояли из коренного населения Еланского, Усерганского, Аргаяшского, Тамьян-Катайского и других башкирских кантонов. Большинство бойцов являлись фронтовиками. Вооружение их, кроме холодного оружия, состояло из трехлинейных винтовок и пулеметов системы «Максим». Лошади и седла были также башкирские.

Башкирские красные части имели командный состав, который выдвигался в гущу боевых событий с самых низов: из бывших офицеров и унтер-офицеров старой армии, а также просто опытных кавалеристов и пехотинцев. Не имея порой глубоких теоретических знаний ратного дела, они обладали сильной волей и большим патриотическим подъемом.

Осенью 1919 г., когда генерал А.И. Деникин угрожал Москве, а Н.Н. Юденич готовил удар по Петрограду, В.И. Ленин телеграфировал Башкирскому ревкому: «Сейчас, когда решающие победы Красной Армии на востоке обеспечили свободное развитие башкирского народа, решение Реввоенсовета Республики о переводе некоторых башкирских частей в Петроград приобретает исключительное политическое значение»². Вопрос об их передислокации под Петроград дважды обсуждался на заседании Совета труда и обороны, после чего 24 сентября того же года было принято решение перебросить к Петрограду 10 тысяч воинов-башкир. Они не замедлили явиться для защиты «колыбели революции» и своим героизмом в боях даже завоевали Красное знамя Петроградского совета³. При этом для башкирских частей при Петроградских пехотных и кавалерийских курсах открылись отделения, которые готовили командиров башкирской национальности.

В августе 1919 г. в Красную армию, окончательно порвав с белыми, влилась Отдельная Башкирская кавалерийская бригада (Башкавбригада) под командованием М.Л. Муртазина. Состав бригады был следующий: 1-й и 2-й кавалерийские полки, один пехотный дивизион при двух артиллерийских орудиях и восьми пулеметах⁴. Ее бойцы, действуя на левом фланге 4-й армии, осенью 1919 г. вели упорные бои с белоказаками в степях северного Казахстана.

¹ Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 2007. С. 115.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 44.

³ Ярмуллин А. Башкирские войска на защите Петрограда // Панорама Башкортостана. 2010. № 3. С. 38.

⁴ Военная история башкир: энциклопедия / гл. ред. А.З. Асфандияров. Уфа, 2013. С. 276.

В начале октября Башкавбригада была направлена на Туркестанский фронт – в район Илецка. Весь месяц с переменным успехом шли ожесточенные столкновения с уральскими казаками у населенный пунктов Акбулатское, Нефрашански, Миргородское. К концу октября части Илецкого корпуса генерала Толстого, не выдержав натиска красных сил, вынуждены были отступить в Джембейтинскую ставку. Не дожидаясь подхода пехоты, башкирские кавалеристы устремились вслед за казаками, не давая им перевести дух. 30 октября они внезапным ударом выбили казаков из своей ставки. После этого казачий корпус откатился к реке Уил, а дальше – на Гурьев, где остатки Уральской армии были окончательно разбиты¹.

Характерным тактическим способом действия башкирской конницы являлся обход обоих флангов противника, что всегда давало положительные результаты. Интересен был маскировочный прием при подходе к противнику – подведение эскадронов в виде табунов, прикрываясь стадами скота. При этом лошади башкирской породы показали особую выносливость по сравнению с другими породами лошадей из центральных губерний. Для достижения эффекта внезапности башкирские части также пользовались ночной темнотой. Башкирская кавалерия умело действовала и в комбинированном, и в пешем строю. Управление войсками чаще всего ограничивалось устными приказами, спускавшимися сверху вниз, что давало выигрыш во времени, так необходимый в боевых условиях.

Указывая на недостатки их боевой работы, комбриг М.Л. Муртазин отмечал, что не на должном уровне были поставлены службы разведки и связи, благодаря чему башкирские полки иногда попадали в очень тяжелое положение². Известный тому пример – окружение казаками башкирских полков у поселка Акбулак 10 октября 1919 г. в ходе Урало-Гурьевской наступательной операции.

От боев и эпидемии бригада понесла тяжелые потери. При передвижении армия неизбежно соприкасалась с населением, среди которого свирепствовал тиф. Из донесений в оперативный отдел штаба армии видно, что в ходе боев на Уральском фронте бригада в целом потеряла около 60% своего личного состава³. В конце 1919 г. она была отведена в с. Каргалы для «залечивания» ран.

Это совпало с разгаром внутренней борьбы этнополитических группировок (с одной стороны, «башкирской», «русской» и «татаро-башкирской»

¹ Ярмуллин А.Ш. Комбриг М.Л. Муртазин и боевой путь Отдельной Башкирской кавалерийской бригады (к 120-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. 2011. №1. С. 79.

² Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 2007. С. 179.

³ Военная история башкир: энциклопедия / гл. ред. А.З. Асфандияров. Уфа, 2013. С. 276.

– с другой) за организацию власти в Башкирии. Вмешательство в дела Башкирского правительства местных коммунистов привело в январе 1920 г. к открытому конфликту между Башревкомом и Башкирским обкомом РКП(б). После этих событий Москва решила ограничить самостоятельность Башкирской республики. В этой связи нахождение крупного национального воинского соединения вблизи ее границ вызывало серьезную обеспокоенность. Центром были приняты все меры, чтобы не допустить выступления М.Л. Муртазина, на что, по-видимому, рассчитывал Башревком¹. Удобным поводом для удаления Башкавбригады стала советско-польская война, с началом которой ее бойцов перебросили на Украину.

После разгрома основных сил Колчака связь РСФСР с Туркестаном была окончательно восстановлена, и Красная армия соединилась с имеющимися здесь революционными войсками. Весной 1920 г. ее части вышли к границе с Китаем. Перед красными кавалеристами встали новые задачи – борьба с отрядами мусульманских повстанцев – басмачей.

17 ноября 1919 г. Башкирский военно-революционный комитет направил телеграмму председателю ЦИК Туркестанской АССР следующего содержания: «Совет Башкирской республики шлет братский привет вождям пролетарской республики Туркестан. От всей души приветствует соединение оторванной в течение долгого времени Туркеспублики с Центром. Революция восторжествует на Востоке, и все уже существующие республики, народы Востока приложат все усилия дальнейшему шествию освобождения народов и укрепления Советской власти на Востоке. Башвоенревком от имени трудового башкирского народа заявляет, что в то время, когда наши воины гордо защищают столицу революции Петроград, мы собираем новые силы и принесем освобождение изнывающим народам Востока!»².

Для создания опоры в Ташкенте большевистскому правительству Туркестана, его глава Турар Рыскулов, в свою очередь, тоже просил Л.Д. Троцкого прислать именно башкирские полки³. Но в связи с их переброской на западный фронт на помощь защитникам советской власти в Туркестане пришли лишь несколько башкирских пролетарских отрядов. В составе 1-й армии Туркфронта была создана 1-я отдельная Башкирско-татарская кавалерийская бригада. В конце лета 1920 г. из Петрограда в распоряжение этой бригады прибыл эскадрон башкирских кавалеристов во главе с будущим

¹ Хамидуллин С.И., Таймасов Р.С. Образование «Большой Башкирии». Как это было. Уфа, 2008. С. 62.

² ЦГА КР. Ф. 89. Оп. 1. Д. 165. Л. 32.

³ Валиди Тоган Ахметзаки. История башкир / перевод с турец. А.М. Юлдашбаева. Уфа, 2010. С. 255.

прославленным полководцем Великой Отечественной войны М.М. Шаймуратовым¹. Им предстояло пройти боевой путь по горячим пескам от Оренбурга до берегов Каспийского моря.

Здесь им противостояла довольно сильная армия эмира Бухары, хорошо вооруженная и обученная английскими интервентами. Получая поддержку у бухарского эмира, повсеместно орудовали и многочисленные отряды ферганских басмачей.

Успехи Красной армии оказали революционизирующее влияние на широкие слои населения Бухарского эмирата. 23 августа трудящиеся Чарджоу первыми подняли восстание против деспотизма эмира и обратились к советской Туркестанской республике с просьбой о помощи. 29 августа Красная армия вместе с восставшими заняли Старый Чарджоу. Башкирско-татарская кавалерийская бригада, пройдя маршем по песчаным барханам, блокировала Каршинский вход в Старо-Бухарскую крепость. На другое утро начался ее штурм. 1 сентября красные полки ворвались в город. Операция, которой руководил непосредственно командующий фронтом М.В. Фрунзе, протекала в тяжелых условиях. Местность, пересеченная глубокими арыками, дувалами, насаждениями, стесняла действия красной артиллерии и кавалерии.

Эмир укрылся в своей резиденции – дворце, расположенном в центре Бухары. Последнюю цитадель красные войска взяли штурмом 2 сентября. И в этом снова отличились М. Шаймуратов и его земляки. Воспользовавшись непроглядной ночной тьмой, они взобрались по железной проволоке на стену крепости. Бесшумно покончив с часовыми, они открыли ворота своим. Спустя много лет Минигали Мингазович Шаймуратов припомнил этот случай на учениях бойцов 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, когда с молодыми воинами завязался разговор о роли физической закалки в бою².

Бухарская операция была очень важной: территория эмирата, глубоко вклиниваясь в пределы советского Туркестана, являла собой не только надежную опору внутренней контрреволюции, но и удобный плацдарм для нападения извне. Поэтому для ее успешного выполнения была привлечена также Ферганская группа войск, в том числе два полка Татарской бригады, уже прославившей себя в боях с басмачами.

Формирование 1-й Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады началось в марте 1919 г., когда на Средней Волге шло масштабное наступление белых сил. Комплектовалась она преимущественно из татар

¹ Вахитов Ф. По следам генерала. Новые штрихи к биографии генерала М.М. Шаймуратова. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=2395>.

² Генерал Шаймуратов. Уфа, 2010. С. 42.

Казанской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и Саратовской губерний¹. Отсюда получила свое условное название – «Татарская», хотя в последующем в ее состав зачислялись представители и других тюрко-мусульманских народностей – башкиры, казахи, узбеки, киргизы.

Так, начальником политотдела бригады был назначен уроженец Белебеевского уезда Уфимской губернии Карим Хакимов², впоследствии ставший известным дипломатом, внесший значительный вклад в установление добрых отношений между молодой Советской республикой и арабским миром. К тому времени он, башкир по национальности, уже был хорошо знаком с обычаями и менталитетом местного населения. Еще до начала Первой мировой войны, оставив учебу в медресе, К. Хакимов успел поскитаться по Средней Азии и даже поработал на шахте г. Канибадама (территория нынешнего Таджикистана).

Татарская бригада на защите г. Джалал-Абада. 1920 г.

Политработники бригады выполняли две взаимосвязанные задачи: воспитание морально-политических и боевых качеств у личного состава частей и оказание помощи местным военкоматам, партийным организациям в проведении политико-воспитательной работы среди коренного населения. Решать поставленные задачи было трудно, так как во всех подразделениях Татарской бригады, дислоцированных в Ферганской области, насчитывалось 48 политработников, а гарнизонов – более трех десятков³.

¹ Юсупов Г. Под знаменем революции // Советская Татария. 1959. 29 марта.

² Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 616.

³ Кунин А.И. Южная Киргизия в годы гражданской войны (1918–1920). Фрунзе, 1981. С. 87.

Вот что вспоминал о «сражениях» на культурном фронте один из очевидцев тех событий: «Разбив врага с военной стороны, казанцы всю свою культсилу направили на общественную сторону. С приходом казанцев фактически военное положение снималось и во всех, как больших городах, так и маленьких станциях, шли постановки при участии и местного населения»¹. Агитационные постановки революционных пьес драматического коллектива, находившегося при бригаде, хотя и были малохудожественными, но при этом весьма актуальными.

В 1918–1919 гг. в фронтовых театрах при политотделах 1-й армии начала свою карьеру одна из первых башкирских актрис Е.А. Шляхтина-Сыртланова, позже удостоенная звания заслуженной артистки Башкирской АССР². Для местных мусульман, конечно, было неслыхано, чтобы женщина играла на сцене. Но, возможно, именно эти спектакли на татарском языке стали первым толчком к развитию национального театра.

Командование и штаб Татбригады. Андижан, март 1920 г.
(обе из фондов Джалал-Абадского историко-краеведческого музея)

Надо сказать, что отношение даже некоторых басмачей к красноармейцам – татарам и башкирам было иное, нежели к русским. Об этом ярко свидетельствует случай, когда командир одного из крупных басмаческих отрядов Парпи в ходе боя у с. Уч-Козы захватил в плен роту красноармейцев из Татбригады. Сытно накормив пленников и подарив каждому по халату, он

¹ Цит. по: Ярков А.П. Татары и башкиры в Кыргызстане: историко-культурный портрет. Ч. 1. Бишкек, 1996. С. 107.

² Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 646.

заявил, что все они мусульмане и воевать между собой им не следует. Утром следующего дня они были посажены на арбы и под охраной отправлены в Андижан¹.

Еще одним из национальных воинских формирований, сыгравших большую роль в разгроме основных сил басмачей в Ферганской долине, стал Кара-Киргизский кавалерийский дивизион. 95% его состава были киргизы, а их главным наставником и боевым командиром являлся Сулейман Кучуков, проходивший по документам как башкир.

Относительно смены его национальности есть несколько версий. По одной из них, в десять лет, приехав с отцом на ташкентский базар, он потерялся. Подобрал его богатый купец-башкир, промышленявший лошадьми. Бездетный, тот усыновил смышлёного киргизского мальчишка, а когда пришло время, устроил в Оренбургский кадетский корпус².

Сулейман Кучуков. 1915 г.

В мае 1920 г. дивизион отличился в наступлении на басмачей, закрепившихся на Памиро-Алае. Высоко оценивая героизм всех бойцов, М.В. Фрунзе издал приказ по Туркестанскому фронту, в котором отмечалось: «В половине минувшего мая обстановка потребовала направления в Алайскую долину особого отряда для разгрома сосредоточившихся там басмаческих шаек. Несмотря на то, что поход пришлось совершать по высокому Алайскому хребту, неоднократно проходить по крутым, каменистым перевалам при тяжелых климатических условиях, пробивая себе дорогу боем, отряд блестяще выполнил свою задачу, разметал всю басмаческую организацию и гнал ее остатки до бухарского города Гарма. «Особой лихостью и энергией, – писал

М.В. Фрунзе в этом приказе, – отличился Кара-Киргизский дивизион, показавший себя отлично сплоченной, дисциплинированной и вполне надежной частью. Считаю для себя приятным долгом отметить столь беззаветно доблестную службу конного отряда и объявляю всему командному составу и товарищам красноармейцам самую сердечную благодарность...»³. Приказ был объявлен во всех ротах, эскадронах, батареях и командах красноармейских частей Туркестанского фронта.

¹ ООГА ПД. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

² Кунин А.И. Под алым стягом Октября. Фрунзе, 1985. С. 49–50.

³ История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Фрунзе, 1986. С. 205–206.

17 октября 1923 г. приказом Реввоенсовета СССР С.Ю. Кучуков был удостоен высшей награды революции – ордена Красного Знамени. На Ферганском фронте даже ходил рассказ, что после Алайского похода М.В. Фрунзе, якобы, лично снял со своей груди орден Красного Знамени и прикрепил его на грудь Кучукова¹.

Демобилизовавшись из армии по ранению, С.Ю. Кучуков заведовал рядом государственных конюшен на юге Киргизии. Затем стал управляющим Государственным табунным коневодством Туркестанской АССР, чья задача состояла в обеспечении армии лошадьми, выращенными в степи, под открытым небом. Этот метод привлекал своей дешевизной, а лошади должны были приобретать качества, нужные боевому коню: выносливость и неприхотливость. Параллельно он вел большую селекционную работу, писал книгу о коннозаводстве. С ним же связывают открытие Ташкентского ипподрома.

Примечательно, что первая выставка породистых лошадей в Ташкенте была устроена 10 октября 1920 г. в рамках проводимой Всеобучем Туркестанской республики I Среднеазиатской олимпиады. В ее программу вошли состязания по легкой и тяжелой атлетике, гимнастике, футболу, теннису, стрельбе, велосипедному и мотоциклетному видам спорта. Особое место было уделено конному спорту, который был представлен массой разновидностей: скачками (гладкие и барьерные), джигитовкой, рубкой, «козлодранием» и т. д. Для участия в состязаниях были направлены также посланцы Казахской, Татарской и Башкирской республик².

В марте 1921 г. по приказу РВСР башкирский конный дивизион в составе двух эскадронов (в количестве 300 сабель, при одном пулемете) был направлен на подавление вспыхнувшего контрреволюционного восстания в Петропавловск (Северный Казахстан). Здесь он поступил в распоряжение 2-й кавалерийской дивизии и в течение целого месяца в районе города вел бои с восставшими казаками, чем способствовал скорой ликвидации очага выступления.

Нужно заметить, что ранее уроженцы башкирской земли уже отличались при освобождении Петропавловска от колчаковцев. Среди героев Абдулла Мугинов, Фазыл Уразбахтин, Камал Китабаев, Фатых Исмагилов и другие бойцы 5-й армии, руководимой М.Н. Тухачевским³.

После подавления восстания в Петропавловске дивизион был отведен в резерв и разбит поэскадронно по полкам дивизии. Это был последний эпизод участия башкирских красных частей в Гражданской войне на территории центральноазиатского региона.

¹ Волков К., Польшковский М. Фаэтон со звездой: повесть. Ташкент, 1968. С. 59.

² ГАНО РУз. Ф. 243. Оп. 1. Д. 25. Л. 149.

³ Татары на севере Казахстана (история и современность). Петропавловск, 2004. С. 29.

Многие бойцы татаро-башкирских частей после окончания войны осели в Бухаре, Хиве, Ташкенте, Верном, Пишпеке, Джалал-Абаде¹. Такое количественное и качественное увеличение их диаспоры в регионе не могло не сказаться на активизации работы по ликвидации безграмотности. С другой стороны – местные партийные и советские органы рассчитывали на татар и башкир из числа бывших красноармейцев как на кадры, более подготовленные к политической работе в «туземной» среде, чем европейцы.

Семья отставного красноармейца-башкира. Киргизская ССР, с. Кочкор, 1928 г.

Именно так в Киргизии, к примеру, оказался уроженец д. Толпарово Гафурийского района Башкирии Джумагул Исхакович Чакаев (настоящее имя – Юмагул Ишимбетов)². Он служил в Туркестане под командованием М.В. Фрунзе, там женился на девушке-киргизке. Его сын – Апас Джумагулов стал выдающимся киргизским государственным и партийным деятелем, дипломатом, ученым-геологом и бизнесменом.

¹ Джалал-Абадский историко-краеведческий музей. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154. Л. 17–20.

² ПМА. Россия, Томская область, г. Томск, ноябрь 2015 г. (информант: С.И. Ермакова, 63 года, башкирка, пенсионерка).

В последующем Центр продолжил целенаправленно внедрять как можно больше представителей татарского и башкирского народов для работы в партийных и советско-хозяйственных органах Туркестана, Бухары и Хорезма. Посланцы Башкирии приняли активное участие в социалистическом строительстве в регионе в условиях мирного времени. Хотя это понятие для республик Центральной Азии в то время было весьма условно: вооруженные выступления басмачей местами продолжались вплоть до начала 1930-х гг.

По мнению узбекского исследователя А.Н. Расулова, активная мобилизация кадров из татар и башкир в управленческую систему Туркестана была обусловлена еще и стремлением Москвы элементарно спасти их от голода, особенно поразившего Поволжье и Приуралье¹. Число «командированных» с каждым днем только увеличивалось. Если в августе 1920 г. их количество составляло около 100 человек, то уже в сентябре-октябре оно увеличилось более чем вдвое.

В поисках пропитания творческая интеллигенция из Урало-Поволжского региона вынуждена была присоединяться к различным научным экспедициям. Возможно, по этой причине в 1921 г. как сотрудник отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса в экспедиции по Туркестану принимал участие Касим Девлеткильдеев. Экспедиция была организована музеем Народов Востока для сбора произведений народного искусства. В ходе поездки первый профессиональный художник-башкир создал ряд интересных произведений. Среди них – карандашный рисунок «Развалины мечети Биби-Ханум»². Авторская подпись на нём свидетельствует о том, что он был исполнен в Самарканде 12 июня 1921 г. Тонкая, одухотворённая структура рисунка передаёт трепетность восприятия художником увиденного, утверждает незыблемую красоту архитектурного творения древних мастеров. К слову, в 1927 г. с экспедиции по изучению узбекских говоров в Туркестан выезжала старшая сестра Девлеткильдеева, тюрколог Фатима³.

В 1921–1928 гг. на партийной работе в Узбекистане находился башкирский пролетарский писатель Афзал Мухитдинович Тагиров. Проработав год в Самарканде, в отделе народного образования, в июне 1922 г. по личной рекомендации В.В. Куйбышева он был переведен в Хорезм⁴. Там Тагиров

¹ Расулов А.Н. История взаимоотношений народов Туркестана, Поволжья и Приуралья (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2005. С. 30.

² Сорокина В.М. Выставка к 130-летию художника Касима Давлеткильдеева. URL: <https://poufe.ru/localanons.php?eventcode=9753>.

³ Дашкина Ф. Слово о мусульманских феминистках // Стерлитамакский рабочий. 2015. 12 авг.

⁴ Басырова Л. Смысл жизни // Возвращенные имена / сост. Г.Д. Иргалин, Е.П. Асабин. Уфа, 1991. С. 222.

работал заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК Хорезмской компартии (ХКП), председателем ее Центральной Контрольной комиссии, организатором и директором первой республиканской партийно-советской школы. Одновременно был редактором газеты «Инқилоб куёши» («Солнце революции»), где и сам много печатался на узбекском языке под псевдонимом А. Тахри.

Именно в эти годы А.М. Тагиров сложился как зрелый писатель. О Хиве, о людях, которые боролись за установление советской власти в Хорезме, он рассказал в повести «Протоки могучей реки». В ней разносторонне показаны представители различных народов, воюющие за общее дело: башкир Кусяров, русский Иванов, татарин Ахметьянов, казах Сарсен, многочисленные узбекские дехкане, труженики-каракалпаки. Автор активно пользуется портретными деталями и речевыми оборотами, раскрывающими характерные этнические черты. Но самое главное в раскрытие образов является показ их взаимопомощи, единства взглядов, проявляющихся в процессе общей борьбы¹. С Хорезмом связано и другое произведение А. Тагирова – «Рыжий мулла».

В марте 1922 г. в Хиве был открыт народный театр с залом на 1000 мест, который неоднократно ставил его комедию «Чалварсиз» («Без брюк»)². Он был инициатором создания местного кружка писателей. Не без его стараний в Хорезме был организован спортивный комитет, появилась первая футбольная команда. За свою успешную работу Афзал Тагиров в числе первых был награжден орденом Труда Хорезмской Народной Советской республики³. Так совпало, что обе официальные делегации Хорезмской республики в Москву возглавляли также деятели башкирской национальности: в 1922 г. – Махмуд Мусаев, в 1924 г. – Ахат Усманов⁴. Первая делегация вручила В.И. Ленину хорезмский орден Труда за №1, вторая – приняла участие в его похоронах...

Важной составной частью плодотворного сотрудничества являлось обучение башкирской молодежи в Туркестане. В соответствии с договоренностью между ТуркЦИК и Представительством БашЦИК в местных учебных заведениях бронировались места для молодежи из Башкирии. Весной 1921 г. А. Усманов поступил в институт им. Тимирязева в Ташкенте, но не успев там поучиться, записался в добровольческий отряд, направлявшийся на оборону Маргелана от басмачей. Затем, поступив в распоряжение нарко-

¹ Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. М., 1979. С. 91.

² Басырова Л. Смысл жизни // Возвращенные имена / сост. Г.Д. Иргалин, Е.П. Асабин. Уфа, 1991. С. 223.

³ Собиров О.С., Қозоқов Э.Қ. Хоразм тарихидан лавҳалар. Урганч, 1992. 42 б.

⁴ Басырова Л. След Ахата... // Правда Востока. 1991. 5 марта.

мата продовольствия Туркестана, был направлен в Чимбайский уезд Амударьинской области на должность заведующего общим отделом Упродкома. Позже, оказавшись в Хорезме, он сначала поработал в партийной школе, организованной А. Тагировым, а в 1923 г. был назначен заведующим общим отделом ЦК ХКМ(б), участвовал в подавлении антисоветского мятежа. С 1926 г. А. Усманов – секретарь Хорезмского обкома Компартии Узбекистана. Спустя два года он умер в Самарканде во время вспышки эпидемии холеры. Ему было всего 26 лет.

После окончания Казанского экономического техникума летом 1927 г. в Ургутский район Самаркандской области был направлен Гаяз Фаттахович Аширов – уроженец Бугурусланского уезда Самарской губернии¹. Здесь он сначала поступил на службу в местный кооперативный союз, где несколько лет проработал на разных должностях: счетоводом, инструктором-организатором, переводчиком, управделами, заведующим отделом и членом правления. Затем его назначили ответственным секретарем Ургутского райисполкома. Довольно быстро освоив узбекский язык, он стал регулярно публиковать в местной газете актуальные экономические заметки и зарисовки на злобу дня. После нескольких лет сотрудничества в качестве внештатного селькора республиканской газеты «Кизил Ўзбекистон», ему предложили стать ее официальным корреспондентом по Кокандскому району Ферганской области. Побыв в Коканде несколько месяцев, в 1933 г. получил новое назначение – заведовать Самаркандским отделением этой же газеты. В эти годы ему довелось сопровождать в поездках по области таких известных людей, как: Ю. Ахунбабаев, Г. Гулям, П. Павленко, С. Эйзенштейн и др.

Аглей Мансуров. Конец
1940-х гг.

Среди партийных вожаков Средней Азии значится имя еще одного посланца Башкирии – Аглея Мисбаховича Мансурова. В 1932–1934 гг. он являлся секретарем парткома Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), затем был переведен на должность заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Киргизского обкома партии. В 1935 г. его назначили секретарем Кугартского райкома Компартии Киргизии. В годы войны работал директором республиканской партийной школы во Фрунзе².

Знавшим его людям он запомнился как большой труженик. Уже гораздо позже, защитив в Москве кандидатскую диссертацию по экономике,

¹ Назарьян Р. Башкирский сын Узбекистана // Леди. 2008. № 39. С. 20.

² ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 108. Д. 1252. Л. 1–17.

он стал уважаемым преподавателем Киргизского государственного университета, авторитетным воспитателем молодежи.

Установившаяся в стране к началу 1930-х гг. административно-командная система и начавшиеся массовые репрессии не обошли стороной «старых» большевиков и героев Гражданской войны. По обвинению в «буржуазном национализме» и «валидовщине» были арестованы, а позже и расстреляны многие замечательные представители башкирского народа, как Ш.А. Манатов, К.А. Хакимов, А.М. Тагиров, М.Л. Муртазин и др.¹ Парадокс заключался в том, что большинство из них являлись политическими антиподами лидера Башкирского национального движения А.З. Валидова, оставаясь до конца жизни убежденными коммунистами. В условиях всеобщей подозрительности и недоверия их огромный авторитет среди земляков вызывал озабоченность органов госбезопасности, которые стали раздувать миф об участии в готовящихся антисоветских восстаниях. Тот же Муса Муртазин, который к тому времени уже давно находился на учебе в Академии Генштаба РККА в Москве, в доносах «сексотов» выступался открытым контрреволюционером, который «если захочет, сможет легко привлечь под свое начало 20–30 тысяч вооруженных человек»².

Таким образом, башкир, как и другие народы России, в годы Гражданской войны раскололо разделение на «белых» и «красных». Они сыграли неоднозначную роль и в ожесточенной «классовой» борьбе, развернувшейся в центральноазиатском регионе после Октябрьской революции.

С одной стороны, известия о том, что собранный в Оренбурге в ноябре 1917 г. Всебашкирский курултай объявил автономию – оказали влияние не только на усиление общественной активности мусульман в целом, но и рост сепаратистских настроений в Туркестане. А.-З. Валидов, не согласившись с ограничением прав Башкирии, в июне 1920 г. полностью прекратил сотрудничество с большевиками и уехал в Бухару, став одним из главных идеологов и организаторов басмаческого движения³.

С другой стороны, башкирские красные части сыграли активную роль в борьбе за утверждение там советской власти, участвовали во многих боевых операциях Красной армии, содействовали разгрому основных сил уральских белоказаков и ферганских басмачей, а также в ликвидации деспотического режима бухарского эмира. Выбывшие из армии по демобили-

¹ Живая память / автор-сост. М.М. Утябаева. Уфа, 2009. С. 11, 18.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 8237. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.

³ Паксой Х. Заки Валиди Тоган о басмаческом движении // Ватандаш. 2002. № 11. С. 47.

зации командиры и бойцы дали отличных партийных работников и специалистов агитполитпросвета, что для молодой Туркестанской республики было особенно важно и ценно.

Советская власть придавала большое значение разъяснению и претворению в жизнь новой национальной политики среди народов восточных окраин страны. Важная миссия при этом возлагалась на мусульманские кадры Красной армии. Татаро-башкирские полки сыграли здесь выдающуюся роль. Родственные местному населению по языку, культуре и религии, они явились большой политической силой, оказавшей значительную помощь местным партийным и советским органам в проведении первых «социалистических преобразований». В результате, к концу 1922 г. все мусульманские регионы Российской империи были присоединены к возникшему на ее месте Союзу Советских Социалистических Республик. Активное же участие башкир в социальных катаклизмах начала XX в. привело к уменьшению численности этноса в общей сложности почти на треть¹.

2.3. Раскрепощение мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.)²

С.А. Шерстюков

Одной из самых амбициозных и вместе с тем одной из самых сложных задач, которую пытались решить большевики в ходе осуществляемых ими преобразований в Центральной Азии, была политика, направленная на «раскрепощение» мусульманских женщин. Изменения в этой сфере начались раньше – в предшествующий период истории региона имперские власти в Туркестане и джаиды пытались (с разной степенью успеха) осуществить меры, которые изменили бы положение женщин. Усилия большевиков следует рассматривать в свете этого опыта, тем не менее, кампания по «раскрепощению» женщин, которую начали большевики, являлась беспрецедентной, если оценивать ее с точки зрения поставленных целей, способов их воплощения и мобилизованных для этого ресурсов. Эта кампания встретила мощное сопротивление не только в социальных группах, которые изначально рассматривались как враждебные новой власти, но неоднозначную и часто негативную реакцию тех сил, которые являлись (или, по крайней мере, могли считаться) ее сторонниками. Столкнувшись с невозможностью остаться в стороне от масштабного социального эксперимента, одни люди стремились выработать практики адаптации к осуществляемой политике,

¹ Кульшарипов М.М. Трагическая демография. Уфа, 2002. С. 10.

² Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

другие – искали способы сопротивления ей, впрочем, между сопротивлением и адаптацией не было непроходимой границы. И первые, и вторые были крайне разнообразны, менялись во времени и зависели от множества факторов. Между двумя полюсами – активным сопротивлением и активной поддержкой было множество промежуточных форм, которые часто ускользали от исследовательского внимания.

Американский антрополог Джеймс Скотт, исследовавший в своей работе¹ усилия государства, направленные на преобразование общества, описал практики, благодаря которым общества делались «читаемыми», видимыми для взгляда представителя государства, и методы картографирования общества и его ресурсов для нужд управления. Но кроме этого, он показал и практики сопротивления, «оружие слабых», причины систематических неудач государства по переустройству общества². Нами исследуются практики адаптации и стратегии сопротивления, возникшие на местах в ответ на усилия советского государства, направленные на «освобождение» мусульманских женщин в Центральной Азии. Особое внимание при этом уделяется тем формам сопротивления, которые Д. Скотт охарактеризовал как «оружие слабых».

Историография изучения «женского вопроса» в Центральной Азии включает работы советских этнографов и историков, западных советологов и современные работы, многие из которых написаны в рамках постколониальных исследований.

Советской политике в отношении женщин в Центральной Азии посвящено значительное число работ западных исследований. В то же время западные авторы по целому ряду причин часто оставляли без внимания не только многочисленные работы по данной тематике, опубликованные в советский период, но и работы, опубликованные в постсоветское время на русском языке и языках народов центральноазиатского региона. Западная историография и выработанные в ней подходы, с другой стороны, недостаточно учитывались (или совсем не учитывались) исследователями из Центральной Азии и России. Таким образом, разные историографические традиции и школы мысли существовали, параллельно друг другу, почти не пересекаясь³.

Однако ситуация меняется, а исследования последних лет вряд ли целесообразно разделять на «западные» и «незападные» – линии разделения

¹ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.

² Волков В.В. Государство, или Цена порядка. СПб., 2018. С. 123.

³ Подробнее см.: Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // Central Eurasian Studies Review. 2009. Vol. 8.1. P. 2–13.

теперь проходят в другом месте, и связаны они с несовпадающими методологическими подходами и концептуальными аппаратами разных авторов. В частности, в центре дискуссий авторов, работающих в рамках постколониальных и гендерных исследований, находится проблема колониализма и трактовки колониализма и колониальности при анализе российской и советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Они утверждают, что колониализм подчеркивает разрыв между женщинами метрополии и женщинами периферии, когда колонизирующие государства создают новые формы гендерного неравенства, которые усиливают доминирование колонизаторов над колонизированными (А. Эдгар, Д. Нортроп, М. Глостанова, О. Зубковская)¹. Другие авторы, признавая, что колониализм влиял на гендерную динамику (М. Бадран, Д. Кандиёти), указывают, однако, что колониализм не был монолитным, а порожденное им культурное сопротивление варьировалось в зависимости от контекста, империй и ранее существовавших традиций колонизированных обществ².

Оценка советской политики в отношении женщин в Центральной Азии зависит от того, как исследователи трактуют СССР. Дискуссия о том, можно ли считать СССР империей, начавшаяся несколько десятилетий назад, то оживая, то затухая, продолжается и сегодня. Частью этой дискуссии являются споры по поводу того, применимы ли подходы и концепции, выработанные в рамках постколониальных исследований, к изучению исторического опыта СССР³. Ряд авторов в этой связи исходят из тезиса о том, что СССР был «необычной» империей или даже вовсе не империей, а скорее

¹ Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // *Central Eurasian Studies Review*. 2009. Vol. 8.1. P. 4; Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet "Emancipation" of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*, 2006. 65 (2): 252–272; Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law // *Slavic Review*. 2001. 60 (1) 115–139; Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004; Глостанова М.В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М., 2009; Зубковская О. Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: Дилеммы применения // *Ab Imperio*. 2007. №1. С. 395–420.

² Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // *Current Sociology*. Sep 2016, Vol. 64. Issue 5, P. 718–719; Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D (ed.) *Women, Islam, and the State*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. P. 201–236; Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // *Central Asian Survey*. 2007. 26(4): 601–623.

³ См.: Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 34. № 2. P. 279–297; Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

мобилизационным модернизирующимся государством¹. В качестве примера можно назвать, в частности, известную работу Т. Мартина, определившего СССР как империю «положительной деятельности»². Другие, как Ф. Хирш, писали о СССР как «империи наций»³. Д. Нортроп, посвятивший работу исследованию гендера и власти в сталинской Центральной Азии, использовал в ее названии образ «Veiled Empire»⁴, который на русский язык переводят обычно как «империя под паранджой» или «империя в парандже»⁵. Д. Нортроп утверждал, что Узбекистан следует рассматривать «в рамках более широкой истории политической власти и культурных изменений при колониализме» из-за неравных отношений между центром и периферией и всепоглощающей одержимости большевиков преодолением «отсталости» частной жизни в Центральной Азии⁶. М. Камп, напротив, подчеркивает в своем исследовании, что советская политика в отношении узбекских женщин была вовсе не «имперской», а типичной для модернизирующегося государства двадцатого века⁷.

Многие исследователи, работающие в рамках постколониальной парадигмы, обращают внимание на неоднозначные и противоречивые результаты советской гендерной политики. Так, исследовательница Ю. Градскова, оценивая данную политику, пишет, что «иные проекты модернизации общества, в том числе альтернативные проекты женской эмансипации, были вытеснены и запрещены, а само “освобождение”, несмотря на его очевидные и многократно описанные советскими историками достижения, оказалось одновременно разновидностью подавления и манипулирования различиями»⁸.

¹ Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа / практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 201.

² Мартин Т. Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

³ Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London, 2005.

⁴ Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY, 2004.

⁵ Кузнецова С.И. Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. – XVII, 392 p. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2007. №1. С. 102–109.

⁶ Цит. по: Edgar A. *Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet ‘Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective*. *Slavic Review*, 2006. 65 (2). P. 255.

⁷ Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle and London, 2006.

⁸ Градскова Ю. Свобода как принуждение? Советское наступление на “закрепление женщины” и наследие империи (середина 1920 – начало 1930-х гг., Волго-Уральский регион) // *Ab Imperio*. 2013. №4. С. 139.

Ряд исследователей писали о том, что политику по «раскрепощению» женщин в Центральной Азии нельзя рассматривать только с точки зрения давления государства и сопротивления общества. Ситуация была гораздо более сложной, так как данная политика глубоко расколола местные общества, получала поддержку и вызывала сопротивление в самых неожиданных местах. Однако в самом сложном положении оказались женщины, поставленные перед необходимостью выбора, который не только потенциально открывал для них новые возможности, но и был сопряжен со смертельным риском.

Одним из следствий кампании по «раскрепощению» женщин, начатой ВКП (б), стало появление в советском праве и судопроизводстве новой категории преступлений – «преступлений против раскрепощения женщин». К данной категории относились не только такие преступления, как убийство, изнасилование, избиение, но криминализованные советским законодательством практики, связанные с созданием семьи (калым, заключение браков с несовершеннолетними, похищение женщин и т.д.), определяемые отныне как «пережитки феодальных отношений». Борьба с «пережитками» на долгие годы превратится в магистральное направление советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Одним из способов этой борьбы было ужесточение наказаний за подобные преступления. Так, например, в постановлении ЦИК СССР «Об усилении мер социальной защиты за убийство женщин в связи с их раскрепощением», принятом 23 февраля 1930 г., рекомендовалось «...разъяснить ЦИКа́м союзных республик, что за убийство женщины, если точно установлено, что убийство произошло на почве раскрепощения женщин, может применяться ст. 8 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных)»¹.

Насилие в отношении женщин являлось неотъемлемой частью тех норм, против которых боролась власть, вместе с тем в ходе этой борьбы сама власть широко использовала насилие. Стандартным ответом мужчин на попытки власти «раскрепостить» женщин было насилие, главной жертвой которого становились женщины. Таким образом происходило раскручивание спирали насилия. Столкнувшись с насилием, общественным порицанием и травлей, многие женщины совершали самоубийство.

Хотя те, кто совершал преступления против «раскрепощения женщин», обычно определялись государственной идеологией как «классовые враги», распространенность этих преступлений и трудность борьбы с ними была обусловлена отчасти тем, что те, кто совершал данные преступления и те, кто должен был наказывать за них, часто не рассматривали эти действия ни как преступные, ни как «классово враждебные», руководствуясь совершенно иной логикой и иными представлениями о допустимом и запретном.

¹ Кузнецова С. Пионервожатый женился на пионерке // Коммерсантъ Власть. 2010. № 15 (869). С. 56.

То, как «работала» эта логика, показывает случай убийства жены собственным мужем, который описала в своих воспоминаниях Е. А. Росс, занимавшая партийной работой среди женщин в регионе: «Одна из первых слушательниц партшколы стала первой жертвой в борьбе за раскрепощение женщин-мусульманок. Среди белого дня в саду общежития партшколы муж убил свою молодую жену и явился в женотдел с заявлением об этом. – Джинотдел (баи злобно называли женотдел «джинотделом» от слова «джин» – злой дух), обратился он к нам, – я за жену заплатил калым, учиться ей не разрешил, а она ушла. В школе она разговаривала с мужчиной, потеряла стыд, забыла адат – вот я ее и убил. Этот туркмен был твердо уверен в своей правоте и искренне удивился, когда его арестовали. – Кадий меня судить не будет. Адат велит убить такую жену, – твердил он»¹.

Культурная революция на советском Востоке включала в себя массовую кампанию против «феодалных обычаев», которая началась в 1927 г. с борьбы против ношения женщинами паранджи². Даже представители партии на местах, которые должны были выступать активными проводниками преобразований, зачастую закрывали глаза на нарушения советских «бытовых декретов» или сами нарушали их. Снятие паранджи символизировало «большевизацию» Центральной Азии, «худжум» просеивал кадры коммунистов, пришедших к власти в процессе коренизации. Каждый мусульманин – член партии, комсомола или советского аппарата должен был показать «личный пример» следования новым советским нормам семейной жизни. Отказ от снятия паранджи рассматривался как проявление «феодално-буржуазной идеологии» коммуниста. Таких обвинений было достаточно для разоблачения скрытых «классовых врагов» и их исключения из партии. Так «гендерная практика становилась главным языком большевизма в Узбекистане»³. Резолюция I съезда компартии Узбекистана от 25 февраля 1925 г., с одной стороны, показывала решимость партии бороться за то, чтобы ее представители придерживались новых, советских норм в их собственной семейной жизни (и продвигали их), а с другой – фактически признавала массовое нарушение этих норм: «С настоящего съезда партии необходим решительный переход к практическому проведению в жизнь декретов Советского правительства и предъявлению в первую очередь требований примерного выполнения их членами партии, членами КСМ и особенно ответственными работниками: 1) широкие общественные суды над грубыми нарушителями этих декретов; 2) непрепятствие со стороны членов

¹Цит. по: Вагабов М.В. Ислам и женщина. М., 1968. С. 102.

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 218.

³ Кузнецова С.И. Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии... С. 103–104.

партии и комсомольцев учиться и участвовать в общественной и государственной жизни своим женам, матерям и сестрам, привлечение к агитационно-пропагандистской работе жен ответственных работников; 3) при переводе кандидатов в члены партии учитывать момент многоженства, женитьбы на малолетних и калым»¹. Однако и позднее ситуация в этой сфере мало изменилась. Об этом свидетельствует, например, доклад «секретарей ЦК ВЛКСМ Сталину о выступлениях на съездах женской молодежи национальных республик» 1936 г.: «Съезды показали, сообщалось в нем, что во многих случаях комсомольские активисты сами нарушают советское законодательство о правах женщин. То же самое можно отнести и к поведению целого ряда коммунистов в национальных республиках и областях»².

Партийные и советские работники не только совершали преступления против «раскрепощения» женщин, но и иногда выступали с критикой самой политики, направленной на «освобождение» женщин. Это показывает, в частности, «список советских и партийных работников, совершивших преступления против раскрепощения женщин», направленный в 1927 г. заведующей отделом работниц и дехканок Средазбюро ЦКВКП(б) С.Н. Шимко в органы государственного и партийного контроля. Так, в данном документе отмечалось, что начальник городской милиции Джелал-Абада Батыров вскоре после начала кампании по снятию паранджи заявил, что «он скорее оставит советскую службу, чем откроет свою жену»³.

Оставление службы (работы), выход из профсоюза являлись одной из форм протеста против политики «раскрепощения» женщин. Абдулла Ага Маджитов, кассир магазина Узбекторга в Шахрисабзе, «в разговоре с совработниками заявил: я постараюсь выйти из профсоюза, потому что по линии профсоюзов предлагают открыть жен. Предлагал передавать в кишлаки чтобы все, кто не хочет открывать жен, выходили из состава членов союза Кошчи, Батрачкома и т.д.»⁴.

Анализ упомянутого документа свидетельствует, что отказ подчиниться новым нормам объяснялся по-разному – это могли быть апелляции к общественному мнению или мнению «влиятельных лиц», указания на недостатки в политике большевиков или, что встречалось довольно часто, перекладывание мужчинами ответственности на самих женщин. Так, Махмуд Шараров, помощник заведующего кооперативом, в разговоре с некоторыми торговцами заявил, что он «отказался раскрыть жену, так как ему тогда не

¹ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана. (1917–1936 гг.): Сборник документов и материалов. М., 1971. С. 60–61.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 734. Л. 99.

³ РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21.

⁴ РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22.

будет доверия от влиятельных и авторитетных лиц»¹. Султан Кары, заведующий вакуфным отделом Хорокруга, «запретил своей жене выходить на улицу открытой, а в разговорах всем говорит, что его жена нипочем не хочет открыться»². Мирзабай Карабашев из Ферганы заявил, что «власти следовало бы сначала предоставить работу всем безработным мужчинам, а потом уж, если бы не хватило мужчин, привлекать и мужчин и женщин»³. Данные объяснения отчасти помогают прояснить логику, которой руководствовались те, кто выступал против политики «раскрепощения» женщин, и аргументы, которые они применяли для критики (и отказа) подчиняться этой политике. Однако «преступления против раскрепощения» женщин совершались не только мужчинами, но и женщинами, использовавшими свое положение в советских органах власти. Так, в упомянутый уже список была включена завженотделом в Шарихане Адамьят Бабаджанова, которая, как сообщалось в документе, «занимается сводничеством, получая за это от мужчин деньги или подарки»⁴.

Исследователь Г. Массель писал о том, что реакции мусульманских женщин и мужчин на административные и правовые действия советской власти в сфере «раскрытия» женщин были чрезвычайно разнообразными⁵. «В целом можно сказать, отмечает он, что реакция женщин варьировалась от того, что можно было бы охарактеризовать как избегание и избирательное участие до активного отстаивания своих прав и неконтролируемого участия»⁶. «Модели мужской реакции в традиционной среде варьировались от уклонения и избирательной адаптации до ограниченного возмездия и масштабного противодействия»⁷.

В рамках политики «раскрепощения» женщин как мужчины, так и женщины в Средней Азии оказывались в ситуации вынужденного выбора между советскими и несветскими нормами. Однако в этот период можно найти многочисленные примеры того, как эти нормы пытались сочетать, как они сосуществовали в повседневной жизни общества. В попытках решить свои проблемы люди могли обращаться одновременно и к тем, и к другим нормам. Так, в 1924 г. жительница кишлака Дивон-Алик Абдуллаева Ашура подала апелляцию на решение суда отказать ей в разводе с мужем. В апелляции она указывала, что ее муж после ссоры с ней трижды произнес слово

¹ РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21.

² РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22.

³ РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21.

⁴ РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21.

⁵ Massell Gregory J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929. Princeton, 1974. P. 257.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 266.

«талака». «После этого я ушла от мужа и подала о разводе, ибо для женщины, когда ей сказано "Талака" развод является уже обязательным»¹. В своей апелляции она просила отменить решение суда, вынесшего решение примирить ее с мужем, «как основанное на явно непроверенных показаниях и как противоречащее основному духу Советского строительства и меня с мужем моим Махмудом Ишмуратовым развести. После сказанного мне "талака" я жить с ним отказываюсь»². Таким образом, женщина, просившая о разводе, обращалась одновременно к новым, советским принципам? и к привычной исламской норме.

В качестве адаптационной практики можно рассматривать и примеры, когда старые нормы пытались наполнить новым содержанием, или, напротив, представить демонстративное нарушение советских норм как исполнение требований и приказов власти. Так, инструктор ЦИК СССР П. Петухов в своем докладе о работе Советов Таджикской ССР в 1935 г. писал: «Классовый враг от имени "советской власти" воскрешал мрачные картины и традиции эмира бухарского... Они организовывали продажу девушек. В присутствии дехкан продавали девушку тому, кто за ее отца съест 18 цент. хлеба. «Давайте, советскому государству нужен хлеб»³.

Упомянутый уже американский исследователь Т. Мартин писал, что партийное руководство выстраивало национальную политику в контексте противопоставления политики «жесткой линии» и политики «мягкой линии». Фундаментальные задачи большевиков осуществлялись, по его мнению, в русле политики «жесткой линии», тогда как политика «мягкой линии» была предназначена для того чтобы сделать ее привлекательной для широких народных масс⁴. Самой типичной политикой «мягкой линии» по мнению Т. Мартина, была коренизация, однако подобное сочетание «жесткой» и «мягкой» линий просматривается и в гендерной политике большевиков. В качестве примера политики «мягкой линии» можно привести попытки согласования советского Кодекса законов об актах гражданского состояния и норм шариата и адата, предпринимавшиеся советскими и партийными органами в 1920-е гг. Так, в 1923 г. начала работу межведомственная комиссия, в которую входили представители женотдела ЦК КПТ, а также «представители от КВД /ЗАКСа/, от Комюста и Ученого Совета при Наркомпросе, и представители от киргизов, узбеков и туркмен». В ходе работы комиссии обсуждались, в частности, вопросы о брачном возрасте «туземной женщины», об обязательной явке в ЗАГС при заключении брака и о допущении многоженства. Как отмечалось в докладе женотдела ЦК КПТ, в

¹ РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173.

² РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173 об.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3316. Оп. 28. Д. 628. Л. 6.

⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»... С. 37.

июне «комиссия закончила свои работы, хотя и не пришла к единому мнению»¹. Интересно, что, выступая за повышение брачного возраста до 16 лет и против допущения многоженства, представитель женотдела, не желая присоединиться к общему мнению комиссии, также ссылаясь одновременно на советские нормы (и в частности на указание медицинского совета) и на нормы шариата и адата. «Основанием для отстаивания брачного возраста туземки в 16 лет, для представителя Ж/Отд. было определенное указание в этом Медицинского Совета, с одной стороны, и с другой, то обстоятельство, что и по заявлению всех представителей от коренного населения ни в шариате, ни в Адате нет точных указаний на определенный возраст, допустимый для брака. Там лишь говорится, что брак возможен при наступлении половой зрелости...»².

Гендерная политика большевиков стала еще одним направлением, где власть вступила в жесткое противостояние с мусульманским духовенством. Борьба за «раскрепощение» женщин и против «феодалных пережитков» во многом была борьбой с исламом. Большевики использовали кампанию, направленную на «освобождение» женщин, для раскола мусульманского духовенства. Большинство представителей духовенства выступили резко против политики «раскрепощения» женщин, многие из них были арестованы по обвинению в противостоянии данной политике.

Однако другим ответом духовенства на проводимую политику была попытка перехватить инициативу и найти исламскую альтернативу данной политике. Одним из таких ответов было расширение системы женского образования. Автор журнала «Коммунистическая революция» писал в 1929 г.: «Чтобы сохранить свое положение, мусульманское духовенство допускает женщин в мечеть. В религиозных школах наряду с Кораном вводятся элементы точных наук. Теперь духовенство не решается даже подходить к крестьянам со старым, окостеневшим догматизмом. В этом смысле реформированная религия более опасна, чем нерепформированная»³.

Некоторые представители духовенства выступили за освобождение женщин, и, ссылаясь на шариат, утверждали, что женщины равны перед богом наравне с мужчинами. Другие шли еще дальше, предлагая помощь правительству в его кампании, направленной на снятие паранджи. В этой связи заведующий отделом агитации, пропаганды и печати Средазбюро ЦК РКП (б) И.А. Хансуваров предостерегал от подобного сотрудничества, опасаясь, что таким образом прогрессивное духовенство может получить влияние на

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 177.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 176.

³ Цит. по: Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926-1941 // Journal of Women's History. Spring 1998. Vol. 10. Number 1. P. 33-34.

партийные органы, работая с ними, и, тем самым, обеспечивая собственное выживание путем искажения коммунизма¹.

Важным элементом «худжума» была пропаганда, осуществлявшаяся, в том числе, через сеть культурно-просветительских учреждений (женских клубов, кружков, «красных юрт»). Однако и в этой сфере усилия советских структур встретили противодействие в самых разных формах (проповеди в мечетях и в ходе собраний на дому, агитации на улицах и площадях, распространявшихся слухов, напечатанных брошюр). Советские документы 1920-х гг. полны тревожными сообщениями о подобной агитации. В сводке фактов, характеризующих деятельность духовенства за вторую половину 1926 г., подготовленной ОГПУ, отмечалось: «Увеличилась деятельность духовенства по завоеванию под свое влияние женской части населения, результатом чего были случаи полного парализования работы женотделов. Такие явления наблюдались в Бухтарминском уезде, в Бауктинском районе и в Уральской губ. (Казахстан)»². В этом же документе сообщалось, что «мулла Алатульского аула совета Таловской волости распространил слухи среди населения о том, что теперь ЦДУ предоставило муллам право совершать бракосочетание и что брак, оформленный муллою, не нуждается в подтверждении советского ЗАГСа (Казахстан)»³.

Распространявшаяся посредством слухов и других форм информация не всегда была прямо направлена на отрицание советских правовых норм, а также формировавшихся новых повседневных практик, часто речь шла о собственной интерпретации этих норм, встраивании их в более широкий контекст уже существующих норм и практик.

Интересно, что в ходе сопротивления «худжуму» (а также антирелигиозной политике большевиков), и мужчины и женщины довольно широко использовали современные формы политического действия (митинги, демонстрации, составление наказов, выборы), т.е. те инструменты, которые применяла сама власть⁴, в том числе в ходе осуществления гендерной политики в регионе. Например, в мае 1929 г. тайные службы выявили антисоветское собрание двухсот женщин в сельской области Андижана, где выражалось недовольство принудительным снятием и конфискацией паранджи. На ми-

¹ Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926-1941 // *Journal of Women's History*. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, P. 34.

² Ислам и советское государство: Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). М., 2010. С. 39.

³ Там же. С. 48.

⁴ См.: Лысенко Ю. А. Механизмы формирования социальной базы большевизма в Степном крае в период гражданской войны (1918–1921 гг.) // *Society and Security Insights*. 2019. 2 (3). С. 185–192.

тинге было принято решение провести марш протеста с требованием возврата паранджи¹. В другом документе, подготовленном ОГПУ, сообщалось, что «в Кунгурском округе на окружном съезде мусдуховенства присутствовали в качестве делегатов женщины-мусульманки. Один из пунктов постановления съезда заключался в том, чтобы женщины принимали участие в богослужении наравне с мужчинами и не прекратили бы ношение чадры (Урал)»². «Характерно, – указывалось в документе, – то, что все эти наказания одинаковы по своему содержанию, независимо от того, где они принимались»³.

Одна из проблем, с которой столкнулись большевики в ходе осуществления политики «раскрепощения» мусульманских женщин в Центральной Азии, являлась невозможность адекватно описать то, что происходит в действительности (не только в силу недостатка информации, искажений на местах), но и из-за ограниченности понятийного аппарата, использовавшегося для этого. Как заметил в своей работе Д. Нортроп, «Центральная Азия мало напоминала европейское общество промышленного капитализма XIX в., анализировавшееся Марксом, тем не менее партийные мыслители рассматривали узбекское общество сквозь линзы класса и классового конфликта»⁴. Впрочем, в данном случае советское государство сталкивалось с проблемами, которые возникали перед любым модернизирующимся государством, пытавшимся преобразовать общество. Как писал упоминавшийся уже американский антрополог Д. Скотт, «мы должны иметь в виду не только возможность государственных упрощений для преобразования мира, но и способность общества изменять, ниспровергать, затормаживать и даже уничтожать навязанные сверху категории»⁵. В ходе осуществления гендерной политики советское государство использовало ограниченный и известный набор инструментов, отдельные люди и местные сообщества могли реагировать на действия государства по-разному и через какое-то время приспосабливались даже к самым радикальным из них.

¹ Нортроп Д. Ограниченное освобождение: гендер, революция и паранджа в повседневной жизни в Советском Узбекистане. Central Asian Analytical Network. URL: <https://caa-network.org/archives/8785>

² Ислам и советское государство: Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). С. 48.

³ Там же. С. 34.

⁴ Цит. по: Кузнецова С.И. Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии... С. 103.

⁵ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 72.

2.4. Союзы творческой интеллигенции в системе государственного патернализма (на примере центральноазиатских республик СССР в 30-е гг. XX в.)¹

Е.Ю. Рахматулина

Как известно, процесс культурного развития СССР в 30-е гг. XX в. представлял собой комплекс мероприятий, направленных на коренную перестройку культурной и идеологической жизни общества. Важными элементами строящегося социалистического общества являлась официальная культура, основанная на классово-идеологической массовости и новой «советской интеллигенции». В этом же ключе осуществлялся процесс преобразований в республиках Центральной Азии 1930-х гг. В исторической литературе достаточно масштабно представлены процессы общего культурного развития региона. В трудах историков и искусствоведов 30–70-х гг. XX в. И.П. Трайнина, О. Ромма, О.Е. Мельниковой, Т. Дурдыева, С. Гулямова, Ж. Карагусова, Ш.Ю. Тастанова, Р.Б. Сулейменова, Х.И. Бисенова² пристальное внимание получили проблемы формирования региональной интеллигенции советского образца и становления профессионального искусства. Исследования историков советского периода были выполнены в русле марксистской методологии, с акцентом на основополагающую роль партии в художественных процессах и указанием на общую позитивную динамику их развития.

На современном этапе в работах обществоведов значительно усилились полемические начала. Так, отечественные авторы Е.С. Громов, М.Р. Зезина, Г.А. Янковская³ остро критикуют социальная политика СССР 1930-

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

² Трайнин И.П. Искусство в культурном походе на востоке СССР. М., 1930; Ромм А. Очерки истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М. ; Л., 1941; Мельникова О.Е. Творческие союзы Узбекистана в коммунистическом воспитании масс (из опыта работы парт. организаций). Ташкент, 1969; Дурдыев Т. Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции. Ашхабад, 1972; Гулямов С. Таджикская советская интеллигенция. История формирования и роста за годы советской власти. Душанбе, 1974; Карагусов М. Казахская советская интеллигенция, рожденная Октябрем. Алма-Ата, 1960; Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг. Алма-Ата, 1967; Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: проблемы становления и развития. Алма-Ата, 1982.

³ Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 2003; Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007; Янковская

х гг., а также практика государственного патернализма, приведшая к формированию творческих организаций, построенных на жесткой системе распределения и оплаты заказов. По замечаниям отечественных экспертов, основной характеристикой патерналистского подхода являлось сочетание программы помощи творческой интеллигенции и поддержания инфраструктуры, с использованием командно-административных методов управления¹. Анализируя специфику патрон-клиентской модели, Г.А. Янковская выделяет асимметричный характер данных отношений, где преимущества принадлежат тому, кто обладает властными или иными ресурсами. Необходимым условием существования такой модели выступает иерархичность общества, «где идет жесткая конкуренция на каждом уровне иерархии, а коммуникация тех, кто оказался на разных уровнях необходима, но затруднена», резюмируя, что данный тип взаимодействий характерен для ряда обществ с высоким уровнем вмешательства социума в жизнь граждан, что фактически и представлял собой СССР 1930-х гг.² В то же время о культурной сложности строящегося советского общества 1930-х гг. и практики его управления говорят исследователи Д.А. Аманжолова и Т.Ю. Красовицкая. Авторы приводят аргументы, раскрывающие действия властей, направленные на создание единого культурного пространства, сглаживание различий между социально-этническими общностями и изживание искусственных барьеров, базировавшихся на традиционных культурных архетипах. В 1930-е гг. советская идеологическая машина с ее доктринальными и патерналистскими установками «наложила» на патерналистский тип ментальности этнической культуры, и общественные организации, таким образом, выступили проводниками партии в деле повышения культурного уровня и реализации гражданского потенциала в заданном властью направлении³.

Следует также отметить широкий диапазон подходов по проблематике культурного строительства довоенного периода, представленный в современной историографии суверенных республик Центральной Азии. Большой частью негативные оценки последствий социальной политики, осуществлявшейся в регионе, преобладают в трудах историков Ж. Абылхожина, М.Г.

Г.А. Патрон-клиентские отношения в практиках управления советским искусством эпохи сталинизма // ARSADMINISTRANDI. Искусство управления. 2013. № 2. С. 26–33; Зезина М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / отв. ред.: Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009. С. 326–346.

¹ Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 150.

² Янковская Г.А. Патрон-клиентские отношения в практиках управления советским искусством эпохи сталинизма. С. 27–29.

³ Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления 1917–1941 гг. М., 2020. С. 375.

Ескенди́рова, Ю. Эргаше́вой, Д. Алимо́вой¹. Данные авторы апеллируют к факторам насильственности мероприятий советской культурной политики, ее неподготовленности на местной почве, приведшие к нарушению сложившегося традиционного национального уклада². Как представляется, более взвешенные подходы отражены в монографиях Р.М. Жумашева, Е.Ю. Личман, О. Ибраимова³. Прежде всего исследователи обращают внимание на то, что предвоенные годы были важным периодом в развитии региональной художественной культуры, обогатившейся новыми жанровыми направлениями, а в ряде отраслей, поднявшейся до уровня профессиональной зрелости. Одновременно авторы признают и негативный аспект государственной политики, приведший к разрыву с прежними культурными традициями, к репрессиям в отношении носителей старой неевропеизированной культуры⁴. Все же, несмотря на имеющиеся научные наработки обществоведов и различные подходы к изучению процессов культурного развития центральноазиатских республик в 30-е гг. XX в., за рамками специального научного изучения остается исследование проблем развития местных творческих Союзов в условиях формирования государственного патернализма, а также определения отраслевой и региональной специфики процесса. Вышеуказанные обстоятельства придают остроту изучаемой тематике, делая актуальным ее более глубокое рассмотрение в контексте патерналистского подхода.

Как известно, одним из магистральных проектов культурной политики Советского Союза 1930-х гг. стало создание профессиональных Союзов творческой интеллигенции, «поддерживающих платформу Советской [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве»⁵. Основой чему послужило знаменитое Поста-

¹ Абылхожин Ж. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997; Ескенди́ров М.Г. Восток Казахстана: на стыке столетий (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Семипалатинск, 2005; Эргашева Ю. Культура Узбекистана: тенденции и проблемы развития. Ташкент, 1997; Алимова Д. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000.

²Ескенди́ров М.Г. Восток Казахстана: на стыке столетий (вторая половина XIX – начало XXI вв.). С. 15, 23.

³ Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана, 1917–1991 гг. Караганда, 2002. С. 31; Личман Е.Ю., Жанайхан Е., Денисова Н.И. Национальное наследие и диалог культур. Казахстан-Россия. Павлодар ; Барнаул, 2013. С. 89–91; Ибраимов О. История кыргызской литературы XX века. Бишкек, 2014. С. 105–107.

⁴ Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана, 1917–1991 гг. Караганда, 2002. С. 39.

⁵ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б), ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 172–173.

новление Центрального Комитета ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»¹ кардинальным образом трансформировавшее художественные и литературные ресурсы всей страны, в том числе в автономных и союзных республиках.

Как следствие, действовавшие с середины 1920-х гг. литературные ассоциации и направления в центральноазиатских республиках: Казахская, Киргизская, Узбекская ассоциации пролетарских писателей, узбекская литературная организация «Кзыл калям» (Самарканд, 1926 г.), джадидистское (реформаторское) направление литературы Таджикистана и другие литературные объединения, с выходом Постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. и Постановления Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций Средней Азии» были ликвидированы. Взамен были созданы организационные комитеты (далее – Оргкомитеты) советских писателей во главе с утвержденными председателями. В Узбекистане, Туркмении руководителями писательских организаций были назначены действующие наркомы просвещения этих республик. Оформление литературных организаций проходило в оперативном порядке и было окончательно завершено к моменту проведения первых республиканских Съездов писателей в 1934 г. Сходные организационные процессы имели место в республиканских организациях художников: в 1932 г. получил оформление Оргкомитет художников Узбекистана, в 1933 г. были созданы Оргкомитеты художников Казахстана, Киргизии, Таджикистана, в период с 1938 по 1940 г. на их основе были сформированы республиканские Союзы художников.

Материальная база республиканских творческих организаций в 1930-е гг. формировалась по одной схеме и включала бюджетные поступления Наркомпроса, позже Управлений по делам искусств при СНК союзных республик, поступлений от вступительных и членских взносов творческого состава, доходы подведомственных организаций и предприятий, поступлений в республиканские Литературные фонды. По оценке А.А. Георгиева, наиболее активно в данной финансовой схеме творческие Союзы использовали государственный ресурс, так как прямая и скрытая дотации государства составляли более 50% всех средств творческих Союзов СССР². Немаловажным аспектом являлась и проводимая патерналистская фискальная политика государства, поскольку фонды при творческих Союзах, а также их подведомственные учреждения и предприятия освобождались от обложения

¹ Там же.

² Зезина М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции... С. 328.

всеми государственными и местными налогами и сборами, получая бюджетное финансирование¹. Творческие организации, таким образом, послужили своеобразной основой для практической реализации, закладывающейся в 1930-е гг. системы государственного патернализма. Однако при всем идеологическом единстве уставных целей и структурных подходов, недавно образованных творческих Союзов, уровень их государственного попечения не был одинаковым, следовательно, существенно различались практические возможности организаций.

Как показал анализ финансовых поступлений, на протяжении 1930-х гг. шло стабильное улучшение финансового обеспечения республиканских писательских организаций. Например, только Союз писателей Казахстана в 1935 г. имел дотации – 140 000 руб., 1936 г. – 166 800 руб., 1937 г. – 280 000 руб., 1938 г. – 385 000 руб., в 1939 г. сумма выросла до 394 000 руб.² Таким образом, рост прямого государственного субсидирования организации за период 1935–1939 гг. составил 2,8 раза. Помимо увеличения субсидирования Союза писателей, произошел рост государственных вливаний в отделение Литфонда Казахской ССР, обладающего собственными средствами и ассигнованием. Если в 1935 г. было отпущено на местное отделение Литфонда 31 тыс. руб., то в 1939 г. сумма финансирования достигает 200 тыс. руб.³ Значительные финансовые вливания в республиканский Союз писателей и его профильный фонд отражали уровень значимости и привилегированности литературы, ее особое место в системе государственной культурной политики, в связи с чем организация финансового благополучия литераторов на местах выступила важнейшей задачей региональных властей 30-х гг. XX в.

Структура поступлений Литературных республиканских фондов воспроизводила общесоюзную модель. Фонды складывались из нескольких составляющих, в том числе из производимых издательствами художественной литературы и редакциями журналов взносов, из отчислений зрелищных предприятий от валового сбора со спектаклей (драма, комедия), постановок колхозно-совхозных театров – 2%, мероприятий культурно-просветительных учреждений – 0,5%, из специальных взносов членов Союза⁴. Формально Литфонды республик не зависели от республиканских писательских

¹ Там же. С. 329.

² Стенограмма II Съезда Союза советских писателей Казахстана. Алма-Ата, 22–25 июня 1939 г. // Казахстан в документах и материалах. Альманах. Вып. 3. Караганды, 2013. С. 349.

³ Стенограмма II Съезда Союза советских писателей Казахстана... С. 349.

⁴ О порядке уплаты издательствами, редакциями журналов и зрелищными предприятиями отчислений в литературный фонд Союза ССР // Сборник основных руководящих материалов по вопросам деятельности учреждений искусств. М. ; Л. 1943. С. 96.

организаций, поскольку структурно подчинялись Литфонду СССР. В их основные задачи входило прежде всего оказание членам Союза и их семьям материальной помощи в случае временной утраты трудоспособности, инвалидности через выдачу пособий, ссуд и стипендий; выделение средств на творческие командировки, организация медицинской помощи через выделение лечебно-оздоровительных путевок на курорты страны, распределение стипендий для учебы и устройство мероприятий по улучшению жилищного вопроса¹. Также по Уставу Литфонда СССР организация обладала правами устраивать публичные литературные вечера, концерты, лекции, диспуты, спектакли и т.п., а также открывать литературные книжные лавки; открывать и эксплуатировать производственные предприятия для удовлетворения бытовых потребностей своих членов и членов их семей².

В сравнении со стабильным финансовым ростом писательских организаций положение художественных Оргкомитетов республик Центральной Азии было более уязвимым, как и положение художественной отрасли обширного региона в целом.

Во-первых, отметим, что в 1930-е гг. в Советском Союзе проходили сложные процессы институализации художественной отрасли, закладывались основы ее функционирования на принципах плановой экономики. На государственном уровне обозначилось несколько ведущих организаций: Всесоюзное кооперативное объединение «Художник» (Всекохудожник) – 1929 г., Союз советских художников – 1932 г. Процесс создания единого Художественного фонда СССР затянулся и был осуществлен к 1940 г., что привело к созданию в союзных республиках не полноценных региональных художественных фондов, а их прообразов в виде «кооперативов» и «изофабрик», на начальном этапе фактически обеспечивавших изготовление типовой художественной продукции. Главными руководящими и исполняющими функции социальной защиты художников органами являлись республиканские Оргкомитеты Союзов художников. Совмещение функций негативно отражалось на рабочем потенциале оргкомитетов, вызывало вопросы к этической стороне принимаемых решений, поскольку давало руководству лишний повод к использованию бюрократических лазеек для удовлетворения персональных интересов.

Во-вторых, сама деятельность Оргкомитетов проходила при низком финансировании от республиканских Наркомпросов, со временем превращаясь в «хроническое» недофинансирование. Например, лишь по Казахстанскому Союзу художников сумма недополучения составила 13 тыс. руб.

¹ Постановление СНК СССР № 1788 «О литературном фонде Союза СССР» от 28 июля 1934 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4005.htm (дата обращения: 16.04.2020).

² Лазарев Л.Е. Советское законодательство о культурной деятельности второй половины 1930-х // Гражданин и право. 2017. № 1. С. 10.

за несколько лет¹. К 1937–1938 гг. субсидирование местной организации художников достигло 80 тыс. руб. в год. Тем не менее, по заявлению председателя правления творческого Союза В.Н. Сладкова: «Эти средства для развешивания работы как это должно быть по задачам Союза, крайне недостаточны»². Такое положение дел в сфере изобразительного искусства признавалось и в Управлении по делам искусств СНК Казахской ССР. Недостаток финансирования отмечался также в работе Оргкомитета Союза художников Киргизии, известно, что ввиду трудностей с изысканием средств первая запланированная республиканская выставка художников была перенесена с ноября 1933 г. на 1 мая 1934 г.³ По оценкам экспертов, существовавший литературоцентризм советской культуры также находил свое яркое выражение в неравенстве отчислений с вознаграждений. Если художественный фонд имел право на малые проценты, по 2–3% отчисления с вознаграждения, выплачиваемого художникам, то, музыкальный, архитектурный и литературный фонды получали от 5 до 10% отчислений. В результате организации, уступающие художественному фонду в численности, располагали более внушительными средствами. Сложившееся финансовое неравенство неоднократно пыталось исправить руководство Оргкомитета Союза художников СССР, однако все предпринятые ими попытки заканчивались безрезультатно⁴.

В-третьих, отрасль изобразительного искусства в республиках Центральной Азии испытывала серьезные трудности, в том числе в связи с отсутствием многолетних сформированных художественных традиций и слабостью методической базы. Например, современниками-искусствоведами Туркменистана в 1934 г. признавался факт того, что Государственный художественный техникум все время не получает достаточного методического и программного руководства со стороны Наркомпроса ТССР, при том, что профильный сектор Наркомпроса РСФСР имеет такую базу⁵. Все вышеперечисленные факторы как объективного, так и субъективного характера на долгое время определили специфику развития художественной отрасли региона.

¹ ЦГА РК. Ф. 1736. Оп.1. Д. 13. Л. 201.

² Там же. Л. 205.

³ Протокол второго организационного собрания актива художников г. Фрунзе при культпропе Киргизского обкома ВКП (б) // Open.kg. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/cities/bishkek/history-of-the-capital-of-kyrgyzstan-in-documents/35131-sozdanie-soyuza-sovetskih-hudozhnikov-v-gfrunze-dokument-83-noyabr-1933-g.html> (дата обращения: 05.05.2020).

⁴ Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007. С. 59–60.

⁵ Журавлева Е.В., Чепелев В.Н. Искусство советской Туркмении: Очерк развития. М. ; Л., 1934. С. 63.

С середины 1930-х гг. повсеместно в союзных республиках начали активно формироваться сети литературных филиалов, позже организованные в областные отделения Союзов писателей. Исследователем М.Р. Зезиной отмечается, что структура творческих объединений имела схожие черты, представляла собой своего рода пирамиду, уровни которой различались по степени как влияния, так и благосостояния, а также возможностей ее участников¹. Верхний уровень определялся принадлежностью к Правлению Союза, а также был представлен наиболее успешными республиканскими авторами; средний включал профессиональных литераторов – членов объединения, из которых 90% – это большевики, кандидаты партии либо комсомольцы; основание творческого Союза писателей складывалось из большой группы литераторов, журналистов областных филиалов, числившихся «утвержденными членами» и лицами «на учёте». За сравнительно короткий период значительно расширился кадровый состав писательских организаций: по Казахской ССР в 1934 г. насчитывалось 14 литераторов, к 1939 г. Союз объединял уже 70 акынов, прозаиков и поэтов, из них – поэтов и писателей – 58, народных акынов – 12, по национальному составу: казахов – 54, русских – 12, уйгуров – 2²; до 100 поэтов, писателей, драматургов объединял в 1934 г. Союз писателей Таджикистана, из них 46 авторов писали на таджикском языке³; в творческом Союзе Узбекской ССР общее количество членов Союза писателей республике составило 60 человек. Помимо работы узбекской, уйгурской, русской секций, была сформирована секция местных еврейских писателей, появились организации писателей в отдаленных областях республики: Хорезме, Сурхан-Дарье и Кашка-Дарье⁴. Распределение профессиональных литературных сил по регионам шло достаточно равномерно, каждый филиал имел собственных представителей – членов республиканского Союза писателей.

В то же время в историографии, посвященной становлению национальной художественной интеллигенции стран Центральной Азии 1930-х гг., приводятся многочисленные факты, указывающие на положение «кадрового голода», серьезного «дефицита художников» в регионе, например, до революции в Туркмении не было ни одного художника-туркмена. Одну из

¹ Зезина М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / отв. ред.: Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009. С. 328.

² Самигулин И.М. У нас имеются неиссякаемые возможности для всестороннего развития художественной литературы // Казахстан в документах и материалах : альманах. Вып. 3. Караганды, 2013. С. 347.

³ Доклад Г.А. Лахуги о литературе Таджикской ССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934 : стенографический отчет. М., 1934. С. 143.

⁴ Доклад Р. Маджиди о литературе Узбекской ССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934 : стенографический отчет. М., 1934. С. 131.

причин имевшегося дефицита профессиональных художников – религиозную составляющую, выделил известный советский искусствовед И.П. Трайнин: «На Востоке, советском и зарубежном, никогда не было такого распространения картин и скульптуры, как это имеет место в Европе... Это отчасти произошло и потому, что в отличие от христианства мусульманская религия никогда не призывала себе на службу художников, чтобы в писаных образах или статуях отобразить то, что должно явиться «святым». Наоборот, Коран запрещает изображение божества в образах»¹. Положение, существовавшее в регионе на протяжении длительного периода, начало корректироваться в связи с проникновением советских модернизационных импульсов. Однако процесс «вращения» национальных художественных кадров шел медленно, и к концу 30-х гг. XX в. в составе интеллигенции центральноазиатских республик наблюдались серьезные кадровые лакуны, а численность республиканских Союзов художников, несмотря на принятые временные Уставы организаций, разрешающие прием в члены Союза художников-любителей, на протяжении всего довоенного периода оставалась невысокой, например, к 1 июля 1937 г. актив Союза художников Казахстана составлял 16 человек, двух кандидатов и семи соревнующихся², к 1936 г. в Союзе художников Таджикистана насчитывалось 24 художника, из них 12 в Ленинабадском регионе³. В результате чего сформировалась диспропорция в распределении художественных сил, при которой столичный регион аккумулировал основную часть профессионалов. Исключением из общего контекста стали художники Узбекистана, показавшие мощную консолидацию профессиональных сил еще в 1920-е гг. В год создания республиканского Союза художников на выставке 1938 г. в Ташкенте участвовало 97 художников, где значительную группу составили молодые национальные живописцы⁴.

Структура творческих организаций художников схематично копировала иерархию писательской организации: верхний уровень был представлен малочисленной группой из нескольких человек руководства оргкомитета – членов ВКП (б), средний уровень занимали профессиональные специалисты – члены Союза художников. Как правило, при оргкомитетах работали секции: живописи, графическая, монументальная, народного творчества, театральная и оформительская. Главную силу первичного уровня творческих Союзов составляли художники-любители областных филиалов,

¹ Трайнин И.П. Искусство в культурном походе на востоке СССР. М., 1930. С.75.

² История Союза художников Казахстана. URL: <https://soyuz-hudozhnikov-kazahstana.satu.kz/cp11750-istoriya-soyuza.html> (дата обращения: 16.04.2020).

³ Союз художников Таджикистана. URL: <http://vdushanbe.ru/catalog/culture/soyuz-xudozhnikov-tadzhikistana/> (дата обращения: 10.04.2020).

⁴ Художники и Ташкент – взгляд на далекое прошлое. URL: <http://artblog.uz/archives/11233> (дата обращения: 26.03.2020).

получивших статус «вступивших на учёт» или «кандидатов». Поскольку прием в члены Союза художников сильно затягивался, статус «кандидатов» оставался за многими провинциальными авторами вплоть до 1941 г.

На решения республиканских оргбюро по финансированию текущей деятельности членов организации сильное влияние оказывал иерархический принцип. Данная зависимость работала и в республиканских Литфондах. Большая часть вынесенных решений правления по выделенным средствам была нацелена на обеспечение нужд основного и руководящего состава. В качестве особых привилегий писатели получали длительные оздоровительные путевки для себя и членов семьи на курорты, выплату по договорам за рядовую редакционную работу с обязательной формулировкой «за важность и значение проделанной работы»¹. Таким образом, пребывание художника/писателя в статусе члена творческого объединения открывало для него двери к достижению престижа и обеспеченности, что напрямую ассоциировалось с домами творчества, писательскими дачами, художественными мастерскими, отдыхом на курортах, а также к социальной защищенности и личной безопасности². Как уже было отмечено, отраслевое неравенство советского искусства влияло на процесс регулирования оплаты труда. Механический подход к начислению оплаты в зависимости от цеховой принадлежности осознавался деятелями искусства как несправедливый и требующий своего решения на уровне республиканского Управления по делам искусств. Например, писатель Казахстана, проработавший над пьесой в течение пяти-шести месяцев, получал от местного Комитета искусств 2–3 тыс. руб., а композитор за два месяца труда получал до 40–50 тыс. руб.³

В то же время, рассматривая основные статьи доходов советских писателей – членов Союза, обратим внимание на то, что бюджет каждого советского писателя формировался по индивидуальной схеме, поскольку источников дохода было несколько, в том числе доход от работы в учреждении. Если для московского региона процент писателей, служащих в различных учреждениях, был небольшим, составляя менее 10%, то для провинции доля служащих писателей – членов Союза – достигала уже 56%⁴. Важной статьёй дохода рядового писателя являлись гонорары от продаж литературных тру-

¹ Ауэзова М.М. Слово об отце: диалог-воспоминание. Алматы, 1997. С. 26.

² Добренко Е.А. 1932–1934: рождение советской культурной элиты // Культурологические записки. Вып. 14: Художник между властью и рынком. М., 2013. С. 166–183.

³ Самигулин И.М. У нас имеются неиссякаемые возможности для всестороннего развития художественной литературы // Казахстан в документах и материалах: альманах. Вып. 3. С. 347.

⁴ Антипина В. А. Легендарные доходы и легенды о заработках. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/138985> (дата обращения: 20.03.2020).

дов, выпущенных местными издательствами. Смета на творческую и переводную работу была утверждена во второй половине 1930-х гг. и имела дифференцированный характер в зависимости от сложности темы, литературного направления и трудности выполненного перевода. Например, за авторский лист в 40 тыс. знаков, равный 25 печатным машинным страницам, причитался следующий гонорар:

– перевод произведений классиков марксизма-ленинизма и теоретической литературы 250–300 руб.;

– научно-теоретические труды социально-экономического, антирелигиозного характера, хрестоматии, сборники: оригинальные работы 250–300 руб., перевод 200–250 руб.;

– популярная литература по историческим вопросам: оригинальные работы 225–250 руб., перевод 200–250 руб.;

– детская литература: для дошкольников стихи оригинальные – 1 руб. 50 коп. – 2 руб. строчка, перевод – 1 руб. 20 коп. – 2 руб. строчка, проза оригинальная – 350–450 руб., перевод – 150–175 руб.;

– литература для юношества: стихи оригинальные – 1 руб. – 1 руб. 50 коп. строчка, перевод – 75 коп. – 1 руб. строчка, проза оригинальная – 300–350 руб., перевод – 200–250 руб.;

– проза художественная: оригинальные работы – 250–350 руб., перевод – 200–250 руб.¹

По утвержденным нормам оригинальные рукописи, публикуемые целиком в данном издательстве, периодических органах (журналах, альманахах, газетах) и отдельном издании (брошюры, книги) при первой публикации принимались как первое издание, а при второй публикации как повторное издание, которое оплачивалось уже гонораром в размере 60%². Тираж изданий выпущенных в республиках книг составлял весомые 5–6 тыс. экз. Механизм выплат и сроков работы юридически оговаривался в специальном соглашении между писателем и издательством. Выплачиваемые суммы гонораров 250–300 рублей за авторский печатный лист были близки к средней заработной плате в учреждениях искусства и зрелищных предприятиях республик. Помимо гонораров, дополнительными источниками доходов для интеллигенции служили творческие конкурсы, приуроченные к знаменательным датам советской истории. Конкурсная практика хорошо зарекомендовала себя в творческой среде, соединив финансовое и агитационное воздействие. В ряде республиканских объединений конкурсы на лучшие художественные произведения стимулировали развитие новых жанров литературы. Однако собственно творческие вопросы, считавшиеся приоритетными в деятельности организаций, на многочисленных совещаниях отодвигались подчас на второй и третий планы. Внимание к творчеству являлось

¹ ЦГА РК. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

²ЦГА РК. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

предметом обсуждений в том случае, когда «авторы или их произведения удостаивались поддержки или подвергались резкой критике по идеологическим соображениям»¹.

Для художников союзных республик начиная с первой трети 1930-х гг., когда процесс внутрисоюзной культурной интеграции вышел на новый уровень, важным событием стало участие в республиканских и всесоюзных выставках. Как правило, прошедшая художественный отбор картина через Управления по делам искусств закупалась для пополнения фондов республик, музеев, галерей. Другим требованием времени являлось участие в производстве типовой продукции: уличной скульптуры, оформления парков, предметов быта и другого художественного ассортимента в условиях кооператива. В то же время размер вознаграждения за использование произведений изобразительных искусств не был достаточно точно определен нормативными актами. Ситуация изменилась лишь к 1941 г., когда оргкомитет Союза советских художников СССР выработал минимальные ставки вознаграждения художников за их произведения². По замечаниям Г.А. Янковской, такая общая слабость проработки авторского права в художественной среде являлась знаковой чертой арт-рынка эпохи³.

Современными исследователями художественной жизни СССР довоенного периода обоснованно выделяется значительная роль целевых командировок в системе поощрений деятелей искусства. Идея творческих командировок впервые получила практическое воплощение в РСФСР в 1925 г. в связи с подготовкой VIII выставки Ассоциации художников революционной России «Жизнь и быт народов СССР», позднее эта практика трансформировалась из формы «разовых поездок» в систематическое мероприятие и была с успехом внедрена в республиканские творческие организации⁴.

Вопросом утверждения командировок занималось сразу несколько организаций: местные оргкомитеты Союзов художников, «Всекохудожник», правления Союзов писателей, а также республиканские Литфонды. Поездки по стране способствовали расширению профессионального горизонта, знакомили интеллигенцию с реальной картиной жизни, давали возможность «напитаться натурой». Практика показывает, что в 1930-е гг. творческие командировки стали неотъемлемым условием работы художника/писателя

¹ Горяева Т. Политическая цензура в СССР в 1917–1991 гг. М., 2009. URL: <http://libusta.site/b/427129/read> (дата обращения: 14.05.2021).

² Шашкова Т.В. История творческих союзов Иркутской области в 1930 – первой половине 1960-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2015. С. 81.

³ Янковская Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. С. 33.

⁴ Шанявская А.А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 гг. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2017. С. 9.

для подготовки крупной выставки либо литературного произведения. По правилам все мастера, получающие средства на данный вид деятельности, должны были иметь удостоверения, а затем предоставить в оргкомитеты результаты творческих наработок и сдать финансовый отчет. Юридически каждый член творческого объединения вне зависимости от возраста и ведущего направления имел право на предоставление средств, фактически же действовал строгий отбор: отказ получали авторы, имевшие финансовые и творческие долги перед Союзом либо невысокий исполнительский уровень. Архивные документы свидетельствуют, что ежегодно за счёт финансирования творческой организации в поездки направлялось сравнительно небольшое число художников: по 7–10 человек из центральноазиатских республик, в том числе молодые авторы. Маршруты поездок художников пролегли по живописным местам этнорегиона: Бухара, Хива, Самарканд, западный Казахстан, Туркмения, Иссык-Куль. В то же время художники из Центральной Азии могли побывать России и наоборот. Например, осенью 1934 г. по предложению Центрального бюро «Всекохудожника» в Среднюю Азию в составе бригады художников выехал П. Радимов. Результатом поездки стали многочисленные этюды и картина «Школа Туркмении», выполненная живописцем по заказу Правительства Туркменской ССР. Большинство работ художника весной 1935 г. экспонировались в Ашхабаде на выставке, посвященной 10-летию республики, некоторые из них – на выставке в Музее изобразительных искусств. По большей части творческие командировки были привилегиями не только для членов творческих Союзов, но и художественных кооперативов. На этой почве случались разногласия, особенно при выполнении крупных государственных заказов. Например, при подготовке к юбилейной выставке в 1935 г. в Туркменской ССР случился конфликт, поскольку администратором выставки не был одобрен состав художественной бригады на поездку в Ашхабад. Накал страстей дошел до того, что пришлось вызывать милицию¹.

Чтобы компенсировать обычный заработок писателя, которого тот во время командировки лишался, субсидирование поездок национальных писателей шло из двух источников. Данный факт был вскрыт финансовым отделом Союза писателей СССР в 1939 г.: Как правило, в писательские творческие командировки (индивидуальные либо групповые) направлялись члены литактива и правления. Такие поездки планировались на длительный срок – до двух месяцев, авторам оплачивался проезд до места и обратно в мягких вагонах, суточные выдавались из расчета 25 руб., квартирные по 15

¹ Аббасова Г.Э. «Искусство советской Туркмении» в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 г. Забытая выставка // Артикульт. 2019. № 34. С. 150.

руб.¹ Писатели направлялись в промышленные, животноводческие или республиканские центры, а также в крупные отдаленные города СССР, находящиеся на расстоянии более 5000 км.

Следует подчеркнуть, что особое место в системе поощрений творческой интеллигенции 1930-х гг. занимает обеспечение деятелей искусства достойными жилищными условиями. Советские писатели и художники – члены творческих объединений – в отношении жилищных прав были приравнены к научным работникам. Данное положение для писателей было закреплено Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 сентября 1933 г., для художников Постановлением ВЦИК от 4 февраля 1935 г.² На них распространялось действие Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 марта 1933 г., согласно которому творческие работники «имеют право на дополнительную отдельную комнату для занятий, а при отсутствии таковой — на дополнительную площадь в размере не менее 20 кв. метров»³. Судьбоносные решения «по квартирному вопросу» рассматривались на заседаниях правлений и решались преимущественно положительно для республиканских художественных элит. Дополнительные метры под мастерские и студии заслуженные деятели науки, искусства и техники, научные работники, а также работники изобразительных искусств оплачивали в общем порядке.

На фоне относительной экономической стабильности и налаженности правовых основ деятельности художников и писателей – членов Союзов, положение низового звена творческих организаций, т.е. региональных мастеров, числившихся «вступившими на учёт», и уполномоченных областных филиалов существенно различалось. На этом структурном уровне имелись проблемы, происходившие вследствие незавершенности процесса институализации областных филиалов и фактической нерешенности юридического оформления социально-правового статуса региональных авторов. Также в течение всего довоенного периода для членов областных филиалов не обрёл своего практического решения вопрос распределения художественных заказов. Определённую проблему для художников-одиночек, не прикрепленных к основному производству, породила и проходившая в стране кампания по борьбе «с гастролерством и рвачеством среди художников». Свою негативную роль здесь сыграло Постановление СНК СССР от

¹ ЦГА РК. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

² Об улучшении жилищных условий советских художников и скульпторов (извлечение) (с изменениями на 24 июня 1938 года) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9008511> (дата обращения: 20.03.2020).

³ О жилищных правах научных работников (с изменениями на 24 июня 1938 года) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9034437> (дата обращения: 20.03.2020).

20 декабря 1938 г. № 1320 «О введении трудовых книжек»¹. Согласно п. 8 документа трудовые книжки художникам, не занятым на постоянной работе на производстве и работающим по договорам, не выдавались. Кроме того, осложняла положение авторов неорганизованность ведения хозяйственной деятельности периода институализации, проходившая в условиях отсутствия мастерских, задержки поддерживающих юридических документов и слабой финансовой помощи от областных управлений культуры. Таким образом, в указанный период главным источником финансового обеспечения провинциальных художников, «числившихся на учёте», по-прежнему являлась работа на основном производстве – школах, театрах, фотостудиях. Помимо основного заработка, статьями доходов также выступали оформительские работы: украшение заводов, школ, клубов к праздникам, продажа картин, оплата труда по договорам. Однако отсутствие гарантированной оплаты труда делало доходы низового звена творческих Союзов весьма нестабильными. Аналогичный ряд проблем испытывали уполномоченные областных филиалов по работе с писателями. Трудности возникали ввиду того, что уполномоченные не имели возможности свободных разъездов по районам, отправки корреспонденций, отсутствовали помещения для работы, в ряде регионов до 1938 г. финансирование их деятельности вообще не было предусмотрено. Данное обстоятельство вынуждало литературных представителей работать в редакции областных газет и в целом мало стимулировало уполномоченных к проведению организационной работы на местах.

В целом, исследование социально-экономических аспектов деятельности творческих Союзов центральноазиатских республик, их структурных основ позволяет сделать следующие выводы: в 1930-е гг. в республиках Центральной Азии начался активный процесс формирования общественных организаций творческой интеллигенции, поддерживающих платформу советской власти. Своеобразие региональному процессу культурной модернизации придали такие факторы, как слабое включение населения региона в социокультурное и экономическое пространство России имперского периода, отсутствие развитой художественной инфраструктуры и крайняя малочисленность творческих коллективов, действующих на профессиональной основе. Запущенные инновации проходили в контексте патерналистского подхода, одной из базовых характеристик которого выступила иерархичность. Данное положение согласуется с выводом, сделанным Г.А. Янковской о том, что именно в годы сталинизма в СССР сформировалась иерархичная система искусства, в которой многочисленные аспекты системы лишь разделяли художника. По существу, иерархические отношения сложились как между видами искусства, так и внутри самих творческих орга-

¹ ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

низаций. Безусловно, с точки зрения двух творческих направлений (писатели/художники) ведущие позиции принадлежали писательским организациям, что было обусловлено не только действующей системой фискального патернализма, а также всей совокупностью государственных мероприятий, нацеленных на их устойчивое развитие: ежегодным ростом государственных субсидий, внедрением действенных систем поощрения и социальной защиты, юридически отработанными нормативами оплаты труда. В отношении организаций художников республик Центральной Азии были задействованы гораздо меньшие государственные финансово-экономические ресурсы, в целом слабо стимулирующие их рост и развитие. Данное явление отразилось и на социально-экономическом положении низового, базового уровня организаций, поскольку руководство не было нацелено на их скорейшее интегрирование в общую финансово-экономическую систему Союзов, выравнивание их социального положения.

Вместе с тем изученные материалы позволяют смело говорить и о позитивных сторонах процесса культурной модернизации центральноазиатских республик 30-х гг. XX в. Благодаря практике государственного патернализма был запущен процесс выявления и консолидации творческих сил региона, что привело к преодолению изолированности местных художественных центров, усложнению их внутренних связей и в целом позитивно повлияло на формирование профессиональной творческой интеллигенции из числа коренных национальностей республик Центральной Азии.

Источники

Архивы

1. Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р3316 – Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР). 1922–1940 гг.
Ф. 1318 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и его подведомственные учреждения
2. Государственный архив Оренбургской области.
Ф. 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1797–1881 гг.)
Ф. 173 – Оренбургская духовная комиссия
3. Государственный архив Наманганской области Республики Узбекистан (ГАОН РУз). Ф. 243.
4. Джалал-Абадский историко-краеведческий музей. Ф. 13.
5. Исторический архив Омской области.
Ф. 3 – Главное управление Западной Сибири (1822–1882 гг.)
Ф. 16 – Омская духовная консистория.
6. Ошский областной государственный архив политической документации (ООГА ПД). Ф. 504.
7. Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 114. – ЦК КПСС. Организационное бюро и секретариат ЦК ВКП (б) XVI – XVII созыва. 1930–1939 гг.
Ф. 17. Оп. 10. – ЦК КПСС. Документальные материалы отдела ЦК ВКП (б) по работе среди женщин. 1917–1925 гг.
Ф. 71. Оп. 34 – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Подготовительные материалы по изданию истории Гражданской войны в СССР.
Ф. 121. Оп. 2 – Уполномоченный ЦКК ВКП (б) и НК РКИ в Средней Азии. Секретные дела. 1925–1934.
Ф. 62. Оп. 2 – Среднеазиатское бюро ЦК ВКП (б). Документы отделов Средазбюро ЦК ВКП (б). 1922–1934 гг.
8. Российский государственный исторический архив.
Ф. 796 – Канцелярия Синода.
Ф. 391 – Переселенческое управление МЗ.
Ф. 1291 – Земский отдел МВД.
Ф. 1396 – Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края.
Ф. 1405 – Министерство юстиции.
Ф. 1587 – Особое совещание при Государственном совете для обсуждения проектов законоположений по судебной части.
9. Центральный государственный архив Республики Казахстан
Ф. 44 – Семиреченское областное правление.
Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора Министерства внутренних дел, г. Омск.

Ф. 1736. – Правление Союза Художников Казахской ССР (1936–1940 гг.).

Ф. 1778. – Правление Союза Советских писателей Казахстана (1912–1974 гг.).

10. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 8237.

11. Центральный государственный архив Киргизской Республика (ЦГА КР). Ф. 89.

12. Центральный государственный архив общественно-политической документации Киргизской Республики (ЦГА ОПД КР). Ф. 56.

Опубликованные документы и материалы

13. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998.

14. Ауэзова М.М. Слово об отце: диалог-воспоминание. Алматы, 1997.

15. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1848.

16. Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. Павлодар : ТОО «ЭКО», 2005.

17. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.) : сборник документов и материалов. М. : Мысль, 1971.

18. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б), ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1999.

19. Всеподданнейший доклад министра юстиции о ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. №7.

20. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 гг. СПб., 1911.

21. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т. 1–2. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1897–1898.

22. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. : Русская симфония, 2007.

23. Герман Ф.И. О киргизцах // Вестник Европы. 1821. Ч. 121, № 22. С. 123–138.

24. Дельви́г Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5.

25. История Казахстана в документах и материалах : альманах. Вып. 1. Алматы: Изд-во LEM, 2011.

26. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Алматы : Дайк-пресс, 2005.

27. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. IV: Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. Алматы : Дайк-пресс, 2007.

28. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы : Дайк-пресс, 2007.

29. Ислам и советское государство: Вып. 1: По материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г. / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М. : Изд. дом Марджани, 2010.

30. Карелин Г.С. Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883.

31. Красовский Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб. : Типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868.

32. Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.

33. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Алматы : Санат, 1996.

34. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск : Наука, Сибирская изд. фирма, 1993.

35. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1969.

36. Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений Т. 41.

37. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1: Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960.

38. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. : Наука, 1975.

39. Мейер Л.Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. : Типографии Э. Веймара и Ф. Персона, 1865.

40. О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №2.

41. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.

42. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Часть первая. СПб. : Императорская Академия наук, 1773.

43. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М., 1934.

44. Программа Российской коммунистической партии (большеви-ков). Принята 8 съездом партии 18-23 марта 1919 г. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm>.

45. Протокол второго организационного собрания актива художников г. Фрунзе при культурпропе Киргизского обкома ВКП (б) // Open.kg. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/cities/bishkek/history-of-the-capital-of-kyrgyzstan-in-documents/35131-sozдание-soyuza-sovetskih-hudozhnikov-v-gfrunze-dokument-83-noyabr-1933-g.html> (дата обращения: 05.05.2020).

46. Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1767. Ч. 7. С. 1–25.

47. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Типография Б. Бреслина, 1887.

48. Сборник основных руководящих материалов по вопросам деятельности учреждений искусств / Комитет по делам искусств при Сов. Нар. Ком. СССР. М. ; Л., 1943.

49. Скальский К. Омская епархия. Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. Омск, 1900.

50. Стенограмма II Съезда Союза Советских писателей Казахстана. Алма-Ата, 22–25 июня 1939 г. / Казахстан в документах и материалах. Альманах. Вып. 3. Караганды, 2013.

1. 51. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. URL: <http://www.petrograd.biz/stalin/2-19.php>

52. Устав духовных консисторий. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/27498-Устав-духовных-консисторий>. Pdf.

53. Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. №2.

Законодательные акты

54. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы, 2005. С. 441–463.

55. Высочайший Указ о крестьянском землевладении от 9 ноября 1906 г. URL: <https://diletant.media/articles/35695480/>

56. О жилищных правах научных работников (с изменениями на 24 июня 1938 года) // Консорциум кодексов. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9034437>.

57. Кирилов И.К. Изъяснение о Киргис-Кайсакской и Каракалпакской ордах: проект от 1 мая 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. IX. № 6571. С. 309–317.

58. О обрядах выбора и утверждения Киргиз-Кайсацких ханов в их достоинстве от 9 ноября 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XXIII. № 17080. С. 369–374.

59. Об улучшении жилищных условий советских художников и скульпторов (извлечение) (с изменениями на 24 июня 1938 года) // Консорциум кодексов. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9008511> (дата обращения: 20.03.2020).

60. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.

61. Постановление СНК СССР № 1788 «О литературном фонде Союза СССР» от 28 июля 1934 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4005.htm (дата обращения: 16.04.2020).

62. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13.

Статистические источники

63. Обзор Акмолинской области за 1905–1913 г. Акмолинск, 1906–1914.

64. Обзор Тургайской области за 1890–1914 гг. Тургайск, 1891–1915.

65. Обзор Семипалатинской области за 1880–1910 гг. Семипалатинск, 1881–1911.

66. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Тургайская область. 1904. Т. LXXXVII. Табл. XIV; Акмолинская

область. 1904. Т. LXXXI. Табл. XIV; Семиреченская область. 1904. Т. LXXXV. Табл. XIV; Уральская область. 1904. Т. LXXXVIII.

Справочные источники

67. Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа : Китап, 1996.
68. Военная история башкир : энциклопедия / гл. ред. А.З. Асфандияров. Уфа, 2013.
69. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.
70. Памятная книжка Акмолинской области за 1887 г. Омск, 1888.
71. Костанайская область : энциклопедия. Алматы, 2006.

Периодические издания

72. Омские епархиальные ведомости 1900 – 1909 гг.
73. Оренбургские епархиальные ведомости 1900 – 1910 гг.

Полевые материалы

74. Полевые материалы Т. Аюпова. Россия, Томская область, г. Томск, ноябрь 2015 г. (информант: Ермакова С.И., 63 года, башкирка, пенсионерка).

Исследования

1. Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа / практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 193–210.
2. Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб., 2007.
3. Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
4. Аббасова Г.Э. «Искусство советской Туркмении» в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 г. Забытая выставка // *Артикульт*. 2019. №34.
5. Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана : Полиграфия, 1998.
6. Абилов А.К. Русская историография истории Казахстана XVIII – начала XX веков : учебное пособие. Караганда : Изд-во КарГУ, 1988.
7. Абылхожин Ж. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997.
8. Агафонов О. Казачьи Войска Российской империи. URL: <http://www.ngko.org/forum/3-2-1>.
9. Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2005.
10. Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

11. Алексеенко В.Н. Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX вв. // Вестник Евразии. Народы. 2000. №2.
12. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981.
13. Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск, 2009.
14. Алимова Д. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000.
15. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления 1917–1941 гг. М., 2020.
16. Андреев С.М. Старообрядчество и сектанство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. №1. С. 41–53.
17. Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1 (80). С. 102–106.
18. Антипина В. А. Легендарные доходы и легенды о заработках. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/138985>
19. Аубакирова Х.А., Джумагалиева К.В. Этнический состав сибирского казачества в XIX – начале XX веков. URL: <https://articlekz.com/article/18263>.
20. Басырова Л. След Ахата... // Правда Востока. 1991. 5 марта.
21. Басырова Л. Смысл жизни // Возвращенные имена / сост. Г.Д. Иргалин, Е.П. Асабин. Уфа, 1991. С. 219–232.
22. Бегалиева А.К., Косанбаев К. История изучения этнографии народов Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей (в XVIII – начале XX вв.). Алматы : Казак университети, 2019.
23. Безгоднов А. Поморская монастырская обитель в Риддере. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.
24. Бекмаханова Н.Е. Миграционное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху колониализма. М., 1996.
25. Берковская З.Н. Создание приходов и строительство богослужебных заведений в Омской епархии в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. №2(30).

26. Бижанов М. К. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968.
27. Бочкарева И.Б. Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 года // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №2 (94). С. 53–57.
28. Брусина О.И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // Норма, обычай, право: законодательство и практика : материалы круглого стола. М., 2004. URL: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html.
29. Брусина О.И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1.
30. Булыгин Ю.С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVIII в. // Старообрядчество: история и культура : сборник научных трудов. Барнаул, 1999. Вып. 2. С. 26–27.
31. Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
32. Вагабов М. В. Ислам и женщина. М. : Мысль, 1968.
33. Валиди Тоган Ахметзаки. История башкир / перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева. Уфа : Китап, 2010.
34. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6.
35. Васильев Д.В. Аберрация взаимодействия: ложно понятия смыслы российско-казахских реалий XVIII в. // История : Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 1 (75). URL: <http://history.jes.su/s207987840002320-1-1/>.
36. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
37. Вахитов Ф. По следам генерала. Новые штрихи к биографии генерала М.М. Шаймуратова. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=2395>.
38. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969.
39. Волков В.В. Государство, или Цена порядка. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018.
40. Волков К., Польшковский М. Фазтон со звездой: повесть. Ташкент : Узбекистан, 1968.

41. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4.
42. Вяткин М.П. Батыр Срым : учебное пособие. Алматы : Санат, 1998.
43. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965.
44. Генерал Шаймуратов / сост. Э.Р. Давлетшина. Уфа : Китап, 2010.
45. Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 163–169.
46. Горяева Т. Политическая цензура в СССР в 1917–1991 гг. М., 2009. URL: <http://flibusta.site/b/427129/read>.
47. Градскова Ю. Свобода как принуждение? Советское наступление на «закрепощение женщины» и наследие империи (середина 1920 – начало 1930-х гг., Волго-Уральский регион) // Ab Imperio. 2013. №4. С. 113–144.
48. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 2003.
49. Гулямов С. Таджикская советская интеллигенция. История формирования и роста за годы советской власти. Душанбе, 1974.
50. Гундова О.Е. Экономическая деятельность казахов глазами российских чиновников и служилых людей (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона : материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги. Барнаул, 29 октября 2020 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 123–129.
51. Далаева Т.Т. Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2011. № 2. С. 15–24.
52. Дашкина Ф. Слово о мусульманских феминистках // Стерлитамакский рабочий. 2015. 12 авг.
53. Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21–28.
54. Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы : Казак университеті, 2015. С. 130–143.

55. Добренко Е.А. 1932–1934: рождение советской культурной элиты // Культурологические записки. Вып. 14: Художник между властью и рынком. М., 2013.
56. Дурдыев Т. Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции. Ашхабад, 1972.
57. Еркембай Ж.А. Из истории изучения казахского края в Российской империи в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. № 404. 2016. С. 81–88.
58. Ерофеева И.В. Казахстан второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в трудах и записках русских ученых и путешественников : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата : Наука, 1979.
59. Ерофеева И.В. Европейское просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 50–86.
60. Ескендилов М.Г. Восток Казахстана: на стыке столетий (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Семипалатинск, 2005.
61. Живая память / автор-сост. М.М. Утябаева. Уфа : Китап, 2009.
62. Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана, 1917–1991 гг. Караганда, 2002.
63. Журавлева Е.В., Чепелев В.Н. Искусство советской Туркмении: Очерк развития. М.; Л., 1934.
64. Захаров В.В. Неоинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf>
65. Зезина М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / отв. ред.: Т.С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009.
66. Зубковская О. Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: дилеммы применения // *Ab Imperio*. 2007. №1. С. 395–420.
67. Ибраимов О. История кыргызской литературы XX века. Бишкек, 2014.
68. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001.
69. История Казахстана: народы и культуры : учебное пособие. Алматы : Дайк-Пресс, 2000.
70. История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Фрунзе : Кыргызстан, 1986.

71. История Союза художников Казахстана. URL: <https://soyuz-hudozhnikov-kazahstana.satu.kz/cp11750-istoriya-soyuza.html>
72. Ыбылдырым С., Эгамбердиев М.Ш. Этнографические исследования Царской России в Казахстане // Вестник КазНУ: Серия историческая. 2018. Т. 89, № 2. С. 29–37.
73. Каженова Г.Т. Формирование казачьего населения Степного края (на примере Кокчетавского округа) // Отан тарихы. 2007/1. С. 217–223.
74. Каженова Г.Т. Этнокультурные особенности сибирского казачества в контексте взаимодействия и взаимовлияния с казахским населением Степного края (XIX в.). URL: <https://articlekz.com/article/5209>.
75. Казанцева Т.Г., Мурашов Н.С. Старообрядцы Алтая. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301>.
76. Каимин И.И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб., 2002.
77. Калинин Н.Ф. Казань : исторический очерк. Казань : Таткнигоиздат, 1955. 414 с.
78. Каминский Ф.А. Казачество Южного Урала и Западной Сибири во второй половине XIX века – середине 20-х гг. XX в.: социально-экономический аспект : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2010.
79. Карагусов М. Казахская советская интеллигенция, рожденная Октябрем. Алма-Ата, 1960.
80. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.
81. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905.
82. Кисловский Ю.Г. Красные командиры. Алма-Ата : Казахстан, 1973.
83. Колупаев Д.В. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5(60).С. 252–254.
84. Колупаев Д.В. Образования в поселениях Сибирского казачьего войска // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 5.
85. Колупаев Д.В. Сибирское казачье войско: территория и управление // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4–4.
86. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию судебных уставов). 1864 – 20 ноября 1914. М., 1914.
87. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994.

88. Коротких М.Г. Судебная реформа в России // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 20–34.
89. Краковский К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Ч.2 (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18–30.
90. Косанбаев С.К. История становления и развития этнографии Казахстана (XVIII–XX вв.). Алматы : Дайк-Пресс, 2005.
91. Котюкова Т.В. Подданные или граждане? Выборы в Туркестане: от Империи к Республике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002486-3-1/>
92. Кошин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899.
93. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12.
94. Кузнецова С.И. Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии. Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. XVII, 392 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2007. №1. С. 102–109.
95. Кузнецова С. Пионервожатый женился на пионерке // Коммерсантъ Власть. № 15 (869). 2010. С. 56–60.
96. Кульшарипов М.М. Трагическая демография. Уфа : Китап, 2002.
97. Кунин А.И. Под алым стягом Октября. Фрунзе : Кыргызстан, 1985.
98. Кунин А.И. Южная Киргизия в годы гражданской войны (1918–1920). Фрунзе : Илим, 1981.
99. Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М. : ИРИ РАН, 2006. С. 124–143.
100. Лазарев Л.Е. Советское законодательство о культурной деятельности второй половины 1930-х // Гражданин и право. 2017. № 1.
101. Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908.
102. Личман Е.Ю., Жанайхан Е., Денисова Н.И. Национальное наследие и диалог культур. Казахстан-Россия. Павлодар ; Барнаул, 2013.
103. Лысенко Ю. А. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX

вв.) // История : электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, № 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006066-1-1>.

104. Лысенко Ю.А. Механизмы формирования социальной базы большевизма в Степном крае в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // *Society and Security Insights*. 2019. 2 (3). С. 185–192.

105. Лысенко Ю.А. Акторы социально-экономической модернизации центрально-азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* : сборник научных трудов международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М., 2019. С. 40–57.

106. Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. №. 4–2. С. 158–162.

107. Лысенко Ю.А. Церковное строительство в Степном крае в начале XX в. как фактор формирования положительного образа России в регионе // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. №24. Барнаул, 2008.

108. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014.

109. Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4-1 (80). С. 181–188.

110. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.

111. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М., 2011.

112. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата : Наука, 1966.

113. Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // *Метаморфозы истории*. 2016. №7. С. 134–150.

114. Мельникова О.Е. Творческие союзы Узбекистана в коммунистическом воспитании масс (Из опыта работы парт. организаций). Ташкент, 1969.

115. Моллесон И.И. Земская медицина. Казань, 1871.

116. Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М. : Инсан, 2007.

117. Назарьян Р. Башкирский сын Узбекистана // Леди. 2008. № 39. С. 20–21.
118. Насиров Р. Башкорттар исеменэн // Ағизел. 1989. № 3. 134–135 б. (на башк. яз.).
119. Немцов С.Б. Врачебные и фельдшерские пункты Переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906–1910 гг. Омск : Изд-во Акмолинского пересел. р-на, 1911.
120. Немытина М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5.
121. Нестеренко Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар : Пресс-Имидж, 2012. С. 292–296.
122. Нестерова С.В. Религиозное пространство как подсистема культурного ландшафта Алтайского региона (XVIII – первая треть XX вв.). Барнаул, 2004.
123. Нортроп Д. Ограниченное освобождение: гендер, революция и паранджа в повседневной жизни в Советском Узбекистане. *Central Asian Analytical Network*. URL: <https://caa-network.org/archives/8785>.
124. Очерки истории Рудного Алтая. Усть-Каменогорск, 1970.
125. Паксой Х. Заки Валиди Тоган о басмаческом движении // Ватандаш. 2002. № 11. С. 39–61.
126. Пален К.К. Переселенческие дело в Туркестане. СПб., 1910.
127. Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их регулирование: 80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.
128. Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81).
129. Приль И. История томского старообрядчества: епископы и обители. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-1061>.
130. Прохоров И.Р. Историческая география казахского земледелия (1758–1822) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. Право. 2006. № 2 (42). С. 155–161. URL: <https://articlekz.com/article/5349>.
131. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
132. Раздыкова Г.М. О мусульманских школах в степном крае в конце XIX – начале XX веков. URL: <https://articlekz.com/article/5218>.
133. Расулов А.Н. История взаимоотношений народов Туркестана, Поволжья и Приуралья (1917–1924 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2005. 54 с.

134. Рахимов Е.К. Этнография казахов России в трудах отечественных и зарубежных исследователей (XVIII – начала XXI вв.) : дис. ... д-ра философии (PhD). Алматы, 2017.
135. Ромм А. Очерки истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М. ; Л., 1941.
136. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М., 2011.
137. Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Reprint. Oxford, 1985.
138. Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. М. : Наука, 1979.
139. Сдыков М.Н. Казахи в русской историографии XIX века // Вестник ЗКГУ. 2020. № 4 (80). С. 243–258.
140. Сдыков М.П. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX вв. Алматы, 1996.
141. Скопа В.А. Организация и основные направления работы переселенческого управления в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №10 (84). С. 162–164.
142. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М. : Университетская книга, 2005.
143. Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом советское государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.
144. Смирнов С., Смирнова В. Врачебно-санитарное обслуживание переселенцев на железной дороге Азиатской России в начале XX в. // Вестник Челябинского университета. Сер.10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. №. 2. С. 182–200.
145. Собиров О.С., Қозоқов Э.Қ. Хоразм тарихидан лавҳалар. Урганч, 1992. 42 б. (на узб. яз.).
146. Сорокина В.М. Выставка к 130-летию художника Касима Давлеткильдеева. URL: <https://poufe.ru/localanons.php?eventcode=9753>
147. Союз художников Таджикистана. URL: <http://vdushanbe.ru/catalog/culture/soyuz-xudozhnikov-tadzhikistana/>
148. Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб., 2011.
149. Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае

(80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2. С. 212–216.

150. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней четверти XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1963.

151. Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг. Алма-Ата, 1967.

152. Султанбеков Б. Первая жертва генсека // Татарстан. 2005. № 7–8. С. 45–47.

153. Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М. : Реклама Мастер, 2005.

154. Сюе-Скурихина Н.В. Особенности становления церковно-приходской системы Омской епархии 1895–1917 гг. // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии : материалы Международной научной конференции. Барнаул, 2016.

155. Тагиров И. Запоздалое издание // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 30–41.

156. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 : сборник / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : Изд-во Московского ун-та, 1992.

157. Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: проблемы становления и развития. Алма-Ата, 1982.

158. Татары на севере Казахстана (история и современность). Петропавловск: Северный Казахстан, 2004. 201 с.

159. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906.

160. Тихонов Б.В. Переселение в Россию во второй половине XIX в. М., 1978.

161. Тлостанова М.В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М., 2009.

162. Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М. : Наука, 1966.

163. Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №1 (33). С. 5–8.

164. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2014.

165. Трайнин И.П. Искусство в культурном походе на востоке СССР. М., 1930.
166. Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование : автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2003.
167. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Спб., 1879.
168. Усоф Ф. Статистические описания Сибирского казачьего войска. Спб., 1879.
169. Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010.
170. Хамидуллин С.И., Таймасов Р.С. Образование «Большой Башкирии». Как это было. Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2008. 88 с.
171. Художники и Ташкент – взгляд на далекое прошлое. URL: <http://art-blog.uz/archives/11233>.
172. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900.
173. Шанянская А.А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 гг. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Спб., 2017.
174. Шашкова Т.В. История творческих союзов Иркутской области в 1930 – первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2015.
175. Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе. Омск, 1898.
176. Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 6–20.
177. Эргашева Ю. Культура Узбекистана: тенденции и проблемы развития. Ташкент, 1997.
178. Южакова Т.Л. Динамика, состав и расселение русского сельского населения Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Оренбургского гос. университета. 2006. №9.
179. Юсупов Г. Под знаменем революции // Советская Татария. 1959. 29 марта.
180. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.
181. Янковская Г.А. Патрон-клиентские отношения в практиках управления советским искусством эпохи сталинизма // ARSADMINISTRANDI. Искусство управления. 2013. № 2.

182. Янковская Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008.
183. Ярков А.П. Татары и башкиры в Кыргызстане: историко-культурный портрет. Ч. 1. Бишкек : КРСУ, 1996.
184. Ярмуллин А. Башкирские войска на защите Петрограда // Панорама Башкортостана. 2010. № 3. С. 36–38.
185. Ярмуллин А.Ш. Комбриг М.Л. Муртазин и боевой путь Отдельной Башкирской кавалерийской бригады (к 120-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. 2011. №1. С. 77–85.
186. Akhmetova E. Pan-Islamism in Russia 1905-1930: an Analysis of its Origins. Features and Impact. A Thesis Submitted in fulfilment of the requirement for the degree of Doctor in Philosophy (History and Civilization). 2014.
187. Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D. (ed.) Women, Islam, and the State. Philadelphia: Temple University Press, 1991. P. 201–236.
188. Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // Slavic Review, 2006. 65 (2): 252–272.
189. Kamp M. Women’s Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // Central Eurasian Studies Review. 2009. Vol. 8. 1. P. 2–13.
190. Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // International Journal of Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 34. № 2. P. 279–297.
191. Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // Central Asian Survey. 2007. 26 (4): 601–623.
192. Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // Current Sociology. Sep 2016, Vol. 64 Issue 5, P. 718–735.
193. Keller S. Trapped between State and Society: Women’s Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941 // Journal of Women’s History. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, P. 20–44.
194. Lysenko Yu. A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century . // Bylye Gody. 2019. Vol. 51, Is. 1. P. 138–148. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1551352035.pdf
195. Massell Gregory J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies. In Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton: Princeton University Press, 1974.
196. Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law // Slavic Review. 2001. 60 (1) 115–139.

197. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004.

198. Pearson T. *Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889*// *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984.

199. Sabol S. *The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation* // *Central Asian Survey*. 1995. № 14.

200. Shayakhmetov N. U., Mominova G. T., Omirbekova J. M., Maibalaeva A.A. *Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century* // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54, Is. 4. P. 1439–1450. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1575588440.pdf.

Научное издание

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ
ИМПЕРСКОГО И СОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ**

МОНОГРАФИЯ

Редактор Л.И. Базина
Подготовка оригинал-макета И.В. Шаповалов

Подписано в печать 13.12.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 604.

Усл. печ. л. 11,6.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»

г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 62-91-03, 62-77-25

E-mail: azbuka@dsmail.ru